

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.04.2018 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 11,05. Тираж 500 экз.

Заказ № 109/221.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮурГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

Подопригора Александр Васильевич
Левиафан и сеть: философия власти
в цифровом обществе 7

Лукин Анатолий Николаевич
Может ли ориентация
на традиционные нравственные
ценности согласовываться
с развитием гражданского общества
в России? 18

Нехамкин Валерий Аркадьевич
Модели роли личности в истории:
достижения и пределы 24

Миронов Андрей Владимирович
Маргинальное поведение в ракурсе
морально-политической
конфронтации 34

ВЛАСТЬ

Жоров Евгений Анатольевич
Региональная экономическая
политика Великобритании:
тэтчеристский поворот 42

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* – доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* – доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* – доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

**Артемова Ольга Васильевна,
Логачева Наталья Модестовна,
Нестеренко Ирина Юрьевна**
Ресурсы для развития малого
и среднего предпринимательства
региона.....48

Шаврина Юлия Олеговна
Управление элементами затрат
на производство продукции
для повышения финансовой
устойчивости сельскохозяйственных
организаций.....56

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Зверева Полина Константиновна
Концепт «правовой закон»
как сущностно оспариваемый
концепт?.....67

КУЛЬТУРА

Нижников Сергей Анатольевич
Вера и знание: проблемы онтологии
и гносеологии в историко-философском
контексте.....76

Дыдров Артур Александрович
Мышление современного человека
в контексте инновационной гонки
(заметки о романе-антиутопии «Мы»).....83

Май К Да
Идейные источники
философско-теологической мысли
протестантизма во Вьетнаме.....89

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 – Социальная философия.
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 136.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»

Баркова Валентина Васильевна, Цилицкий Виталий Сергеевич

Становление концепта
«тьюторская деятельность»
в философии образования
Средних веков.....96

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Борисов Сергей Валентинович

Теория и практика
философского консультирования:
компаративистский подход.....103

Товбин Кирилл Михайлович,

Аторин Роман Юрьевич,

Кожурин Кирилл Яковлевич

Старообрядоведение
в культуротворческом ракурсе111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Блинова Олеся Александровна

Философия как забота о себе
(или рассуждения о Форуме
«Мир философии»)123

Борисов Сергей Валентинович

Мексика приглашает:
предварительная программа
15-й Международной конференции
по философской практике131

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher – South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 30.04.2018 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 11,05. Issues – 500.
 Order № 109/221.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich

The Leviathan and the network:
 the philosophy of government
 in a digital society.....7

Lukin Anatoliy Nikolaevich

Can commitment to traditional
 moral values be in accordance
 with the development of a civil society
 in Russia?..... 18

Nekhamkin Valery Arkadyevich

Models of the role of personality
 in history: achievements and limits.....24

Mironov Andrey Vladimirovich

Marginal behavior in terms
 of moral and political confrontation34

POWER

Zhorov Evgeniy Anatolyevich

Regional economic policy
 of Great Britain: Thatcher swing.....42

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. *Borisov* – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. *Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. *Ershov* – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victoria *Lezyer* – Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. *Ledyayev* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. *Medushevsky* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. *Pavlov* – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. *Popov* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. *Chuprov* – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. *Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. *Pavroz* – Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. *Ponedelkov* – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. *Rusakova* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory *Simons* – Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. *Sungurov* – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. *Kostina* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina *Lisitz*a – Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. *Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. *Kovban* – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. *Kodan* – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. *Sergeev* – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. *Artyomova* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. *Bajtenova* – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. *Mutaliev*a – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. *Lavrentyeva* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. *Savchenko* – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. *Zagrebin* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. *Lukin* – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. *Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. *Smirnov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. *Timofeev* – Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT

**Artemova Olga Vasilyevna,
Logacheva Natalya Modestovna,
Nesterenko Irina Yuryevna**

Resources for developing regional
small and medium-sized
entrepreneurship48

Shavrina Yulia Olegovna

Managing elements of production costs
for improving financial stability
of agricultural organizations56

STATE AND LAW

Zvereva Polina Konstaninovna

Concept “legislative law”
as an essentially disputed concept?67

CULTURE

Nizhnikov Sergey Anatolyevich

Belief and knowledge; problems
of ontology and gnosiology
in historical and philosophic context76

Dydrov Artur Alexandrovich

Thinking of a contemporary man
in the context of the innovation race
(remarks on the anti-utopia novel “We”).....83

Mai K Da

Ideological sources
of philosophic-theological thought
of Protestantism in Vietnam89

Barkova Valentina Vasilyevna,

Tsilitsky Vitaly Sergeevich

Formation of the concept “tutor activity”
in the education philosophy
of the Middle Ages96

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 136.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

SCHOLARLY RESULTS

Borisov Sergey Valentinovich

Theory and practice of philosophic consulting: comparative approach 103

**Tovbin Kirill Mikhaylovich,
Atorin Roman Yuryevich,
Kozhurin Kirill Yakovlevich**

Old Believers studies in the cultural creation perspective..... 111

SCIENTIFIC LIFE

Blinova Olesya Alexandrovna

Philosophy as care of the self (or reasoning about the forum)..... 123

Borisov Sergey Valentinovich

Mexico welcomes: preliminary program of 15th International conference on philosophic practice..... 131

Для цитирования: Подопригора А. В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 7–17.

УДК 1:3

ЛЕВИАФАН И СЕТЬ: ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Подопригора Александр Васильевич,
Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, д. 70б.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности генезиса, взаимосвязи и коэволюции технологической и институциональной сред постиндустриального социума, базирующегося на электронных платформах и коммуникациях. Обосновывается вывод о том, что сбалансированность, динамика и перспективы развития сетевого информационного общества обусловлены адекватностью и синергией интерактивных цифровых технологий, этоса и институциональной архитектуры гражданского общества и правового государства.

Ключевые понятия:
информация,
цифровые технологии,
постиндустриальное общество,
сети,
интерактивность,
коммуникация,
институты,
интернет,
блокчейн,
демократия.

Сети: технологии или институты?

Очевидная ставка политиков (особенно российских) на новые цифровые технологии востребует анализ взаимосвязи последних с феноменом «сетевого общества» и уточнение его содержания, так как требуется гораздо лучше понимать, как соотносится структура электронных коммуникаций с институциональными основами постиндустриального социума, как это соотношение влияет на его динамику и перспективы. Является ли цифровое общество и цифровая экономика по определению сетевыми? Что такое *сеть* как структурная основа современного социума? Является ли это понятие сугубо технологическим и аксиологически нейтральным, свободным от этоса и политического содержания, определяемых культурой и историей конкретного общества? Могут ли цифровые сети сами по себе, вне системы адекватных социальных и политических институтов, обеспечить развитие той или иной страны? Может ли постиндустриальной сетевой экономике соответствовать социально-политическая среда индустриального, доиндустриального или «гибридного» социума – и что это будет значить для перспектив такой экономики и такого общества?

Это во многом старый вопрос о «яйце и курице»: что первичнее – технологии или ценности, «производительные силы» или «производственные отношения»? Сегодня, когда Интернет, big data, краудсорсинг, блокчейн и майнинг представляются многим лидерам «волшебными палочками», способными по-новому обосновать их доминирование и планы, оставляя за скобками повестку политического участия, модернизации институтов, балансов децентрализации и государственного регулирования, ясность в этих вопросах представляется необходимой.

Уже Д. Белл, чьи труды, написанные в 70-е годы XX века, легли в основу теории постиндустриального общества, видел принципиальную важность таких дефиниций. Он предлагал одновременно различать и рассматривать в комплексе вопросы собственности, развития технологий и организации власти, культуры, исторических традиций, признавая их равную значимость и преобладающую роль на отдельных отрезках развития в различных странах. Белл замечал, например, что США и СССР были равно индустриальными обществами – при том, что социальная организация в первом

случае была капиталистической и демократической, а во втором – «государственно-коллективистской» (при этом Индонезия и Китай были в равной степени доиндустриальными, но первая – капиталистическим, а второй – государственно-коллективистским обществом) [3, с. CXLVIII]. То есть один и тот же производственный «базис» мог (по крайней мере, временно) иметь разные социально-политические «надстройки».

Результаты дальнейшего развития не отменили эти подходы, но внесли существенные коррективы: СССР как «коллективистское» государство рухнуло, а наследовавшая ему РФ эволюционировала (пусть и своеобразно) по своему политическому устройству к западным демократиям, оставаясь частью европейской цивилизации. Китай и Индия по-прежнему демонстрируют свою цивилизационную специфику, однако их индустриальное и постиндустриальное развитие «контекстно связано» (выражение В. Цымбурского) с адаптацией к пространству права и экономических отношений, сформированному в Европе и Северной Америке: сегодня это уже не синтез, а симбиоз парадигм, практик и ресурсов, где культурные и политические особенности не отвергают, а обеспечивают глобальное единство ключевых норм. Подтверждается, что стрелковые технологии, определяющие экономический «базис» современного общества, востребуют адекватную институциональную архитектуру, существенно меняя социумы, политику и культуру.

Белл видел суть этой глобальной социальной трансформации в том, что основой постиндустриального общества являются информация и знание, «экономика информации» отличается по своей природе от «экономики товаров», а общественные отношения, возникающие благодаря использованию новых информационных сетей, не соответствуют прежним социальным моделям. «Особенности постиндустриального общества таковы, что как тенденция его черты будут неизбежно проявляться во всех индустриальных системах, и степень, в какой это происходит, зависит от множества хозяйственных и политических факторов», – прогнозировал Белл (3, с. CLIX).

Эти особенности современного постиндустриального социума описал М. Кастельс, сформулировав главную на сегодня научную концепцию нового общества. Он называл его «информациональным» и «сетевым», причем обе характеристики выглядят существенными, пересекаясь и обуславливая друг друга: «Одной из ключевых черт информа-

ционального общества является сетевая логика его базовой структуры, что и объясняет концепцию « сетевого общества» [7, с. 9].

Действительно, *информационным* человеческое общество, основанное на осмысленной коммуникации, было всегда, однако в ходе исторического развития меняются типы, топологии и технологии коммуникационной сети, что приводит к содержательным переменам в морфологии социума. Суть этих перемен в том, что «информационное» сетевое общество – это общество, в котором главным ресурсом является не просто информация, а такие способности ее электронной генерации и обработки, которые эффективны только вне присущей традиционному и индустриальному обществам организации социальных коммуникаций. На смену иерархиям власти, монополизирующим производство смыслов и их вертикальную трансляцию, приходит морфология *сетей* как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих узлов коммуникации, каждый из которых достаточно автономен и существенно важен для сети; теперь именно логика сети, а не потребности иерархий определяет ценность того или иного узла, *включая или исключая* его из информационного потока.

Само государство в *сетевом обществе* как «конфигурации глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия» становится «просто узлом (хотя и важным) определенной сети (политической, институциональной или военной), пересекающимся с другими значимыми сетями в процессе социальной практики» [6, с. 43, 36]. При этом ключевым коммуникационным узлом глобальной информационной сети становится социальный субъект, способный свободно продуцировать и обрабатывать информацию [11, с. 49] – индивидуум или группа, которые также являются потребителями государственных услуг, чьи форму и стоимость они определяют сами, а суверены и юрисдикции начинают конкурировать между собой привлекательностью социальных и коммерческих сред. Пытаясь ограничить суверенитет личностей, «государства могут только выдавить их из себя, но подчинить их они чаще всего уже не в состоянии», отмечает В. Иноземцев [5].

Кастельс определяет новую социальную структуру как *сетевое общество* потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не

все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [7, с. 505].

Все это превращает сеть в институциональную инфраструктуру общества, построенного на автономии индивидуальных узлов, постоянных адаптациях и реконфигурациях социальной системы под влиянием информационных потоков и технологий, востребуя тип социальных институтов, адекватных процессам децентрализованной интерактивной коммуникации; однако ни такая коммуникационная сеть, ни такая институциональная среда не возникают вдруг на «пустом месте»: они находятся в состоянии диалектического единства, постоянно рождаясь одна из другой.

Повестка «цифрового» будущего неизбежно приобретает социально-политическое звучание: требуется понимать, почему именно *сеть* является основой современного общества как перспективного социального проекта? Почему сеть стала базовой структурой общества *именно сейчас* и какую именно институциональную среду она востребует?

Отступление иерархий: социальный аспект цифровой реальности

Обращаясь к этой теме, исследователи, как и политики, часто ищут ответы вне этоса, онтологии и институциональной природы современного общества, видя в сети «сугубо технический феномен новых коммуникационных технологий» [12, с. 61]. Такое понимание представляется очевидно неполным.

Прежде всего потому, что цифровая реальность глобального постиндустриального общества – это новый *вид* информационной реальности. Ее специфика определяется тем, что цифровая реальность, по нашему определению, это такой этап саморазвития информационной действительности, где знаковые системы радикально отделяются от природной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством революционных компьютерных технологий

в *электронно-цифровую среду* как «третью природу»: совокупность сложных, операционально замкнутых информационных систем, объединенных в сетях электронных коммуникаций и функционирующих по законам и нормам, отличным от классических физики, естествознания и социологии.

Сетевой профиль единого киберпространства существует поверх рамок и норм «доцифровых» физического, биологического, психологического и социально-политического пространств, интегрируя и преломляя их в мире *цифровых объектов и коммуникаций*, высвобождаясь из-под гравитации физической предметности, радикально меняя статус и поведение информационных объектов и процессов. «Сетевая экономика», новые парадигмы вычислений, венчурный капитализм, цифровые платформы краудсорсинга, интернет и блокчейн, криптовалюты, смарт-контракты и другие технологии интерпретации данных и искусственного интеллекта демонстрируют это особенно наглядно. Если реальность постиндустриального общества тождественна информации [4], то она выступает как коммуникационный поток в сетях, а сами сети становятся имманентной структурой цифровой реальности.

Как отмечает Е. Князева, комментируя подходы Кастельса, сети децентрализуют и распределяют принятие и исполнение решений. Они действуют на основе бинарной логики: включение/исключение; все, что входит в сеть, полезно для нее, что не входит – не существует с точки зрения сети и может быть элиминировано. Если узел сети перестает выполнять полезную функцию, он отторгается ею и сеть реорганизуется. Некоторые узлы более важны, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Не существует системного доминирования узлов, их значение определяется накоплением большей информации и более эффективного ее использования [10]; доминируют не центральные узлы, а узлы переключения, следующие сетевой, а не командной логике. В этом контексте представление о свободной личности как ключевом узле сети цифровых коммуникаций исключает трактовку такой сети как «чисто технического феномена».

При этом следует помнить, что сетевое, децентрализованное устройство социума известно со времен античности, когда развитие морских коммуникаций и городов вызвало к жизни первые формы демократии, а сеть полисов организовала социально-экономическую жизнь во всем

Средиземноморье, самом развитом тогда регионе мира. Таким образом, уже античность продемонстрировала глубокую связь между «сетевой экономикой» передовых коммуникаций (которые включали не только флот, но и фонетическое письмо, алфавит) и соответствующей институциональной средой, строящейся на автономии и равноправии «узлов» – свободных граждан, «хозяйствующих субъектов», городов и их объединений (аналогичные сети мы видим в итальянских и североевропейских городах эпохи Возрождения – им также соответствовали определенные формы протодемократии; сеть североамериканских колоний дала жизнь США с их федеративным и демократическим устройством).

Однако исторически иерархические социально-политические структуры долго доминировали над горизонтальными сетями. Кастельс видит причину этого в том, что «у децентрализованной сетевой формы общественной организации существуют требующие преодоления фундаментальные материальные ограничения, обусловленные наличными технологиями. Действительно, сила сетей – в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию. Однако за определенной гранью размера, сложности и объема потоков, в условиях доэлектронной коммуникационной технологии они оказываются менее эффективными, чем вертикально организованные командно-административные структуры» [6, с. 39]. Понятной в такой логике, видится, например, эволюция политического устройства Древнего Рима от республиканской формы правления к имперской именно в тот момент, когда масштабы завоеваний и размеры территории государства превысили возможности социальной коммуникации, обратной связи и регулирования в рамках полисной модели, где все вопросы решались представительным собранием граждан (сенатом в данном случае).

«Временной лаг замкнутого цикла обратной связи в процессе коммуникации был таков, что логика системы вела к одностороннему потоку передачи информации и директив. В этих условиях сети были расширением сконцентрированной на вершине вертикальных организаций власти, которая формировала историю человечества: государства, религиозные институты, военные диктаторы, армии, бюрократии» и т. п., пишет Кастельс [6, с. 39]. Индустриальная эпоха также востребовала топологию коммуникационной сети, построенной на унификации и централизации и нашедшей

свое институциональное выражение в корпорациях и национальных государствах. Это происходило потому, что прежние, основанные на электричестве, коммуникационные технологии «были недостаточно мощными, чтобы обеспечить автономия всем узлам сети, поскольку эта автономия требовала разнонаправленности и обработки непрерывного потока интерактивной информации», подчеркивает Кастельс [6, с. 40].

Эти ограничения сняла «компьютерная революция» второй половины XX века и цифровые технологии электронной коммуникации, которые сделали *сети* наиболее эффективными формами социальной организации: теперь сетевое общество смогло полностью развернуться именно благодаря доступной электронной информации и коммуникационным технологиям, «выйдя за исторические ограничения сетей как формы социальной организации и интеракции» [6, с. 41].

А. Болховский также подчеркивает этот ключевой момент: «Одним из главных отличий, присущих постиндустриальному обществу, является *компрессия времени и пространства*, и, вследствие этого, изменение пространственно-временных факторов в человеческих взаимодействиях», продиктованное теми изменениями параметров информационного обмена, которые стали возможны благодаря новым достижениям информационных технологий, основанных на физике высоких скоростей и микроэлектронике [4]. Сетевое общество сегодня – это динамичная открытая система, генерирующая новации без утраты баланса, которая создает экономику, «основанную на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [9, с. 37].

Именно отсутствие адекватной возможностям сетей технологии «подавления пространства и уничтожения времени» делало необходимым существование социальных и политических иерархий как «проводников» информации; появление такой технологии сделало сеть наиболее эффективной горизонтальной *социальной структурой*, привнеся в общество присущий ей этос свободы и обновив институциональную архитектуру. Там, куда она проникает, сеть требует

«апгрейда» социальной, а часто и политической «программы». Это касается не только авторитарных обществ, но и признанных демократий и федераций. Однако показательно, что и сегодня автократии живучи там, где главным ресурсом остаются природные богатства территорий, а демократии доказывают свою эффективность в обществах, построенных на информационных потоках и электронных коммуникациях как новой форме социальной интеракции.

Это связано именно с тем, что *сеть* как определяющая структура и система социальной коммуникации не является по своей сути сугубо техническим феноменом. Это социальное явление, возникшее и ставшее доминирующим в *определенной – европейской – культурной парадигме*, включающей сложность, разнообразие и интерактивность социальных субъектов, полицентричность и конкурентность, институциональное равенство статусов и саморегуляцию. Именно благодаря этим базовым принципам такой социум стал в цифровую эпоху глобальным. Это не вопрос идеологических предпочтений: просто за тысячи лет до появления первого компьютера именно в Европе стала складываться институциональная среда, максимально способствующая превращению информации в главный социальный ресурс. Тому есть серьезные культурно-исторические основания, которые мы рассматриваем в другой работе [15], здесь же просто подчеркнем этот факт.

Таким образом, социальная сеть современного постиндустриального общества – это процесс и пространство потоков интерактивной электронной коммуникации, узлами которой являются свободные индивидуумы и образуемые ими динамические идентичности и цифровые платформы – личности и группы, смыслы и структуры, информационные объекты, институты, программы и технологии.

Наш вывод основывается на том, что *сеть* как таковая, – это «паттерн контактов» [6, с. 37], способ производства и организации потоков информации как адаптации неопределенности и сложности мира для достижения цели – как в обществе, так и в других системах жизни (не случайно человеческий мозг – не заданная «программа», а сложнейшая интерактивная нейронная сеть). Если информация/коммуникация между людьми опосредована значительными пространственно-временными массивами, а главным ресурсом общества является обработка пространственных объектов, востребованы иерархии власти, организу-

ющие и монополизирующие коммуникацию в пространстве и времени, генерирующие и вертикально транслирующие цели и смыслы по единой магистрали. Эти иерархии выступают доминирующими узлами социальной сети, привилегированными авторами сообщений, которым общество *доверяет* сбор, хранение и использование информации. Такие общества регулируются ритуалами, традициями, идеологиями и другими институтами, охраняемыми и консервируемыми государством.

Когда пространство и время сжимаются электронной коммуникацией, а главным ресурсом значительно усложнившегося общества становится собственно информация (данные, средства обработки и коммуникации, контекст) вновь, как и в догосударственных обществах, доминируют прямые горизонтальные интерактивные контакты (уже в рамках глобальной децентрализованной цифровой сети) и индивидуально-общинное смыслообразование. Узлами сетей и авторами сообщений становятся индивидуумы и подвижные группы («электронные племена» по Делезу), общество фрагментируется и персонализируется, иерархии теряют значение ключевых узлов-посредников и часто становятся преградой развитию, превращаясь в информационные големы, работающие в логике собственного выживания. В то же время цифровой социум регулируется открытыми и постоянно меняющимися сетевыми протоколами коммуникации. Они несут распределенный характер и все меньше востребуют уполномоченных посредников (в том числе – политических), которым передоверялась прежде регистрация транзакций и распоряжение активами, хранение, обработка и трансляция информации. Такими технологиями выступают сейчас прежде всего интернет и блокчейн.

Демократия 2.0: институциональные технологии цифрового общества

Ключевая особенность сети электронных коммуникаций как социальной инфраструктуры современного общества заключается в ее универсальном технологическом характере, который невозможно игнорировать как бизнесу, так и политикам различных взглядов; цифровая социальная сеть в этом смысле знаменует исчерпание ресурсов идеологий и иерархий.

Это происходит потому, что коммуникация в социуме «все более плотно охватывается сетью *технических стандартов*,

которые опосредуют все социальные взаимодействия и заключают их в специфический технологический каркас, который можно именовать сетевой моделью», подчеркивает А. Болховский [4]. «Сетевая революция» [13] меняет социальную топографию, ибо цифровая сеть как новая социальная среда не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алгоритмам стандартам в «неэвклидовой социальной геометрии» [12, с. 74]. Культурным символом и рабочей моделью этой геометрии стал интернет (а следом – блокчейн) как «возникающая, изменяющаяся, развивающаяся информационно-коммуникативная структура современного общества», которая «осознается как процесс создания новой информационной реальности социума» [4].

Эта информационная реальность разворачивается у нас на глазах, будучи основана на меняющихся примерно каждое десятилетие *парадигмах вычислений*. Сначала это были мейнфреймы, затем персональные компьютеры, интернет, мобильные и социальные сети и, наконец, «пятая парадигма»: связанный мир вычислений, основанный на криптографии блокчейна, который выступает как многофункциональная многоуровневая автоматическая цифровая технология распределенного учета, хранения, мониторинга и совершения транзакций для активов любого рода – материальных (имущество, контракты, медицинские данные и т. д.) и нематериальных (идеи, репутации, права голосования, проекты и др.) [16, с. 15, 24].

Главная социальная инновация блокчейна заключается в том, что встроенные в систему механизмы саморегулирования и децентрализованные облачные функции защищают ее от любых попыток обмана, заинтересованного воздействия и манипуляций. Блокчейн-технология (в тесной связи с биткойнами) является *не требующим доверия* механизмом верификации транзакций в глобальной сети Интернет, так как ее архитектура открытого цифрового реестра, моментальных платежей и «умных контрактов» позволяет обходиться без «доверенных посредников» (т. е. доверительных отношений с банками, деловыми партнерами, политиками, чиновниками правительств и т. д.), формируя глобальную «децентрализованную сеть доверия»; это особенно важно там, где государственный контроль, дефицит доверия и ограничительная экономическая политика затрудняют предпринимательскую и иную деятельность [16, с. 187, 88].

Это открывает новую эпоху универсальных социальных стандартов, которые де-факто становятся техническими, а потому императивными для участников цифрового общества. В свое время стандартизированные механизмы правового регулирования (договорное право, право собственности и т. д.) утвердили капиталистические отношения и заложили основы индустриального общества. Теперь стандартизированные операции с интеллектуальной собственностью могут стать новой платформой регулирования и развития цифрового общества – в силу того, что его главным ресурсом по факту являются идеи, коммуникации, информация.

По сути, блокчейн наполняет экономическим и социальным трафиком свободные магистральные сети Интернет и мобильной связи, а возможность уйти от многочисленных посредников и контролеров, передав функции верификации и регулирования транзакций цифровым алгоритмам, превращает систему «интернет-блокчейн» в институциональную структуру постиндустриального общества, так как обеспечивает качественно новую рабочую модель для *всех* видов децентрализованных взаимодействий (между людьми, между людьми и машинами, между машинами в рамках «интернета вещей» и т. д.).

Социальную систему развитого постиндустриального общества, немислимую сегодня без культуры и технологий интернета (как индустриальное общество было немислимо без телеграфа и СМИ), мы назвали *интерактивным обществом* в стадии цифровых коммуникаций, где моментальная обратная связь становится важнейшим принципом и платформой организации социума. Интерактивное цифровое общество – это и есть, своего рода, *социальный блокчейн* – децентрализованная (сетевая) система, обладающая памятью (электронным архивом); в ней нет разграничения между *трансляцией* и *тестированием*, изменения происходят в режиме реального времени именно в силу интерактивного характера системы – постоянного прямого взаимодействия «пользователей» и «программ», минимизирующего роль посредников в лице бюрократического иерархий и построенного на консенсус-алгоритмах [15, с. 17].

В «доцифровом» обществе функции «блоков» этого социального блокчейна выполняли традиционные социальные институты, а его «журналом» были исторические хроники, литература, правовые акты и СМИ. Теперь цифровые технологии дают возможность поместить эту сферу в рамки технических стандартов, которые невозможно

«обмануть» или обойти без потери качества социальных отношений. Проблемы здесь, как и новые возможности, неизбежны, так как столкновение «доцифрового» государства – Левиафана – с Сетью рождает попытки традиционных иерархий приспособить цифровые коммуникации для нужд собственно выживания и доминирования.

Как отмечает М. Кастельс, «в процессе коэволюции Интернета и общества происходит глубокая трансформация политического аспекта нашей жизни. Осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения. По аналогии с прежними историческими контекстами развитие этого процесса происходит весьма противоречиво» [8, с. 193].

На периферии, удаленной от центров рождения сетевых информационных технологий (не только пространственно, а именно культурно и институционально), социальные процессы осложняются, так как инновации привносятся в иную (иерархическую и традиционную) культурно-институциональную среду, создавая фрагментированные социумы, живущие одновременно в разных социо-культурных средах. Здесь формируются общества «ограниченного доступа» – гибридные системы социальной коммуникации и топологии сетей (к ним относится и РФ), где институциональные сети обратной связи используются патримонными элитами для вертикальной трансляции смыслов и контроля за обществом в целях сохранения политической монополии, а свобода, конкурентность и приватность коммуникаций существенно ограничиваются. Это часто приводит к «искривлению» информационного пространства, имея следствием неадекватные «отклики» и управленческие реакции системы, потерю динамики социума.

Перспективы таких социумов в глобальном сетевом мире зависят от того, насколько новые информационно-коммуникационные технологии будут адаптированы институциональной средой, отторгнуты ею или успешно изменят ее в процессе «цифровизации». Проблема заключается в том, что концепт постиндустриального сетевого общества, как уже отмечалось, не является аксиологически нейтральным и сугубо технократическим – главными социальными ценностями, предопределившими рождение

и развитие интернета, а вместе с ним – всего современного сетевого общества, М. Кастельс называл свободу и открытость, чьи корни, в свою очередь, уходят в эпоху европейского Просвещения и далее в глубины античной истории: это «культура веры во врожденную полезность научно-технического развития как ключевой составляющей прогресса человечества», а «главным звеном в этой системе ценностей является свобода. Свобода творить, свобода использовать любые доступные знания и свобода распространять их в любом виде» [8, с. 55, 64].

«Эта парадигма свободы имела под собой как технические, так и институциональные основания, – подчеркивает Кастельс. – Технически ее архитектура ни чем не ограниченной организации компьютерных сетей базировалась на протоколах, которые трактуют цензуру как техническую неполадку и просто обходят ее в глобальной сети, превращая контроль над последней в весьма трудную (если только вообще разрешимую) проблему. Это не какая-то особенность Интернета, это сам Интернет, каким он был произведен на свет его создателями» [8, с. 198].

Будучи ключевым типом социальной коммуникации определенного социума, чьи институты стали теперь глобальными и сетевыми, интернет и блокчейн эффективно работают лишь в синергии с адекватными общественными институтами. В противном случае цифровые потоки скорее служат «выключателем» устоявшихся норм, дезорганизуя архаичные иерархии и «обтекая» их в поисках «своей сети» – модернизированных институтов политического участия и представительства, верховенства закона, подотчетного правительства, защиты собственности, независимых СМИ, судов и проч. [18, с. 37].

Примерно это же делали в свое время печать и радио, телефония и спутниковое ТВ, постепенно лишая государства монополии на информацию. Принципиальная разница заключается в том, что сегодня коммуникационные сети стали глобальными, а исключение из сети коммуникаций, которое и ранее маргинализировало пространственный социум, в социуме информационном делают утрату позиций невозполнимой, так как быстро меняющиеся технологии невозможно полностью *заимствовать*, использовать и развивать вне соответствующей институциональной архитектуры. Суть дела не в полноте заимствования институтов развитых постиндустриальных

обществ, а в понимании безальтернативности их адаптации.

По А. Барду, власть в сетевом обществе – не иерархии, а совокупность «сетевых пирамид», встроенных одна в другую; здесь «власть происходит из временных, нестабильных, аморфных альянсов, а не из какой-то конкретной географической точки или устойчивого конституционального образования... Представления, что все важные виды человеческой деятельности контролируются из центра, вышли из употребления. В виртуальном мире просто нет центра» [2, с. 198].

Понятно, отчего это происходит: власть всегда была смыслообразованием, сообщением, транслируемым обществу из того или иного центра. Однако поскольку основным узлом цифровой сети становится *свободный* социальный субъект, способный самостоятельно генерировать сообщения, организовывать коммуникацию и самокоммуникацию в электронной среде, творить смыслы в новой интерактивной, полицентричной сети, социальный контакт превращается из вертикальной трансляции в бинарную коммуникацию и интеракцию [12, с. 70]; теперь именно интерактивное сообщение становится социальной единицей, рождая «персонализируемое сообщество» (выражение Кастельса). Происходит децентрализация авторства, производство власти окончательно становится распределенным и полицентричным.

Поэтому речь идёт об ослаблении символической власти традиционных отправителей сообщений; в первую очередь – центров власти, управляющих посредством исторически закодированных норм и социальных привычек, таких как религия, мораль, авторитет, традиционные ценности, политическая идеология [4]. Это можно представить также как масштабный кризис доверия, который повсеместно распространяется сейчас в отношении традиционных «посредников» в лице иерархических структур – носителей власти и авторитета, которые всегда стояли ранее между участниками рынков (экономических, финансовых и политических) и их возможностями безопасно и эффективно осуществлять свои действия.

Цифровые технологии дают ответы на эти вызовы, одновременно являясь «подрывными» для традиционных социальных систем, выстроженных на неформальных «доверительных» отношениях внутри патримониальных элит и между участниками социальных транзакций вообще. В частности, открывая возможности

«блокчейн-правительства» как использования блокчейн-технологии для эффективного, дешевого и персонализированного оказания услуг, традиционно предоставляемых государством. Правительство в таком случае становится больше похожим на бизнес, чем на государственную монополию, оно будет активнее строить отношения с гражданами-потребителями, предлагая им выгодные условия и качественные услуги – последние смогут выбирать юрисдикции как набор сервисов. Разумеется, это дело будущего, поскольку востребует как широкое распространение более мощных компьютерных систем, так и рост благосостояния обществ и политического участия, однако такие перемены сейчас происходят очень быстро – в тех случаях, когда институциональная среда им благоприятствует.

Это много значит для будущего демократии, которую новые технологии неизбежно затронут и преобразуют. Так как идея Сети – это идея синергии, самоорганизации, саморазвития и самоконтроля, политически это идея демократии и гражданского общества, которые цифровая сеть обновляет в разнообразии новых форматов инклюзивности, учета мнений, голосований, делегирования полномочий и прав (модели «гибкой», партисипативной и «мониторной» демократии, футархии и др.), возрождая на ином технологическом уровне и в иных масштабах феномен *полиса*.

Ключевые политические модели вообще чрезвычайно устойчивы, поскольку в их основе лежит, по выражению Кастельса, «осмысленная коммуникация, составляющая сердцевину существования человеческого вида» [6, с. 41]. Примечательно, что уже Аристотель понимал государство как «своего рода общение» (т. е. коммуникацию), которое «организуется ради какого-нибудь блага» [1, с. 15]. А главными проблемами демократии философ видел, говоря современным языком, качество коммуникации и политического участия в государственной деятельности и управлении. Гражданином для Аристотеля является лишь тот свободный человек, который, будучи «общинником государства», принимает участие в законотворчестве и судах, однако обеспечить такое политическое участие *всех* граждан было затруднительно с точки зрения организации (полисная демократия плохо масштабируется) и последствий для качества управления. Если первая проблема отчасти снималась небольшими размерами греческих полисов, то вторая предполагала решающую роль в важных государственных вопросах

малоимущей и необразованной массы населения. Оттого Аристотелю представлялась идеальной формой правления «аристократия» как «власть достойнейших» (сегодня мы бы назвали это меритократией, как ее понимает Д. Белл для постиндустриального общества – «социальное устройство, основывающееся на приоритете образованного таланта» [3, с. 573]).

Интернет и блокчейн способны технологически снимать эти «вечные» изъяны демократии, делая возможным в условиях сложного, сильно дифференцированного социума синтез демократии и меритократии в масштабах мегаполисов, государств и транснациональных образований. Речь, конечно, не идет об одномоментной замене традиционных выборов электронным голосованием. Однако повсеместное распространение разнообразных мобильных приложений, опросов, дебатов и онлайн-голосований по актуальным темам (в рамках проектов *smart-city*, например) значит на деле гораздо больше для расширения политического участия, поскольку позволяет более полно и быстро учитывать и реализовывать настроения и потребности сильно сегментированного населения, для которого цифровые устройства уже стали жизненно важным «расширением» (по М. Маклюэну) собственной личности. Эту же функцию «таргетирования политики» во всех крупных избирательных кампаниях последнего времени реализуют технологии работы с «большими данными».

Л. Становая справедливо видит в социальных сетях, big data, цифровых платформах краудсорсинга и государственных услугах через интернет «новый век формирования, если угодно, коммуникационной демократии. Спустя сотни лет общества вернули теперь уже технологическую возможность прямого взаимодействия с контрагентами, в том числе и с государством». Это снова делает актуальной повестку прямой демократии и прямого участия, ибо «цифровые технологии создают условия для лучшего анализа общественных настроений, для прямой связи власти и общества, где представителей народа – партии и политиков – будут теснить цифровые платформы. Цифровая революция, таким образом, чревата переформатированием не только мирового рынка труда, но и политического мира – профессии политика, института политических партий» [17].

В общем смысле это означает, что в «цифровой версии» глобального постиндустриального общества резко сокращаются

роль и возможности централизованного регулирования и контроля; одновременно растет цена адекватности интерпретаций и решений в сегментированной цифровой социальной среде, которая формируется и постоянно меняется множасьими смыслами, транзакциями и сообщениями миллионов акторов/авторов интерактивно и мгновенно. Демократия как модель политической организации полисубъектного общества с распределенной властью принципиально отвечает такого рода вызовам. В то же время иерархически организованные, ригидные социумы, где элиты видят шанс самосохранения в ограничениях коммуникаций и обратной связи для укрепления своей монополии на ресурсы территорий, выглядят обреченными на стагнацию и отсталость. Административные препятствия не удерживают сетевые смыслы и потоки, а выталкивают их из общества; информационные и людские ресурсы утекают из *траммированных* сетей в открытые кросссистемные социумы, что приводит к упадку те, которые они покидают, ведь сеть – полимагистральная структура.

Таким образом, основания философии власти в цифровой реальности сетевого общества серьезно трансформируются, отражая смену главного социального ресурса, которым становится информация и способы обращения с ней; адекватность институтов социума этосу и платформам глобальной цифровой сети становится главным фактором статуса и перспектив того или иного общества.

Власть больше не может воспринимать социум как *объект* наблюдения, программирования и контроля, ее роль теперь – функция одного из ключевых узлов социальной сети, которая должна акцептироваться ее участниками в режиме реального времени, иначе властная иерархия опознается сетью как препятствие потокам и элиминируется. Для того чтобы преуспеть в цифровых реалиях, власть должна не отстаивать, а отказаться от фактически уже утраченной монополии на информацию и смыслы и их вертикальную трансляцию, гораздо больше учитывать выявляемые в цифровой среде настроения и планы многочисленных авторов сообщений вместо попыток имитировать их через подконтрольные масс-медиа. Это повестка культуры, философии и институтов, а не инструментов и технологий, в том числе политических [14].

Понимание современного постиндустриального социума как интерактивного сетевого общества в формате цифровых

коммуникаций и платформ наполняет новым содержанием такие давно известные институты, как верховенство закона, равенство статусов, политическое участие и представительство, подотчетное правительство. Именно они, трансформируясь технологически, принимают на себя роль институциональных магистралей цифровых потоков, вне которых эффективное движение социума, ведущее к прогрессу, становится невозможным.

1. Аристотель. Политика. М. : Академ. проект, 2015. 318 с.

2. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia, 1999. 956 с.

4. Болховский А. Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ. URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz> (дата обращения: 23.12.2017).

5. Иноземцев В. Л. Сам себе суверен. URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10984094.shtml (дата обращения: 23.11.2017).

6. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ИД ВШЭ, 2016. 564 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

9. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века : тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48.

10. Князева Л. И. Концепция сетевого общества М Кастельса. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2622 (дата обращения: 23.12.2017).

11. Лысак И. В., Косенчук Л. Ф. Современное общество как общество сетевых структур // Информационное общество. 2015. № 2–3. С. 45–51.

12. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. № 7, 2008, с. 61–75.

13. Олескин А. В. Сетевое общество: его необходимость и возможные стратегии построения. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshchestvo-ego-neobkhodi->

[most-i-vozmozhnye-strategii-postroeniya/3/](#) (дата обращения: 23.11.2017).

14. Подопригора А. В. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 7–15.

15. Подопригора А. В. Интерактивное общество: понятие и генезис // Социум и власть. 2017. № 4. С. 14–23.

16. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М. : Олимп-бизнес, 2017. 240 с.

17. Становая Т. А. Возможна ли в России цифровая демократия? URL: <http://carnegie.ru/commentary/75084> (дата обращения: 27.11.2017).

18. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М. : АСТ, 2015. 688 с.

References

1. Aristotle (2015). Policy. Moscow, Academic project, 318 p. [in Rus].

2. Bard A., Zonderkvist J. (2004) Netokratia. The new ruling elite and life after capitalism. Saint Petersburg, Stockholm school of Economics in Saint-Petersburg, 252 p. [in Rus].

3. Bell D. (1999) The Coming of post-industrial society. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

4. Bolkhovskaya A.L. Information and network society: social-philosophical analysis, available at: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz> (accessed 23.12.2017) [in Rus].

5. Inozemtsev V.L. Himself the sovereign, available at: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10984094.shtml (accessed 23.11.2017) [in Rus].

6. Castells M. (2016) The Power of communication. Moscow, ID VSHE, 564 p. [in Rus].

7. Castells M. (2000) The Information age: economy, society and culture. Moscow, GU VSHE, 608 p. [in Rus].

8. Castells M. (2004) The Internet Galaxy: reflections on Internet, business and society. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 328 p. [in Rus].

9. Castells M., Kiseleva E. (1998) Russia and the network society / Russia in the late XX century: proc. Dokl. International. Conf. Moscow, pp. 36-48 [in Rus].

10. Knyazeva L.I. The Concept of the network society M. Castells, available at: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2622 (accessed 23.12.2017) [in Rus].

11. Lysak I.V., Kosenchuk L.F. (2015) *Information society*, no. 2–3, pp. 45–51 [in Rus].

12. Nazarchuk A.V. (2008) *Questions of philosophy*, no. 7, pp. 61-75 [in Rus].

13. Oleskin A.V. Network society: its necessity and possible strategies of building, available at: <http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshhestvo-ego-neobxodimost-i-vozmozhnye-strategii-postroeniya/3/> (accessed 23.11.2017) [in Rus].

14. Podoprigora A.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 7-15 [in Rus].

15. Podoprigora A.V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 14-23 [in Rus].

16. Swan M. (2017) Blockchain. The scheme of the new economy. Moscow, Olymp-business, 240 p. [in Rus].

17. Stanovaya T.A. Is it Possible in Russia for digital democracy? Available at: <http://carnegie.ru/commentary/75084> (accessed 27.11.2017) [in Rus].

18. Fukuyama F. (2015) State order. Moscow, AST, 688 p. [in Rus].

For citing: Podoprigora A.V.

The Leviathan and the network: the philosophy of government in a digital society // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 7-17.

UDC 1:3

THE LEVIATHAN AND THE NETWORK: THE PHILOSOPHY OF GOVERNMENT IN A DIGITAL SOCIETY

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich,

Scientific-Educational Center
Institute of Economics, Ural branch
Russian Academy of Sciences and
Chelyabinsk State University,
Senior researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences).
The Russian Federation, 454021,
Chelyabinsk, Molodogvardeyev St., 70b
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation

The article considers the features of the Genesis, interaction and co-evolution of technological and institutional environments of post-industrial society, based on electronic platforms and communications. The conclusion is that the balance, dynamics and prospects of development of the network of the information society with adequate and synergy of interactive digital technologies, ethos, and the institutional architecture of civil society and legal state.

Key concepts:

information,
digital technology,
post-industrial society,
network,
interactivity,
communication,
institutions,
Internet,
blockchain,
democracy.

Для цитирования: Лукин А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 18–23.

УДК 316.3

МОЖЕТ ЛИ ОРИЕНТАЦИЯ НА ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОГЛАСОВЫВАТЬСЯ С РАЗВИТИЕМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ?

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454071, г. Челябинск,
ул. Комарова, д. 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблема сочетания ориентации на традиционные нравственные ценности и развития гражданского общества в России, возможность при этом учёта цивилизационного аспекта; показывается, что это проблема не только нашего общества, но и многих других стран, вступивших на путь модернизации.

Ключевые понятия:
гражданское общество,
абсолютные ценности,
либеральные ценности,
функции гражданского общества.

Становление и развитие гражданского общества как феномена, присущего обществу с демократическим устройством и правовым государством, по-прежнему остаётся интересным для исследователей социально-политических реалий современной России. Однако акцент в публикациях по этой проблеме постепенно смещается. Если в 90-х годах прошлого столетия и начале нового века речь в основном шла о том, как быстрее и точнее перенять опыт формирования гражданского общества стран западной демократии, то сейчас на первый план выходит проблематика учёта цивилизационной специфики России при развитии гражданского общества в нашей стране. Один из аспектов дискуссий – можно ли вообще строить гражданское общество, не основанное на примате классических либеральных ценностей.

Классический либерализм рассматривает государство как сферу принуждения. Его приходится терпеть ради поддержания общественного порядка. Однако постепенно возможности государства по контролю над гражданами должны ограничиваться по мере развития гражданского общества как сферы свободы. Индивиды при этом рассматриваются как уникальные существа, обладающие равным моральным достоинством. Нужно создать общество равных стартовых возможностей для людей разного пола, цвета кожи, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. Неравенство в таком обществе будет исключительно следствием различия таланта людей и прилагаемых усилий для достижения целей. По мнению классического либерализма, необходимо ограничить до минимума вмешательство государства в экономику, личную жизнь граждан, культурные процессы, исключить идеологическое давление с его стороны. Принятие решений по важным вопросам должно предполагать достижение общественного консенсуса. Отсюда ставка на рационализм и толерантность. Впрочем, провозглашённая толерантность оказалась симулякр, так как в реальности, отстаивая свои установки, либералы повсеместно демонстрируют не просто инакомыслие, но воинственное отрицание традиционалистских взглядов, в том числе социальных установок на необходимость сохранения ориентации на абсолютные нравственные ценности.

Понятие «абсолютные ценности» требует пояснения. Согласно философской мысли, опирающейся на платоновскую и

христианскую традицию, они имеют трансцендентную природу. Абсолютные они в том смысле, что исходят от Абсолюта, непререкаемого авторитета (у Платона – мира «эйдосов», в христианской традиции – от Бога). К таковым нередко относят сверхличностные, по мнению платновско-христианской традиции, ценности нравственного добра, справедливости, истины, красоты, свободы, без которых невозможна полнота личностно зрелой жизни. Даже после утраты доминирующего влияния христианства на духовную жизнь европейского человека эти ценности, будучи укоренёнными в ментальном слое культуры, тем не менее, остаются ориентирами в жизни для значительного числа людей. Не случайно среди влиятельных политических европейских партий некоторые в своём названии оставили слово «христианский». Пусть общество, основанное на абсолютных ценностях, – это недостижимый идеал Блага. Но на то он и идеал, чтобы быть, во-первых, критерием оценки реальности; во-вторых, целью, к которой должно стремиться, чтобы не превратить реальность в ад и не стать причиной гибели всего живого на Земле.

Нам представляется, что проблема сочетания ориентации социума на абсолютные нравственные ценности и развития гражданского общества является сложной по нескольким причинам. Во-первых, по-настоящему успешный опыт формирования гражданского общества в странах западной демократии как некий ориентир для модернизирующихся обществ основан на примате либеральных ценностей, постепенно замещающих традиционные ценностные ориентации. Следует уяснить, возможен ли в действительности некий иной таксон гражданского общества, либо за пределами либеральной идеологической основы не может быть гражданского общества как такового. Во-вторых, само наличие абсолютных установок существенно сужает свободу деятельности институтов гражданского общества, которые в этом случае должны действовать не только в рамках закона, но и традиции. Конечно, и в либеральном открытом обществе мера преемственности остаётся, но именно мера. Не законсервирует ли развитие гражданского общества ориентация на абсолютные нравственные ценности? В-третьих, непонятно, кто должен следить за соблюдением традиции? Если это функция государства по отношению к гражданскому обществу, то

не станет ли его контроль чрезмерным и репрессивным по отношению к НКО. Если же это вопрос саморегуляции гражданского общества, то какие санкции оно может предъявить к «отступникам»?

Среди западных мыслителей нет сомнения в том, что одной из главных функций гражданского общества является создание более благоприятных условий для реализации частных интересов индивидов. При этом самоорганизация граждан рассматривается как атрибут гражданского общества. Граждане для того и самоорганизуются, чтобы реализовать свои частные интересы [4; 5; 11]. Однако это очевидно, если мыслить в западно-либеральной парадигме. Её отличительные особенности – приоритет частных интересов личности, обеспечение прав и свобод этнических, сексуальных, конфессиональных и прочих меньшинств, убеждённость в том, что либеральные ценности являются синонимом цивилизованности, критерием социального прогресса. В таком ракурсе мышления развивающиеся страны в результате модернизации должны перенимать не только преимущества рыночной экономики, западных технологий, но и культурные либеральные ценности. Некоторые, например Ф. Фукуяма, даже поспешили было объявить окончательную победу либеральных идей в планетарном масштабе, что было опровергнуто последующими событиями. Новое столкновение ценностей оказалось неизбежным. Такое столкновение происходит не только между цивилизациями, но и внутри государственных образований, что может приводить к изменению взглядов на некоторые функции гражданского общества. Стоит согласиться с выводами В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк и В. В. Маленкова о том, что «в настоящий момент наблюдается новый этап становления российской гражданственности. Пока гибридная форма, предполагающая балансирование консервативных и либеральных элементов, сохраняется. Но наблюдается явная тенденция нарастания традиционалистских настроений. Либеральная же составляющая выступает в качестве анти-модели. По сути, новая модель гражданственности формируется уже на основе открытой конфронтации с западной либеральной моделью» [3, с. 106].

По мнению проректора Дипломатической академии МИД России А. В. Лукина, ключевым водоразделом мира будущего будет ценностный. Для мира будущего бу-

дет характерно «столкновение ценностей», причем по одну сторону будут сторонники принципа абсолютных ценностей, а по другую – морального и ценностного релятивизма. В этом плане будет не так важно, кто в каком государстве живет и к какой цивилизации принадлежит. Внутри западного мира достаточно сторонников абсолютных ценностей, но их голос пока заглушается сторонниками либерального секуляризма. Он пишет: «В каком-то смысле современную ситуацию можно сравнить с миром периода эллинизма: с одной стороны, западная цивилизация, как и греческая в свое время, распространилась практически на весь мир: язык политики, экономики и культуры повсюду во многом вестернизирован, даже в самых враждебных Западу государствах (Иран, Китай) действуют западные политические формы: парламенты, конституции, политические партии и т. п. С другой стороны, короткий период полного политического доминирования Запада после конца “холодной войны” (сравнимый с периодом единого государства Александра Македонского) на наших глазах сменяется многополярным миром, в котором образуются новые центры силы, только укрепившиеся на почве заимствования достижений западной цивилизации и готовые бросить вызов ранее непререкаемому гегемону» [8, с. 111].

Интересны в этом плане высказывания известного теоретика исламского гражданского общества, бывшего вице-премьера, а ныне лидера оппозиции Малайзии А. Ибрагима, который отвергает принцип относительности морали, будучи убежденным, что гражданское общество должно быть на страже не частных, а абсолютных ценностей: «Гражданское общество, к которому мы стремимся, – отмечает он, – основано на моральных принципах <...> Азиатское представление о гражданском обществе отходит в одном фундаментальном отношении от социальной философии Просвещения в том, что религия и гражданское общество несовместимы по своей природе. Религия всегда была источником большой силы азиатского общества и продолжит быть бастионом, защищающим от морального и социального упадка» [10, с. 51].

Как отмечает А. В. Лукин, «пока видение моделей, альтернативных западным, производится преимущественно авторитарными лидерами и системами, в которых не используются ведущие дости-

жения западной цивилизации: высокий уровень политической свободы, обеспечиваемой системой разделения властей, верховенством права и т. п. Это в значительной мере лишает такие модели привлекательности. Даже не признавая политические свободы высшей целью человечества, все же крайне негуманно и даже лицемерно было бы считать их и вовсе ненужными и отрицать их необходимость в качестве благоприятного условия для достижения иных, более высоких целей. Такое отрицание часто является оправданием для вечного и неэффективного правления диктаторов всех мастей и репрессий с их стороны. Поэтому идеальная привлекательная незападная модель должна сочетать в себе высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей. Будет ли кем-то предложена такая модель или борьба по-прежнему будет вестись между двумя традиционными оппонентами – ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом, – покажет будущее» [8, с. 113]. Таким образом, ставится под сомнение фундаментальное положение западных либеральных теоретиков, что гражданское общество в связке общественных и частных интересов на первое место ставит обеспечение возможности реализации последних за счёт первых. В консервативной парадигме мышления гражданскому обществу может отводиться роль охранителя абсолютных ценностей, что, естественно, никак не согласуется с моделью гражданского общества в странах западной демократии. Парадокс в том, что, на наш взгляд, некорректно ставить вопрос об истинности или ложности этих позиций. Напомним, что функция элемента определяется не только его внутренними потенциями, но и внешней средой. Применительно к гражданскому обществу – культурными, экономическими, политическими, историческими особенностями, волей субъектов общественных отношений. Для сторонника либерального секуляризма подчинение частных интересов абсолютным ценностям означает выхолащивание самой сути гражданского общества. Для консерватора-традиционалиста это позитивное для социума преодоление либерального догматизма.

Было бы заблуждением считать, что дилемма приоритета частных или абсолютных ценностей волнует только носителей российской или азиатской менталь-

ности. Американский мыслитель, советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов, П. Дж. Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» утверждает: «Борьба за сохранение традиционных ценностей, культур и самих западных государств провела новый водораздел между левыми и правыми; эта борьба заставила задуматься над тем, что означает в действительности привычное понятие «консерватизм». Именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия» [2]. По мнению П. Дж. Бьюкенена, либеральная антихристианская идеология на Западе, если её не преодолеть, неминуемо приведёт к смерти Западной цивилизации. А на смену культуре деградации (аморализма, разрушения традиций, падения рождаемости, отрицания абсолютных ценностей) уже идёт культура эмигрантов, которые стремительно колонизируют освобождающееся пространство Америки и Европы. П. Дж. Бьюкенен настроен решительно, считая, что необходимо предпринять всё возможное – вплоть до объявления «религиозной войны» идеологам либеральной культурной революции, их последователям и приверженцам, чтобы восстановить позиции христианства – основы общественной и политической жизни Запада. Итоги последних президентских выборов в США и последовавшие за этим протестные движения наглядно показывают остроту противостояния носителей разных систем ценностей внутри оплота Западной цивилизации.

В биологии главная функция любого элемента системы – способствование сохранению объекта-причины или системы, в которую он входит. Следовательно, те организации, которые деструктивны по отношению к обществу, не могут рассматриваться в качестве его элементов. Возникает немало сложностей, связанных с тем, что разные субъекты социальных отношений по-разному представляют себе идеал общества. Например, с точки зрения приверженцев абсолютных ценностей, ЛГБТ-сообщество – разрушитель нравственных устоев социума, несущий опасность его деградации и гибели. С позиции же либерала-западника – это важный элемент гражданского общества, позволяющий отстаивать частные интересы сексуальных меньшинств. Запрет пропаганды гомосексуализма в России для консерваторов означает важный шаг для

нейтрализации деструктивных элементов. Для либералов это свидетельство неразвитости нашего гражданского общества. Ведь это отдаляет, по их мнению, Россию от созданного на Западе идеала. Должны ли мы в своих действиях по развитию гражданского общества угождать западным «учителям» демократии? Тем более что Запад ещё предстоит найти ответ на опасные вызовы, связанные с волной эмиграции, ростом угрозы терроризма и экстремизма, снижением рождаемости и депопуляцией белого населения в ряде стран, разрушением традиционной семьи, ослаблением нравственных регуляторов и т. д. Стоит ли нам следовать в фарватере идей глобализма, мультикультурализма, толерантности? И в самом ли деле либеральному секуляризму нет исторической альтернативы? Почему при этом звучат призывы к толерантности по отношению к всевозможным меньшинствам и наблюдается воинствующее неприятие любых попыток поставить под сомнение саму систему западно-либеральных ценностей?

Нельзя, на наш взгляд, абсолютизировать самоорганизацию как способ формирования институтов гражданского общества. И не только государство готово в этом поучаствовать, чтобы управлять потом «третьим сектором». Есть и другие серьёзные «игроки». М. А. Клупт приводит убедительные примеры того, как в середине прошлого столетия при поддержке американских частных фондов (Рокфеллера, Форда и др.) началось формирование глобальной сети НПО, специализирующихся на оказании услуг в области контрацепции и репродуктивной медицины. Её стержневым элементом стала Международная федерация планируемого родительства, в которую вошли национальные ассоциации, созданные под её патронажем в большинстве стран мира. Цель этой формы глобального управления – контроль над ростом населения [7, с. 26]. Острый дефицит финансирования НКО в развивающихся странах позволяет западным державам, прежде всего США, через финансовую помощь влиять на развитие отдельных сегментов гражданского общества и, следовательно, на социально-политическую ситуацию внутри этих стран. Естественно, при определённых условиях, управляя таким «глобальным гражданским обществом», можно деструктивно влиять на ситуацию в локальных социумах. Эта проблема требует отдельного серьёзного исследования.

Таким образом, наряду с бесспорными функциями гражданского общества, связанными с его внутренними потенциальными возможностями, его роль может существенно корректироваться в конкретных исторических, экономических, политических и культурных условиях. Для современной России важно понять, что баланс частных и общественных интересов может быть установлен при культурной ориентации на сохранение традиционных абсолютных ценностей. При этом идеально было бы увидеть в будущем соединение политических свобод и приверженности основных институтов гражданского общества абсолютным ценностям. Не хочется верить, что охрана нравственных устоев общества посильна только авторитарным режимам. На новом витке исторического развития гражданское общество, основу которого должны составить образованные, духовно развитые, ответственные за будущее социума личности, может стать реальным. Пока же это скорее концепт, или, по М. Веберу, идеальный тип, пусть трудно реализуемый на практике, но способный обеспечить интенцию общественного сознания на достижение идеала, а следовательно, развитие социума в этом направлении.

1. Большаков А. Г. Профилактика экстремизма и терроризма в России и её регионах: роль гражданского общества (на примере Республики Татарстан) // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. А. И. Стребкова, А. В. Алейникова, А. Г. Пинкевич. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2015. 502 с.

2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с. URL: <https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/> (дата обращения: 26.01.2017).

3. Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.

4. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество как система: проблема обретения эмерджентного свойства // Социум и власть. 2016. № 4. С. 7–13.

5. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Россия на пути развития гражданского общества: верно ли выбраны ориентиры? // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 23–27.

6. Кассирер Э. Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). М. : Изд. К. В. Кренов, 1913 (репр. изд.). URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml> (дата обращения: 12.01.2017).

7. Клупт М. А. Государство, «Третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 24–33.

8. Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 102–113.

9. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16–27.

10. Ibrahim A. The Asian Renaissance. Kuala Lumpur : Times Books International, 1996. 128 p.

11. Zyryanov S., Lukin A. Civil society as a system: problem of emergent property acquisition // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 28–31 March, 2017. Extended Scientific Sessions Vienna, Austria. SGEM. Book 1. Vol. 1. Vienna, 2017. Pp. 27–34.

References

1. Bol'shakov A.G. (2015) Profilaktika jekstremizma i terrorizma v Rossii i ejo regionah: rol' grazhdanskogo obshhestva (na primere Respubliki Tatarstan) // Konflikt kak problema. Ocherki sovremennoj teoreticheskoy i prikladnoj konfliktologii / pod red. A.I. Strebkova, A.V. Alejnikova, A.G. Pinkevich. S.-Peterburg, Fond razvitija konfliktologii, 502 p. [in Rus].

2. B'jukenen, P. Dzh. Smert' Zapada. Moscow, AST, 444 p., available at: <https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/> (accessed 26.01.2017) [in Rus].

3. Gavriljuk, V.V., Malenkov V.V., Gavriljuk T.V. (2016) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 97–106 [in Rus].

4. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 7–13 [in Rus].

5. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Social'no-politicheskie nauki*, no. 4, pp. 23–27 [in Rus].

6. Kassirer, Je. (1913) *Poznanie i dejstvitel'nost'* (Ponjatие o substancii i ponjatие o funkcii), available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml> (accessed 12.01.2017) [in Rus].

7. Klupt M.A. (2016) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 24–33 [in Rus].

8. Lukin A.V. (2014) *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 102–113 [in Rus].

9. Shmitter F. (1996) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 5, pp. 16–27, available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1996_5.pdf (accessed 10.01.2017) [in Rus].

10. Ibrahim A. (1996) *The Asian Renaissance*. Kuala Lumpur: Times Books International, 128 p. [in Eng].

11. Zyryanov S., Lukin A. (2017) Civil society as a system: problem of emergent property acquisition // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 28–31 March, 2017. Extended Scientific Sessions Vienna, Austria. SGEM, book 1, vol. 1. Vienna, pp. 27–34. [in Eng].

For citing: Lukin A.N. Can commitment to traditional moral values be in accordance with the development of a civil society in Russia? // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 18–23.

UDC 316.3

CAN COMMITMENT TO TRADITIONAL MORAL VALUES BE IN ACCORDANCE WITH THE DEVELOPMENT OF A CIVIL SOCIETY IN RUSSIA?

Lukin Anatolij Nikolaevich,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Public Administration, Legal Groundwork
for State and Municipal Service,
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk,
Komarova St., 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The article considers the problem of combining commitment to traditional moral values and development of a civil society in Russia, possibility of considering civilization aspect. The author shows that it is not only the problem of our society but of many other countries entering upon the path of modernization.

Key concepts:

civil society,
absolute values,
liberal values,
functions of a civil society.

Для цитирования: Нехамкин В. А.
 Модели роли личности в истории:
 достижения и пределы // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 24–33.

УДК 123; 321.1

МОДЕЛИ РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
 Московский государственный
 технический университет им. Н. Э. Баумана,
 профессор кафедры философии,
 доктор философских наук, профессор,
 Российская Федерация, 119602,
 г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1
 E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В статье автором реконструируются модели решения проблемы роли личности в истории, сформировавшиеся в историософии: субъективистская, объективистская, синергетическая (бифуркационная), «вызов-и-ответ». Выделяются их структура, сильные и слабые положения, эвристический потенциал, перспективы. Прослеживается связь между моделями роли личности в истории и сменой типов научного знания (от классической науки к неклассической). В работе делается вывод о необходимости синтеза базовых положений различных рассмотренных моделей как важном условии адекватного решения проблемы роли личности в истории. Автором для достижения целей статьи используется комбинация методов моделирования, синтеза, структурно-функционального анализа. Статья адресована философам, антропологам, религиоведам, историкам, социологам, представителям иных гуманитарных дисциплин, интересующимся указанной проблемой и ее приложениями к общественно-политической и экономической практике. Также она будет полезна для развития науки о власти (кратологии).

Ключевые понятия:
 модель,
 личность,
 великая личность,
 проблема роли личности в истории,
 историософия.

Введение

Проблема роли личности в истории, суть которой сводится к определению значения того или иного конкретного лица (как правило, правителя, политика, военачальника, режиссера – деятеля культуры) в историческом процессе, уходит корнями в становление философии истории (историософии). Хотя формально последняя возникает в Европе во второй половине XVIII века, но реально данный вопрос волновал философов и историков, начиная с античности. Такая ситуация закономерна. На эмпирическом уровне мыслители наблюдали разнообразных исторических персонажей (порой, обличенных значительной политической или духовной властью), видели воздействие данных людей на события прошлого, их трансформацию. Имена Александра Македонского, Гая Юлия Цезаря символизировали величие какой-либо державы, а Калигулы, Нерона – ее упадок. Отсюда еще в древности появлялись персонально окрашенные труды, отражавшие возрастание влияния того или иного правителя на ход истории («Жизнь двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла, «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха), да и в иных работах, имевших нейтральные наименования («История» – у Геродота и Фукидида, «Анналы» Тацита, «История Рима от основания Города» Тита Ливия), немалое место занимали рассказы о деяниях конкретных властных персон. Подобные традиции можно проследить и в Средние века, Новое время. В итоге в философии истории к XVIII веку накопился немалый материал, свидетельствующий о значительном влиянии отдельных персонажей на становление исторического процесса. Он продолжил обобщаться и в XIX–XX веках мыслителями, многих из которых «захватила» колоритная фигура императора Франции Наполеона Бонапарта.

Однако на теоретическом уровне (в отличие от эмпирического) дела обстояли не столь блестяще. К возникновению философии истории более-менее сформировалась только субъективистская (чаще именуемая волюнтаристской) точка зрения о роли личности в истории. Противоположная ей объективистская концепция (не считая ее теологически-христианской версии) создается только в XIX веке. В XX веке на базе неклассической науки формируется синергетическая модель роли личности в истории, имеющая до сих пор относительно незаконченный характер. Подобное суждение отно-

сится и к модели «вызов-и-ответ» А. Тойнби, примененной к исследуемому вопросу. Причем в четком виде положения каждой из перечисленных теоретических конструкций не сформулированы, что создает дополнительные методологические трудности. Ситуация осложняется тем, что некоторые специалисты высказывают даже пессимизм относительно возможности «однозначного решения» указанной проблемы [23, с. 150], а другие (то ли в пику советскому периоду, где данный вопрос в его марксистской трактовке и с неизбежной критикой иных позиций включался в любой учебник по философии [5, с. 373–385], то ли по иным причинам) – вообще исключают его из учебных пособий по философии истории [7; 30].

Между тем вопрос определения роли личности в истории носит комплексный характер, он тесно связан с иными проблемами философии истории, определяет способы их решения. Так, при поиске движущих сил исторического процесса «влиятельный» субъект выступает одной из них; при выявлении законов истории он является важным звеном исторических трансформаций; при определении смысла истории задает (представляет для широких масс, манифестирует собой) парадигму развития социума (например, в XX веке в СССР идеологией являлся марксизм-ленинизм, в КНР – маоизм и т. д.); используется при реконструкции альтернативных вариантов исторического развития (ибо великая личность, наряду с событиями, выступает объектом контрфактического моделирования прошлого). Стоит заметить, что значимый исторический субъект является (помимо макросоциальных формационного, цивилизационного, мир-системного, постиндустриалистского подходов) одним из критериев периодизации прошлого [1], варианты которого тоже оценивают историософы.

Вопрос о роли личности в истории имеет не только теоретический, но и прагматический аспект. Он позволяет выявить пределы творчества, деятельности (базирующегося на властных полномочиях или духовном влиянии) того или иного лица в историческом процессе, а значит, показывает способы соотношения социума и власти в конкретные периоды прошлого и в настоящем.

Отсюда, исходя из теории и практики, возникает необходимость поставить в работе следующую цель: реконструировать (объединив в группы частные концепции) модели решения вопроса о роли личности в истории, оценить эвристический потенциал, наметить перспективы совершенствования каждой из них.

Отмечу, что модель как теоретическая конструкция в философии истории включает ряд элементов [14]. Из них применительно к данной проблематике выделим следующие. Во-первых, предпосылку, на основе которой модель строится. Во-вторых, базовые положения. В-третьих, выводы относительно места исторических персонажей с позиции гносеологии – в системе интерпретации (объяснения) прошлого и онтологии (в историческом процессе).

Следует также пояснить читателю, что в работе в качестве базовых используются следующие методы: моделирования (как универсальный), синтеза (для объединения ряда частных концепций в модель из-за присутствия в них общих положений), структурно-функционального анализа (для выявления морфологии и перспектив моделей).

Субъективистская модель роли личности в истории

Субъективистская модель роли личности в истории возникла, видимо, с глубокой древности. Кроме некоторых античных и средневековых историков, ей отдали дань такие философы, как П. А. Гольбах, Ф. Ницше, Т. Карлейль, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др. В философии истории часто подобные воззрения именуются еще и волюнтаризмом, согласно которому «великая личность» творит любые потребные ей действия в истории. Примечательно, что данный термин используется и в политическом смысле, как проявление крайнего субъективизма руководителя (подобное «обвинение» предъявлено Пленумом ЦК КПСС правительству СССР Н. С. Хрущеву как один из аргументов для его отставки, досрочного прерывания властных полномочий в октябре 1964 года).

Предпосылка указанной модели носит эмпирический характер. На уровне событийной истории очевидно, что наделенный властью человек (а именно его ассоциировали преимущественно с великой личностью мыслители) отдает распоряжения, которые выполняются подчиненными. Таких людей на протяжении истории было немало: Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Карл Великий, Петр I, Наполеон I (служивший образцом для множества историософских обобщений), В. И. Ленин, И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль, А. Гитлер (ставший самым мрачным правителем-персонажем XX в. для мыслителей). Отсюда вполне логично суждение средневекового историка Иордана, который, оценивая битву на Каталунских полях 451 года,

унесшую множество жизней, делает очевидный вывод: «Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов» [8, с. 98].

Основные положения субъективистской модели, на мой взгляд, следующие. Во-первых, великая историческая личность (правитель-монарх-полководец, иногда – деятель культуры) способна кардинально повлиять на ход истории в какую-либо сторону (как правило, фиксировалась положительная). Во-вторых, если личность выступает активной стороной исторических трансформаций, то народ (массы) – пассивной, ждущей манифестации (проявления) ее воли. В-третьих, изучать в прошлом надо историю не народов, а «великих людей». Суть тезиса прекрасно выразил Ф. Ницше: «Массы представляются <...> достойными внимания только в трюх отношениях: прежде всего как плохие копии великих людей <...> как противодействие великим людям и, наконец, как орудие великих людей; в остальном же побори их чёрт и статистика!» [22, с. 219]. В-четвертых, только идеи «великих людей» могут осуществиться на практике. Как замечал Т. Карлейль, «*всё, содеянное в этом мире* (курсив мой – В. Н.), представляет материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям. История последних составляет... душу всей мировой истории» [12, с. 6]. Значит, они – подлинные преобразователи мира.

Однако у субъективистской модели роли личности в истории имелись и недостатки. Во-первых, подобный значительный человек не всегда достигал поставленных целей. Как ни хотел Александр Македонский продолжать завоевание Индии, но армия потребовала прекращения похода в 326 г. до н. э., через год после его начала. Причем, согласно К. К. Руфу, аргументы противников войны сводились к следующему: «*Этот замысел достоин твоего гения, но он не по нашим силам* (курсив мой – В. Н.). ...Посмотри на наши обескровленные тела, пробитые множеством ран с гниющими рубцами на них. Оружие наше притупилось, не хватает средств защиты...» [13, с. 206]. Жалобы солдат, военачальников не прекращались. Плутарх сообщает о реакции на них царя: «Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. <...> Он <...> считал, что возвращение назад (на данном этапе похода в Индию – В. Н.) было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку (курсив мой –

В. Н.), Александр смягчился и решил сняться с лагеря» [25, с. 423].

Сходная ситуация сложилась и в апреле 1814 г. во Франции, где Наполеону, желавшему дальнейшей войны с войсками коалиции Австрии, Пруссии, России, Великобритании после занятия ими столицы страны Парижа (31 марта), пришлось отречься от престола под влиянием аргументов приближенных сановников и военачальников. Впрочем, император Франции, в отличие от Александра Македонского, не отмалчивался наедине, а оставил «оппонентам» такое «пожелание», знаменующее его видение места человека в истории: «Вы хотите покоя – вы получите его... Мир, которого вы желаете, скосит на ваших пуховых постелях скорее и больше людей из вашей среды, чем скосила бы война на бивуаках».

Так что великая личность подчас оказывалась жертвой обстоятельств, не в силах была изменить их, как и обычный человек.

Во-вторых, деятельного (значительного) персонажа, как правило, сменяли более посредственные натуры (например, в России между императорами Петром I и Екатериной II, названных «Великими», прошел целый ряд гораздо менее ярких правителей).

В-третьих, от «кипучей» деятельности великого человека, стремящегося к бесконечному преобразованию общества и мира, активно ведущего войны и проводящего реформы, народ просто в конце концов устаёт и предпочитает более «спокойного» правителя, чем Александр Македонский, Петр I, Наполеон, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев.

Кроме того, сторонники субъективистского подхода далеко не всегда учитывают и другой факт: действия наделенной властью великой личности могут приводить и к отрицательным последствиям для общества и человечества в целом.

Наконец, поступки великого человека встречают не только одобрение, но противодействие современников [11, с. 551], а значит, не полностью отвечают интересам социальной действительности.

Подобные теоретические и эмпирические возражения, противоречия (а также переход в Новое время к классическому типу научного знания) заставили многих специалистов отказаться от субъективизма.

Объективистская модель роли личности

Объективистская модель роли личности в истории исходит из того, что субъект, принимающий важные решения, частично

или полностью зависим от самостоятельно (помимо его воли) сложившихся структур, факторов исторического процесса. Его предпосылка состоит в том, что «один в поле не воин», т. е. личность не может в одиночку, без поддержки структур, осуществлять какие-либо великие деяния, а ее возможности полностью определяются социумом. Как утверждает Г. Спенсер, «Цезарь никогда не мог бы совершить своих завоеваний без дисциплинированного войска, наследовавшего свою славу, свою тактику и организацию от римлян, которые жили до него» [цит. по: 11, с. 59], и примеров подобного положения дел можно привести много. Такой точки зрения придерживались социологи (Г. Спенсер, К. Маркс, Ф. Энгельс), философы (Г. Гегель), писатели (Л. Н. Толстой).

Ядро объективистского подхода, по моему мнению, составляют следующие положения. Во-первых, принцип **полной структурной детерминации**: деятельность великого человека целиком определяется «работой» иных, внешних по отношению к нему факторов.

Во-вторых, принцип **взаимной заменимости**. Любой считающийся великим человек (скажем, правитель) вполне (без «вреда» для определяемых данными факторами исторических структур) заменяется на другого.

В-третьих, принцип **персонального соответствия человека и фактора**. Пока данная личность своими деяниями способствует реализации определенного структурного параметра на практике, она сохраняет власть. Однако обязательно начинается и период противоречия их интересов. Тогда субъект уходит с исторической арены (в небытие или частную жизнь). Параметр задает своеобразный цикл реализации роли личности: появление в ответ на потребность исторических условий (структур) – приход к верховной власти – успешная деятельность – противоречие между личностью и структурами – их углубление – нейтрализация личности.

В-четвертых, принцип **символизации**: великая личность – лишь персональное выражение деятельности стоящего за ней народа. Его субъективное влияние на коллективную волю людей ничтожно. Вспомним позицию Л. Н. Толстого (высказанную в начале III тома романа «Война и мир»): если бы все капралы армии Наполеона разом отказались бы служить, похода французов на Россию в 1812 г. не было бы.

Таковы общие положения, в той или иной форме воспроизводящиеся в частных

объективистских концепциях относительно роли личности в истории. Однако между ними существовали и отличия. Они касались факторов (структур), определявших действия «великого» субъекта. Во-первых, ими выступали сверхъестественные силы. В работах Бл. Августина, И. Флорского и других теологов говорилось о том, что Бог видит праведность и греховность земных правителей. Отсюда Он, проявляя заботу о сотворенном мире, периодически одних из них карает, а других, наоборот, «спасает» (провиденциализм). Эта «теория» нашла широкое распространение в Средние века. Так, Анна Комнина именно заступничеством «высшей божественной силы» объясняет сохранение жизни ее отцу, будущему правителю Византии Алексею Комнину, когда он уснул в присутствии конвоируемого в Константинополь и вооружившегося после этого «варвара» Вриенния [15, с. 69].

Во-вторых, личностью руководит и другая идеальная субстанция – выявленный Г. Гегелем Мировой Дух. Он использовал для достижения своей цели (расширения уровня осознания людьми свободы) каждого человека (Г. Гегель назвал процесс «хитростью разума»). Конечно, Мировой дух периодически «пользовался» и великими личностями, их кипучей преобразовательной энергией. Какой-то период их отношения носят характер тесного взаимодействия. Затем человек отыгрывает свою роль, становится ненужным Мировому Духу. Тогда такие люди «отпадают, как пустая оболочка зерна» [3, с. 82–83]. Александр Македонский умер в 33 года, Гая Юлия Цезаря – убивают противники, Наполеон после всех ранее одержанных побед оказывается в ссылке на острове св. Елены, где находит смерть.

В-третьих, духовно-материальная сила: народ. Данный фактор играет ключевую роль в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Писатель полностью отрицает влияние на события начала XIX века военачальников, правителей времен наполеоновских войн. Царь для него – «раб истории», под которой понимается «роевая бессознательная жизнь человечества» [29, с. 10]. Люди обладают индивидуальной волей, складывающейся в коллективные представления, из которых вытекают действия. Именно потому, что москвичи не мыслили для себя возможным жить в оккупированном врагом городе, они и покинули Москву в 1812 г. Победа же над французской «Великой армией» обусловлена тем, что поднялась «дубина народной войны», которая «работала» до тех пор, пока «не погибло все нашествие».

В-четвертых, марксисты (в лице основателей учения) наиболее важным фактором, нивелирующим роль великой личности, считали экономический базис общества. Они синтезировали практически все базовые положения объективизма в следующем классическом высказывании Ф. Энгельса: «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появился в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится... Что Наполеон, именно этот корсиканец был тем военным диктатором, который стал необходимым Французской республике... – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой» [31, с. 175–176].

В марксизме в специфическом варианте нашла выражение и позиция Л. Н. Толстого о решающей роли народа (вопреки «бессильной» личности) в истории. В советской версии исторического материализма 1970-х гг. в пике субъективизму даже предложен особый закон «роста влияния народных масс в истории» [5, с. 371–373].

Однако объективизм имел и серьезные недостатки. Во-первых, игнорирование (или признание несущественным для структурных элементов социума) возможности иного развития исторических событий при замене личности. Тезис активно критиковался философами (Ж.-П. Сартр) и историками (А. Я. Гуревич) в XX веке [см.: 6, с. 34–35]. (Нет гарантии, что занявший место Наполеона, скажем, генерал Ж. В. Моро тоже предпринял бы поход на Россию в 1812 г. Последнее повлекло бы иной ход европейской истории начала XIX столетия и довольно спорно, что такое течение событий никак не повлияло бы на экономический базис общества). Во-вторых, великая личность превращалась в полного, бесправного «раба» внешних сил, который не может даже осознать свою зависимость от них. В-третьих, ей отводилась роль марионетки, не обладающей никаким влиянием, что тоже противоречило историческим реалиям.

Синергетическая (бифуркационная) модель роли личности в истории

Субъективистская (волюнтаристическая) и объективистская модели решения проблемы роли личности в истории выступали крайними точками (позициями), они исходили из жесткого противопоставления лич-

ности и общества, его структур (духовных, политических, экономических и т. д.), однозначного детерминизма. Для классической науки такая ситуация выступала приемлемой. Однако в XX в. постепенно формируется неклассическая версия научного знания, проникающая в историческую науку, иные гуманитарные дисциплины, философию истории (историософию). Отсюда новый поиск вариантов решения проблемы роли личности в истории начинает строиться на базе важного междисциплинарного направления научного познания – синергетики.

Укажем суть данного подхода. Развитие любых систем мыслится синергетикой (по крайней мере, в наиболее популярной ныне версии И. Пригожина) как переход от хаоса к порядку, от систем неравновесных (где по начальным данным в принципе нельзя предвидеть дальнейшего состояния становления объекта) к равновесным (устойчивым). Здесь неизбежно возникает переходное состояние, именуемое «точкой бифуркации» (хотя современные специалисты используют и иные специфические термины – «критическая точка истории», «узловая точка истории», «историческая развилка», «точка полифуркации» и т. п. – не отличающиеся от исходного по содержанию). В нем «состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [27, с. 11]. В данной «точке» содержатся варианты (от двух и более) становления системы. Один из них (благодаря воздействию случайного фактора) реализуется на практике, что делает эволюцию неравновесной системы принципиально непредсказуемой. «В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет» [27, с. 11].

В бифуркационных состояниях социума личность проявляет максимальную активность. Ее усилия могут стать тем случайным решающим фактором (на языке синергетиков – флуктуацией), или «соломинкой», которая «переломит хребет верблюду», переведет историю на один из вариантов, существующих в данной точке. Чаще всего сторонники такой модели любят приводить в пример действия В. И. Ленина в 1917 г. в России, но этим случаем дело не ограничивается. Поиск «персонально» окрашенных исторических развилки (точек бифуркации), где роль отдельного человека оказывается крайне высокой, – одно из любимых занятий некоторых отечественных публицистов [17], историков и философов, начиная с 1990-х годов [10]. От констатации эмпириче-

ского разнообразия таких случаев сторонники синергетического подхода переходят к теоретическим обобщениям. «В состоянии бифуркации социальная система становится неустойчивой относительно альтернативных путей преобразования: даже действия отдельного человека могут *существенно влиять* (курсив мой – В. Н.) на ее развитие» [4, с. 9]. Значит, целесообразно говорить о некоторой закономерности: роль великой личности возрастает в рамках переходного состояния прошлого. Более того, у сторонников синергетики на место значительного исторического персонажа может претендовать не только правитель-полководец (т. е. человек, обладающий политической или военной властью), а деятель культуры. Так, И. Пригожин в предисловии к работе Э. Ласло «Век бифуркации» подчеркнул, что событие – такое происшествие, которое не может быть «предсказано детерминистически». Отсюда для него предвидимое наукой перемещение Земли в определенную точку «околосолнечной орбиты» не имеет большого значения, а вот «рождение Моцарта стало событием в истории западной Музыки» [цит. по: 16, с. 4]. При таком подходе случайное появление на свет гениального композитора В. А. Моцарта важнее не только в сравнении с политиками (военачальниками) его времени, но и с константным (закономерным) движением небесных светил! Хотя у И. Пригожина есть и иные утверждения, нивелирующие роль великой личности в истории [26, с. 53–54], ясно, что для синергетического подхода к прошлому значение конкретного лица как фактора, ведущего к флуктуациям в точке бифуркации, существенно возрастает. Стоит приветствовать здесь и расширение круга исторических персон за счет деятелей культуры, а не только политиков, полководцев.

Затем, по завершении состояния бифуркации, на короткий (с позиции исторического времени) период равновесие восстанавливается, чтобы смениться новым хаосом. Это время стабильности, повторяемости, константности. Действия исторических личностей здесь отличаются однообразием. Сторонников синергетики, осмысливающих прошлое, «поражает наличие похожих сценариев действий исторических лиц. Иногда кажется, что актеры играют один и тот же спектакль среди новых декораций» [9, с. 64]. Короче говоря, скучно: ничего принципиально нового, оригинального от исторических личностей в состоянии равновесия не дождешься, они монотонно играют свой «спектакль». Потом хаос вновь возвра-

щается, и тогда на арене прошлого становится гораздо интереснее.

В итоге история России XX века рисует последователю такого подхода Э. Ласло следующим образом: «Внутренний распад и проигранная война в 1917 году привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской Социалистической Революции» возник В. И. Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков – тот самый, который распался в 1991 году в результате другой неожиданной бифуркации» [16, с. 16]. Тем самым историческое развитие мыслится сторонниками синергетики в виде своеобразного цикла: Хаос (неравновесие) – Точка бифуркации – Порядок (равновесие) – Новый Хаос, где на каждом этапе степень влияния «великого» человека различна.

Оценивая синергетический подход к вопросу о роли личности в истории, следует отметить, что он сделал шаг вперед по сравнению с предшественниками: субъективизмом и объективизмом. Произошел своеобразный синтез обеих позиций. Личность (включая сюда самый широкий круг лиц) получила «права» на почти неограниченное историческое творчество в точке бифуркации, исторические структуры – за их пределами «руководили» историческими персонажами в период господства равновесных систем. Учитывая, что «порядок» и «хаос» постоянно меняются в природе и социальной истории местами, субъективизм и объективизм как теоретические конструкции оказывались как бы по-своему правы, дополняя друг друга почти по знаменитому принципу Н. Бора.

Обратим внимание и на другой, методологический аспект: тезис о решающем влиянии личности на ход истории в точке бифуркации «покинул» пределы собственно синергетики, исторической науки, философии. Он получил распространение уже в междисциплинарных социальных теориях: например мир-системном анализе, где позиция поддерживается И. Валлерстайном и его последователями [2, с. 12–15].

Тем самым синергетика и ее последователи создали специфическую модель роли личности в истории, базирующуюся на достижениях неклассической науки. Предпосылка – теоретическая: тезис о том, что любая система постоянно проходит в своем становлении периоды хаоса, упорядочения на базе самоорганизации, возникновения точки бифуркации, перехода системы в состояние равновесия (порядка) до нового хаоса. Базовое положение: в точке бифуркации

роль личности (ее воздействие на ход истории) возрастает, в равновесные периоды – уменьшается, начинают доминировать структурные зависимости. Великий человек оказывается почти «всесильным» в переходном состоянии и зависимым от социальной динамики – в равновесном.

Казалось, в решении вопроса о роли личности в истории синергетиками найдена если не гармония, то хотя бы консенсус сфер влияния личности и структур, выявлен некий порядок их взаимодействия: первая «работает» в неравновесном состоянии и точке бифуркации, вторая – в равновесном. Однако и такой подход, предложенный синергетиками, оказался несовершенным. Он не распространяется на прошлое в целом; сильно упрощает историческую действительность, противопоставляя равновесные и иные периоды. Поэтому нуждается в совершенствовании.

Модель «вызов-и-ответ» А. Тойнби и ее вклад в решение проблемы роли личности в истории

Рассмотрим и еще одну модель, возникшую в научном историческом познании XX века независимо от синергетики, где своеобразно трактуется вопрос о роли личности: «вызов-и-ответ» А. Тойнби. «Вызов» приходит либо из внешней социальной среды, либо от природной. На него любой цивилизации (социуму) приходится реагировать, искать адекватный «ответ». Скажем, если стране угрожает опустынивание, то нужно совершенствовать ирригационные сооружения. Если на границах государства появилось новое агрессивное кочевое племя, то следует усилить качество вооруженных сил, политически интегрироваться перед этой угрозой. При отсутствии «ответа» данное общество может просто погибнуть (как Киевская Русь в XIII веке не смогла объединиться для отпора врагу прежде всего на уровне политической элиты – князей – и оказалась покорена кочевниками-монголами, уйдя в небытие). Механизм «вызов – ответ», по мнению А. Тойнби, позитивен, ибо заставляет человечество и отдельные цивилизации, народы развиваться. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [29, с. 119–120].

«Ответ» на вызов, полагает А. Тойнби, формирует не все население, а его небольшая часть – «творческое меньшинство», которое «подтягивает» остальных (большинство) до собственного интеллектуального уровня [29, с. 259]. Впрочем, меньшинство тоже дифференцировано. Здесь особо выделяются «сильные личности» («гении», «сверхлюди») – «дрожжи в общем котле человечества» [29, с. 260]. В результате у А. Тойнби возникает схема роли личности в истории более совершенная, чем в предшествующих моделях. Здесь «великий человек» и его появление «вписано» в общественную динамику, является «ответом» на ее требование, «вызов», но «ответом» не безвольным (как считали многие объективисты), а деятельным. В тоже время значимая личность не замкнута в «темницу» переходного состояния, «точки бифуркации», как настаивают отдельные синергетики.

Тем самым А. Тойнби создал модель решения вопроса о роли личности в истории, имеющую эмпирическую предпосылку: внешняя природная и (или) социальная среда ставит перед обществом проблему («вызов»), которую оно должно решить или погибнуть (дать или не дать «ответ»). Из нее вытекают положения. Во-первых, «ответ» порождается деятельностью «творческого меньшинства» (в сравнении с населением страны). Во-вторых, данное «меньшинство» дифференцировано на «гениев», «сверхлюдей» и остальных (здесь А. Тойнби в специфической форме воспроизводит одно из положений субъективистской модели). В-третьих, данные субъекты и разрабатывают варианты «ответа». В-четвертых, постепенно количество «сверхлюдей» сокращается в силу естественных причин, социумом начинают «управлять» структуры. Значит, сфера действия великого человека – период разработки и реализации «ответа» на вызов внешней среды.

Разумеется, модель А. Тойнби тоже вызывает немало вопросов. Почему «великие личности» обречены оказываться в меньшинстве? Как складываются их отношения с творческим меньшинством в целом? Каковы механизмы принятия его варианта «ответа» на внешний вызов остальным якобы «пассивным» большинством? Всегда ли последнее ждет «ценных указаний» от личности, или иногда действует самостоятельно? Перед нами именно конструкция, идея, во многом недоработанная (ибо А. Тойнби изучал подробно иной объект – механизм происхождения цивилизаций, да и делал это в первой половине XX в. при соответству-

ющем уровне методологии гуманитарного познания), но эвристически полезная для дальнейшего использования.

Заключение

В целом на данный момент нет удовлетворительной модели решения проблемы роли личности в истории. Представляется, что в идеале в каждый исторический период личность и структуры должны взаимодействовать, а не «подчинять» себе друг друга, что выступает естественным для неклассической науки. Достаточно точно указанную мысль сформулировал на эмпирическом уровне Наполеон: «Я создал свой век сам для себя, так же, как и я был создан для него» [18, с. 74]. Однако в теории для практической реализации подобной установки предстоит сделать еще много. На указанном пути может помочь разработанный А. Тойнби механизм «вызов-и-ответ» (обязательно модернизированный под изучение данной проблемы) и иные неклассические методологические подходы, призванные преодолеть жесткое противопоставление по линиям «исторические субъект-структуры», «равновесные-неравновесные системы» (соответствующее уровню классической науки).

Позитивен и метод Плутарха [24–25], который не просто описывал жизнь отдельных великих людей Древних Греции и Рима (кроме правителей, подобных Александру Македонскому и Гаю Юлию Цезарю, сюда отнесены полководцы – Алкивиад и Г. Кориолан, ораторы, занимавшиеся политикой, – Демосфен, Цицерон и др.), а проводил сравнительный анализ их деяний по определенным основаниям (критериям). Примечательно, что мыслитель объединял таких людей в пары не только по страноведческому, но и по структурному принципу. Такая методология (соответствующим образом усовершенствованная с позиции современного научного и историософского познания) тоже может оказаться полезной в нынешних обстоятельствах.

Автор убежден, что только творческое соединение базовых положений различных рассмотренных в работе моделей, помноженное на междисциплинарную методологию неклассической науки, способно создать синтетическую концепцию решения обозначенной проблемы, лишенную хотя бы части недостатков предшествующих теоретических конструкций.

Вызывает интерес и набор персональных качеств, который позволил тем или

иным личностям занимать доминирующее место в прошлом. Кроме позитивных (знания, интеллект, интуиция [19], уровень образованности [20]) здесь надо отметить и негативные (доносительство [21] и т. п.), которые целесообразно выделять не только по отдельности, но и комплексно.

Автор (признавая возможность иных путей) предлагает искать решение проблемы роли личности в истории через понятие «исторический отбор» [6] и построенную на его базе модель. Однако обоснование данного подхода – тема отдельной работы.

1. Анисимов Е. В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб. : Питер, 2007. 588 с.

2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

4. Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М. : Логос, 1995. 144 с.

5. Диалектический и исторический материализм / под ред. С. М. Ковалева. М. : Политиздат, 1968. 392 с.

6. Душкова З. В., Нехамкин В. А. Роль личности в истории: современный взгляд. М. : Изд. Дом Душковой, 2011. 160 с.

7. Ивин А. А. Философия истории : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2000. 528 с.

8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетейя, 2000. 512 с.

9. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

10. Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М. : КоЛибри, 2005. 638 с.

11. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1914. 575 с.

12. Карлейль Т. Теперь и прежде. М. : Республика, 1994. 415 с.

13. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М. : Изд-во МГУ, 1993. 464 с.

14. Комиссаров И. И., Нехамкин В. А. Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития // История. 2017. № 2 (56). С. 22. URL: <http://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (дата обращения: 20.03.2018).

15. Комнина А. Алексиада. СПб. : Алетея, 1996. 704 с.

16. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3–125.

17. Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М. : АСТ, 2003. 588 с.

18. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб. : Азбука, 2000. 220 с.

19. Нехамкин А. Н. Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора. Брянск : Брянск. обл. полиграф. объедин., 2008. 527 с.

20. Нехамкин А. Н. Так что же нужно предпринять? // Alma mater (Вестник высшей школы). 1997. № 7. С. 5–7.

21. Нехамкин В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 63–79.

22. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 830 с.

23. Новиков В. И. Бог, цари и герои (мифы о правителях народа) // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 150–158.

24. Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1987. 592 с.

25. Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1987. 608 с.

26. Пригожин И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. М. : Наука, 1994. 272 с.

27. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.

28. Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

29. Толстой Л. Н. Война и мир : в 4 т. Т. III–IV. М. : Эксмо, 2008. 736 с.

30. Философия истории : учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. М. : Гардарики, 2001. 432 с.

31. Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу 25 января 1894 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. : в 39 т. Т. 39. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1961. С. 174–177.

References

1. Anisimov E.V. (2007) *Istorija Rossii ot Rjurika do Putina. Ljudi. Sobytiya. Daty*. St.Petersburg, Piter, 588 p. [in Rus].

2. Vallerstajn I. (2018) *Mirosistemnyj analiz. Vvedenie*. Moscow, URSS: LENAND, 304 p. [in Rus].

3. Gegel' G.V.F. (1993) *Lekcii po filosofii istorii*. St.Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

4. Grechko P.K. (1995) *Konceptual'nye modeli istorii*. Moscow, Logos, 144 p. [in Rus].

5. *Dialekticheskij i istoricheskij materializm*. Pod red. S.M. Kovaleva (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

6. Dushkova Z.V., Nehamkin V.A. (2011) *Rol' lichnosti v istorii: sovremennyj vzgljad*. Moscow, Izdatel'skij Dom Dushkovej, 160 p. [in Rus].

7. Ivin A.A. (2000) *Filosofija istorii. Uchebnoe posobie*. Moscow, Gardariki, 528 p. [in Rus].

8. Jordan (2000) *O proishozhdenii i dejaniyah getov*. St.Petersburg, Aleteja, 512 p. [in Rus].

9. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (1997) *Sinergetika i prognozy budushhego*. Moscow, Nauka, 285 p. [in Rus].

10. Karacuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2005) *Vybiraja svoju istoriju. «Razvilki» na puti Rossii: ot rjurikovichey do oligarhov*. Moscow, KoLibri, 638 p. [in Rus].

11. Kareev N.I. (1914) *Sushhnost' istoricheskogo processa i rol' lichnosti v istorii*. St. Petersburg, Tipografija Stasjulevicha, 575 p. [in Rus].

12. Karlejl' T. (1994) *Teper' i prezhde*. Moscow, Respublika, 415 s. [in Rus].

13. Kvint Kurcij Ruf. (1993) *Istorija Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochinenij Diodora, Justina, Plutrahya ob Aleksandre*. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 464 p. [in Rus].

14. Komissarov I.I., Nehamkin V.A. (2017) *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istorija*, no. 2 (56), p. 22, available at: <http://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (accessed 20.03.2018).

15. Komnina A. (1996) *Aleksiaada*. St.Petersburg, Aleteja, 704 p. [in Rus].

16. Laslo Je. (1995) *Put'*, 1995, no. 7, pp. 3–125. [in Rus].

17. Leshhenko V. (2003) *Vetvjashheesja vremena. Istorija, kotoroj ne bylo*. Moscow, AST, 588 p. [in Rus].

18. Napoleon Bonapart (2000) *Maksimy i mysli uznika Svjatoj Eleny*. St. Petersburg, Azbuka, 220 p. [in Rus].

19. Nekhamkin A.N. (2008) *Prezident dlja budushhej Rossii. Problema optimal'nogo obshhestvennogo vybora. Brjansk, Brjanskoe oblastnoe poligraficheskoe obединenie*, 527 p. [in Rus].

20. Nekhamkin A.N. (1997) *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, no.7, pp. 5-7. [in Rus].

21. Nekhamkin V.A. (2014) *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, no. 2 (7), pp. 63–79. [in Rus].

22. Nicshe F. (1990) *Soch. : v 2 t. T. 1*. Moscow, Mysl', 830 p. [in Rus].

23. Novikov V.I. (2007) *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp.150–158. [in Rus].

24. Plutarh (1987) Izbrannye zhizneopisanija: v 2 t. T. 1. Moscow, Pravda, 592 p. [in Rus].

25. Plutarh (1987) Izbrannye zhizneopisanija: v 2 t. T. 2. Moscow, Pravda, 1987. 608 p. [in Rus].

26. Prigozhin I., Stengers I. (1994) Vremja, Haos, Kvant. Moscow, Nauka, 272 p. [in Rus].

27. Prigozhin I. (1989) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 3–19. [in Rus].

28. Tojnbi A. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 730 s. [in Rus].

29. Tolstoj L.N. (2008) *Vojna i mir: v 4 t. T. III–IV*. Moscow, JeKSMO, 736 p. [in Rus].

30. *Filosofija istorii. Uchebnoe posobie*. Pod red. A.S. Panarina (2001). Moscow, Gardariki, 432 p. [in Rus].

31. Jengel's F. (1961) Pis'mo V. Borgiusu 25 janvarja 1894 g. // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 39. 2-e izd. Moscow, Politizdat, pp. 174–177. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.

Models of the role of personality in history: achievements and limits //

Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 24–33.

UDC 123; 321.1

MODELS OF THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY: ACHIEVEMENTS AND LIMITS

Nekhamkin Valery Arkadyevich,

Bauman Moscow State Technical University, Professor of the Department Chair of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. The Russian Federation, 119602, Moscow, Nikulinskaya Street, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation

The author reconstructs the models of solving the problem of the role of personality in history formed in the history of philosophy: subjective, objective, synergetic (bifurcational), “challenge-and-response”. Their structure, strong and weak points, heuristic potential, and prospects are pointed out. There is a connection between the models of the role of personality in history and changes of scientific knowledge types (from classical science to neo-classical one). The author makes a conclusion that is necessary to synthesize basic principles of different models which is considered to be an important condition for adequate solution of the problem of the role of personality in history. To achieve his goals the author uses a combination of methods of modeling, synthesis, structural and functional analysis. The article is addressed to philosophers, anthropologists, scholars of the religion, historians, sociologists, and other scholars interested in the stated problem and its application to social-political and economic practice. It is also be useful for the development of science of power (cratology).

Key concepts:

model,
personality,
great personality,
problem of the role of personality in history,
historiosophy.

Для цитирования: Миронов А. В. Маргинальное поведение в ракурсе морально-политической конфронтации // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 34–41.

УДК 1:3 + 177.8

МАРГИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Миронов Андрей Владимирович,
Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук
и международных отношений,
профессор кафедры политологии
и международных отношений,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь,
ул. Университетская, 33.
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности становления маргинальной модели поведения, сложившейся в результате морально-политической конфронтации индивида с общественной системой через отказ от общепринятых ценностных стандартов социальной коммуникации; выделяются структурные составляющие данного феномена, причины возникновения и особенности развития. Акцент делается на социальном одиночестве маргинальной личности, возникающем в результате несовпадения ценностных параметров индивидуального и общественного существования. В исследовании приводятся исторические примеры, в которых раскрываются особенности проявления бесстыдства в поведении индивида как символа личностного политического несогласия с установленными общественными нормами. Модель маргинального поведения трактуется во взаимосвязи отрицания моральных принципов и латентного политического протеста.

Ключевые понятия:
маргинальная личность,
самоизоляция,
морально-политическая конфронтация,
бесстыдство,
социальное одиночество.

Достижение социального единства является первостепенной целью конструктивного сотрудничества между гражданскими институтами и государством. Актуальность этого процесса обусловлена политической напряженностью в обществе, внешними угрозами, экономическими трудностями, деформацией нравственных принципов, препятствующих эффективному развитию социальной системы. Моральные prerogatives, исторически сложившиеся в социуме, служат основаниями для реализации данных усилий, так как определяют характер и наполненность межличностной коммуникации, формы общественного контроля, содержательность государственных требований. Они являют собой общезначимые положения для большинства населения и представляют ценностный каркас идентификаций человека с данной социальной средой, способствуют национальной и гражданской консолидации. Сознательный отказ от участия в общественной деятельности, эпатажное отрицание общепринятых ценностей, выражение публичного сомнения в их истинности разрушают атмосферу доверия и согласия между гражданами, затрагивая не только нравственные взаимоотношения, но и выступая в качестве политического вызова. Тем самым, формируется потребность в этическом анализе маргинального поведения, в котором совмещаются негативные оценки социальных норм, доминирующих в обществе, и личностная позиция в отношении государства, контролирующего их выполнение на протяжении исторического развития.

Задачей исследования является: 1. Определение причинно-следственного взаимодействия политических и моральных составляющих феномена маргинального поведения. 2. Установление диапазона воздействия такого поведения на духовную атмосферу в обществе. Метод историко-сравнительного анализа позволяет определить генезис проблемы, обстоятельства, инициирующие ее переход из одной качественной фазы в другую, выделить значимые константы во взаимодействии морали и политики. Применение комплексного метода расширяет границы философского исследования путем привлечения исторических и религиоведческих материалов. Выбор анализируемых исторических периодов продиктован поиском очевидных примеров взаимовлияния моральной и политической сфер в границах маргинального поведения. В исследовании не рассматриваются проявления маргинализма, возникшие по

причине психопатологии, наркотической и алкогольной зависимости, экономических обстоятельств, житейских ситуаций.

Тема исследования маргинального поведения широко представлена в литературе, посвященной исследованию различных ракурсов социальной адаптации. Наибольший интерес к этой проблеме проявляет социология, рассматривая место маргинальной личности в социальной структуре, аспекты взаимовлияния общественной среды и маргинальной личности: работы З. Баумана [3], Я. И. Гилинского [4], О. С. Осиповой [14], Е. Стонеквист [21], Ч. Голдберг [19]. Правовые последствия маргинального поведения, причинно-следственная связь маргинального поведения и криминализации общества отражены в работах А. И. Атоян [1], Р. Ф. Степаненко [18], О. В. Нечаева [12], А. А. Никитина [13]. Маргинальные проявления нашли отражение как в литературных произведениях Ж. П. Сартра [15], А. Камю [9], Ж. Жене [6], где очерчена эмоциональная составляющая личности, не нашедшей согласия с социальным миром и переживающей общественные потрясения в состоянии духовной изоляции, так и в теоретических исследованиях в области культурологии, исследующих формы их воплощения в различных жанрах: в работах В. Л. Каганского [8], С. М. Логачевой [11].

Соблюдение правил и обычаев, сложившихся в обществе на протяжении исторического развития европейской цивилизации, считалось основным сопричастности индивида с социальным объединением. Отказ или уклонение от их исполнения рассматривалось большинством населения как тяжкое оскорбление всех его членов. Осуждение и наказание за подобное служило средством поддержания жизнестойкости общественной системы и защищало граждан от опасностей потенциального хаоса. Разрыв с общепринятыми поведенческими установками, выраженный в теоретических положениях или практическом воплощении трансформировался в нежелание адаптироваться к предлагаемым формами социального существования. Это становилось прецедентом общественной жизни и нуждалось в адекватной реакции со стороны большинства. Определяющим аспектом феномена маргинального поведения является сознательный или аффективный отказ индивида от участия в социальной деятельности, выраженный в неприятии общезначимых ценностей, сложившихся правил, установленных норм совместного существования, большая часть которых носит сакральный

характер в массовом сознании и на основе которых реализуется совместное взаимодействие. Сущность данной мировоззренческой модели раскрывается в личностном или групповом противостоянии с основными формами общественного бытия: религиозной, моральной, политической – выраженном в демонстрационном несогласии или оскорбительном неуважении. Существующая между формами взаимосвязь не позволяет воспринимать их по отдельности, и, таким образом, единая конфигурация социального организма разрушается во всех направлениях общественного сознания. Дистанцирование от общественной системы, существование в социальном вакууме обуславливает формирование особого маргинального мировосприятия, в котором основные виды коммуникации между гражданами наполняются содержанием, не совпадающим с общепринятыми положениями.

Мотивацией к пренебрежению морально-политическими принципами, которые призваны объединить гражданина и государство, является неудовлетворенность условиями индивидуальной реализации, официальная ложь, несовпадение реального и декларируемого обществом, материальное расслоение. Она возникает в процессе установления контактов человека с несовершенным устройством социального мира. Выражение личного протеста, обозначающего несогласие с установившимся общественным порядком, подается с помощью опознавательных знаков, предупреждающих окружающих об отказе считаться своим. Различные исторические эпохи имеют свои атрибутивные особенности внешнего вида, поведения, словесного выражения. Они раскрываются в межличностной коммуникации и отношении с социальными институтами через презрение, цинизм, агрессию, подчеркнутую непочтительность, непристойные действия, касающиеся не только бытового поведения, но и общезначимых ценностей, принятых большинством населения, тем самым нанося оскорбление общественной нравственности. Подобная демонстрация символизирует отрицание общей платформы взаимодействия, что является показателем утраты доверия к знаковым авторитетам, к которым относятся церковь, мораль, государство. Обособление индивида от социальной системы расширяет выбор векторов противостояния с ней, допуская косвенные враждебные действия, способные причинить ущерб государственной стабильности: примеры духовного разложения, критика общественных

начинаний, циничное отношение к фактам национальной истории. На этом основании можно допустить, что маргинализм как поведенческая модель существования в обществе содержит деструктивный импульс в отношении политической устойчивости. При этом фокусирует внимание общества на реальных противоречиях между индивидом и государством.

Оценочные критерии приемлемого и недопустимого в поступках индивида исторически определялись идеями всеобщего блага, призванными обеспечить конструктивную взаимосвязь между согражданами и, как следствие, создать условия поддержания системы общественных отношений. Чувство стыда, испытываемое человеком при нарушении установленных норм поведения, служило эффективной формой социальной регуляции. В его основе – конфликт предстателей и должном, преподанных обществом и возникшим отступлением от его параметров. Стыд корректирует взаимоисключающие атрибуты позиционирования своего «Я» в целостной модели общественного пространства, обозначая ситуативные опасности перехода в своеволие и утрату ответственности перед другими. Данное чувство выступает защитным барьером от разрушения наиболее важных положений, принятых в социуме. Его потенциал использовался в качестве побуждения гражданина к выполнению своих морально-политических обязательств, гражданской деятельности, направленных на уважение к другим через уважение к целому, каким представлялось государство.

В маргинальном сознании протестное чувство сталкивается с охранительной функцией социальной системы – стыдом, порождая альтернативные формы трансляции собственного мнения. Бесстыдство выступает матрицей предъявления претензий к обществу, распространяясь на значимые сферы социализации индивида: патриотизм, сексуальные и семейные отношения, религиозные культы, сохранение национальной памяти. Оно включает сознательное неприятие моральных правил, переходящее в откровенное их оскорбление и логически переносится в виде негативного посыла в социальную сферу, которая отождествляется с государственными проявлениями репрессивности и принуждения, препятствующими личной свободе. Конфликт с обществом принимает очертания конфликта политического, так как необходимость в социальном признании перестает быть насущной потребностью, формируя атмосферу разо-

чарования и потерянности, потенциально наполненную деструктивными эмоциями по отношению к властным структурам. Отказ признавать постыдным определенные качества, поступки, поведенческие реакции свидетельствует о выходе индивида из общественного договора, предполагающего консенсус участвующих в нем сторон и точек соприкосновения взаимных интересов, как не оправдавшего ожиданий справедливого взаимообмена присущими им потенциалами между гражданином и обществом. По этой причине он начинает восприниматься враждебным и заслуживает, по мнению маргинальной личности, разрушения. В такой ситуации деструкция становится единственной целью и средством самоосуществления, что представляет угрозу политической сфере, насыщая ее агрессивными тенденциями, выражающимися в дискредитации общезначимых ценностей, присущих данному сообществу.

Идентификация «своих» и «чужих» в архаических культурах осуществлялась через почитание сакральных артефактов, абсолютизацию принятых обычаев и племенной организации, благоговение перед политической и религиозной элитой. Выполнение принятых правил служило определяющим критерием самореализации человека и регулировалось групповой ответственностью, подразумевавшей тотальный контроль за каждым. Система табуирования регламентировала взаимоотношения между соплеменниками, не допуская отступления от общепринятого, тем самым выполняла функцию сохранения данной социальной системы. Нарушение принятых обычаев лишало статуса незыблемости властные полномочия племенной элиты. В условиях непрекращающихся войн, природных катастроф подобное принимало характер всеобщей угрозы. «Цель табу является изолировать определенные категории лиц от всего мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность» [17, с. 254]. В такой ситуации бесстыдный поступок представлялся как проявление индивидуальной патологии, а маргинальное поведение, как модель самореализации человека, становилось невозможным. Оно не имело возможностей и условий воплощения – личного пространства, необходимой свободы, поведенческой альтернативы, так как моральная и социальная составляющие были тождественны благодаря узам кровного родства и религиозных убеждений, а индивидуальные интересы поглощались общественными.

Так, в период становления гражданского общества в Древней Греции изменяется ракурс социальных отношений: коллективное начало, признанное большинством доминантой мировоззрения, сталкивается с проявлениями индивидуальной свободы, предполагающей самостоятельный выбор ценностей и модусов поведения. Чувство долга перед согражданами предписывало человеку выполнять установившиеся моральные обязательства, сложившиеся в результате патриотической сопричастности населения. Самооценка индивида опиралась на общественное признание его заслуг и усилий, направленных на достижение всеобщего блага. Пренебрежительное отношение к нравственным принципам расценивалось как вызов государственной системе, существование которой зависело от единства в понимании гражданами своих моральных и политических обязательств. Киническое учение разделяло естественную сущность индивида и искусственные притязания общества. Маргинальное поведение, в котором человеческое низводилось до животного, наносило оскорбление общественной морали и тем самым унижало гражданское достоинство, воспитанное в духе коллективного взаимоуважения. Несогласие с существующим миропорядком оборачивалось презрением основ социального бытия. Бесстыдство в данном контексте есть противопоставление негативного морального чувствования политической реальности, раскрывается в абсурдных формах поведения, которые должны подчеркнуть несоответствие заявленного статуса гражданина его конкретному воплощению в условиях нарастающего материального расслоения и своекорыстия властных элит. Отказ от условностей, принятых в обществе, являлся попыткой самоизоляции, устранения из социального взаимодействия, и на этом основании гражданин перестает воспринимать себя частью целого. Демонстрация нелепости общепринятых принципов поведения принимала характер издевательств над патриотическими ценностями (мужество, самопожертвование, стремление к общественной славе и лидерству, дисциплинированность), что вселяло растерянность в общественное умунастроение и трактовалось как слабость государства, неспособного защитить гражданские идеалы. «Знатное происхождение, славу и прочее подобное он (Диоген из Синопа – А. М.) высмеивал, называя все это прикрасами порока. Единственным истинным государством он считал весь мир. Он говорил, что жены

должны быть общими и отрицал законный брак... Нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступно, как явствует из обычаев других народов» [10, с. 257]. Публичное пренебрежение моральными ограничениями в условиях главенства коллективной морали порождало недоверие в легитимности политических процессов, происходящих в государстве. Маргинальное сознание отвергало инициативы по реформированию общественного устройства, гражданскую активность, жертвенность во имя других, так как ставило под сомнение справедливое распределение результатов этой деятельности, формируя тенденцию аполитичности, не совпадающую с национальными интересами.

В Средние века четкая стратификация общества, регламентируемая знатностью рода, местом проживания, профессией, определяла специфику форм поведения и способы социализации. Выполнение корпоративных правил являлось основанием взаимопомощи, солидарности, коммуникации внутри группы, отступление от них лишало индивида поддержки и средств выживания. Нравственные установки совпадали с церковными заповедями и поддерживались государством, образуя неразделимый комплекс ценностей. Маргинальная направленность в виде сознательного устранения из общей деятельности или бесстыдного поведения, оскорбляющего общественные нравы, истолковывалась в таких условиях, как воздействие темных сил, связанное с недостатком религиозного рвения. Все, что не укладывалось в общепринятые положения, представлялось опасностью для остальных. Невозможность реализовать собственную свободу в силу стратифицированной зависимости становится невозможностью реализовать маргинальное поведение, локальные случаи которого рассматривались в медицинской сфере или в церковном суде. «Показательно, что в течение долгого времени за индивидом вообще не признавалось право на существование в его единичной неповторимости. Ни в искусстве, ни в литературе не изображался человек в его частных свойствах» [5, с. 261]. Групповая и церковная принадлежность – единственная реальность, которой исчерпывался мир средневекового человека, в ней не были представлены возможности варьирования собственной индивидуальностью и трансляции несовпадающего с большинством мнения. В противном случае человек вытеснялся из социума

и принимал статус изгоя. Жесткая структурированность социального пространства отвечала пришедшей из римского права максиме: «Что касается всех, должно быть одобрено всеми».

Попраие Божественных и человеческих законов в философии маркиза де Сада можно интерпретировать как маргинальный проект, осуществленный на платформе социального одиночества. Атеизм, откровенная аморальность, криминальные действия объединяются в виде вызова стереотипам поведения, санкционированном государством и церковью. Выражение агрессивного богохульства разрывает взаимосвязь индивида с верой, а через это и с теми, кто ее поддерживает. Маргинальная личность сознательно провоцирует окружающих относительно наиболее значимых, а в некоторых случаях и священных положений, рассматривая подобное как способ предъяснения уникальности, свободной от унифицированных запретов. Ложь, тщеславие, лицемерие, принятые в качестве обязательной компоненты межличностных коммуникаций, содействуют формированию альтернативной позиции, в которой социальное отождествляется со злом, а поступки должны демонстрировать противоположную по смыслу направленность. В своем творчестве маркиз де Сад нарушает условности и отменяет договор об умолчании, поэтому оно приобретает статус постыдного по мнению окружающих. Вызывающая откровенность выступает средством разрушения мира, оказавшегося враждебным, не понимающим и не принимающим непохожую на других личность. «Чего я больше всего хотел, так это того, чтобы кто-то хотя бы раз сопоставил жизнь несчастных жертв, которых здесь держат под замком, и подлости тех, кто за ними надзирает, тогда мы бы посмотрели, кто больше достоин распоряжаться ключами от истины» [16, с. 243]. Негативная посылка маргинального сознания о фальшивости общества предполагает вывод о том, что оно не имеет права осуждать нарушающего его положения, в противном случае, следует протест, принимающий форму публичного бесстыдства, когда моральное сложно отделить от политического.

Насыщение французского общества идеями Просвещения, главной из которых являлась свобода, мотивировало личность к поиску новых форм самовыражения, принимающих гипертрофированный характер отрицания старого уклада жизни (что было свойственно и русским нигилистам во второй половине XIX века). Недоверие к нравствен-

ным устоям общества имманентно содержит тенденцию к их разрушению. Маргинальная личность апробирует через демонстрацию бесстыдства варианты личностного сопротивления, перенося их в сферы искусства, науки, политики и формирует ситуацию конфликта с властью. Посылая на обязательные принципы социального порядка (общественная мораль, семейные отношения, традиционная религия), индивид транслирует свое недовольство в виде маргинальных проявлений государству, и, благодаря этому, становится частью политического процесса.

В конце XVII века в Англии в словесный обиход вошли понятия «либертин» и «либертинизм». Они совпадали в смысловом контексте и обозначали поведение, противоречащее общепринятым нормам. Акцент делался на отрицание моральных ограничений в бытовой жизни. Их появление было связано с национальным скандалом, вызванным непристойным поведением придворных при дворе короля Стюарта. В общественном мнении причиной подобного стал выход «Левиафана» Томаса Гоббса, в котором описывался «естественный человек» с безграничной свободой в достижении удовольствий и своеволием, не связанным социальными запретами. Мораль в понимании либертинов отождествлялась с обществом, а в случае его неприятия – она отвергалась. В логике тех, кто противопоставлял себя общественным нравам, раскрывался феномен отторжения социальной системы, как чуждой и не совпадающей по ценностным ориентирам. Распущенность противоречила пуританским нравам, принятым во времена диктатуры Кромвеля и принимала характер политической демонстрации, означающей разрыв с завоеваниями английской буржуазной революции. «Гоббс был “либертином”, потому что он отрицал религию, а придворные были “либертины”, потому что вели аморальную жизнь. Критики Гоббса пытались показать, что второй тип “либертина” – результат первого, что аморальное поведение придворных было воодушевлено свободомыслием Гоббса» [20, с. 134]. Примечательно, что подобный образ жизни кардинально расходился с протестантскими установками о целях существования и способах его достижения, в числе которых целомудрие, бережливость, трудолюбие. Бесстыдство придворных преобразовывалось в модель отношений с обществом, построенную на принципах автономного существования, признающего в качестве демаркационной линии пренебрежение моральными, религиозными

и политическими ценностями, принятыми большинством населения.

Переустройство общества, вызванное революционными потрясениями, предполагает ценностные перемены, охватывающие все сферы социальной коммуникации. Вытеснение прежних моральных положений и утверждение новаторских принципов во взаимоотношениях между гражданами являлось частью радикального реформирования государственной системы, продиктованной новыми целями общественного развития. Идеологические максимы (буквально понятия) формировали стереотипы поведения, в которых выражалось признание победивших политических сил и противопоставление прошлому, ассоциирующееся с реакционной частью истории. Основные нравственные понятия, ориентированные на прежние ценностные установки, вступали в противоречие с логикой революционной борьбы, поэтому понятия постыдного и допустимого в моральной сфере нуждались в качественном преобразовании. Общество «Долой стыд», возникшее в Советской России в начале 20-х годов XX века, рассматривало свое предназначение в освобождении человека, занятого строительством социализма, от буржуазных условий, что должно было ускорить формирование нового типа личности и, следовательно, приближение светлого будущего. Шествия и собрания его членов (как правило, студентов и молодых рабочих) в обнаженном виде, низведение отношений между полами до физиологической функциональности призваны были продемонстрировать нетерпимость к религиозной морали, неприятию мещанских нравов, оппортунизму политических деятелей, не отказавшихся от дореволюционных приличий. В данной ситуации маргинальное поведение определялось импульсом разрушения незыблемого в нравственности (человеческая телесность и ее проявления признавались религией и обществом сокровенной областью), исторически свойственного гражданскому противостоянию. Пафос революционной борьбы подчиняет моральное политическому, а фактическим выражением политических пристрастий становится знаковое несогласие с прежними запретами, в число которых входит постыдное. Маргинальное поведение в данном случае есть смысловое отражение тотального разрушения прежних основ жизни. Неспособность большинства населения принять новые нравы и страх дискредитации политической линии заставляет власть перевести подобные инициативы в разряд маргинального поведения с последующим

осуждением. «Демонстративное презрение членов общества к общепринятым нормам морали, ценимым даже в пораженном anomie социуме, не могло не вызвать справедливого гнева со стороны партийно-советского руководства и привести к пресечению полового “голового” акционизма “бесстыдников”» [2, с. 294–296].

Маргинальная модель поведения, сформировавшаяся в результате конфликта индивида с общественными предписаниями, включает ряд положений, проявляющихся в условиях морально-политической конфронтации в социуме. Несогласие с утвердившимися стереотипами коммуникации мотивирует личность к отказу от участия в общезначимой деятельности по причине утраты объединяющих с сообществом ценностных ориентиров или расхождения в их понимании. Восприятие общественной системы как чуждой и враждебной становится основанием сознательного обособления от нее и раскрывается в действиях, которые должны продемонстрировать отрицательное отношение к наиболее почитаемым в социуме принципам и артефактам, прибегая к проявлениям бесстыдства, оскорбительного для сограждан. Чувство стыда перестает выступать сдерживающим фактором деструктивных изъятий, так как действия маргинальной личности выстраиваются вопреки общественному мнению, которое транслирует моральные ограничения, что должно подчеркнуть ситуацию тотального разрыва с сообществом. Маргинальная личность использует данный способ самовыражения в качестве идентификационного кода в противостоянии с государством, возлагая на него вину за несовершенное устройство социальной системы. Таким образом, созданное бесстыдным поведением моральное противоречие с принятым кодексом действий и мировоззренческих установок переносится в политическую сферу и выступает как вызов институтам власти. Отрицание принятой морали концентрируется в открытом или латентном протесте против существующих норм социальной коммуникации, которое может служить символом несогласия с актуальными процессами, происходящими в обществе. Оно может также принимать формы политического противостояния, завуалированного под виды свободного искусства, самореализации, поиска новых оснований межличностного взаимодействия. Социальная самоизоляция генерирует накопление агрессии по причине утраты контактов с обществом, что представляет угрозу общественным нормам,

принципам, настроениям. Анализ общественного взаимодействия в период архаичной истории и Средних веков позволяет выдвинуть предположение, что взаимозависимость, сложившаяся в результате борьбы за выживание и всеобщая религиозная взаимоответственность практически исключают проявления маргинального поведения, так как социальная структура, связанная общезначимой идеей, не допускает предпосылок для его формирования. Свободный выбор ценностных ориентиров способствует разобщенности общества, желанию утвердить собственную уникальность и объектом критики и противодействия выступают моральные прерогативы как содержащие запреты. Механизм социального функционирования логически переводит эти замечания в политическое пространство. Тождественность этих сфер в маргинальном сознании абсолютизируется. Активное взаимодействие государства и гражданского общества в устранении причин (формализация отношений, расхождение декларируемого и реального, официальная ложь, нарушение социальных гарантий), препятствующих консолидации социума, минимизирует риски проявления маргинального поведения.

1. Атоян А. И. Маргинальность и право // Социально-политический журнал. 1994. № 7. С. 158–161.

2. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян в эпоху НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск : Лик, 2015. 312 с.

3. Бауман З. Философия и постмодернистская социология : пер. с англ. // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–62.

4. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс. 1991. № 4. С. 72–79.

5. Гофф Жак ле. Цивилизация средневекового Запада : пер. с фр. М. : Прогресс, 1992. 373 с.

6. Жене Ж. Дневник вора : пер. с фр. М. : Текст, 1994. 252 с.

7. Ермолаева Е. П. Психология профессионального маргинала в социально-значимых видах труда // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 69–75.

8. Каганский В. Л. Вопросы о пространстве маргинального // Новое литературное обозрение. 1999. № 3. С. 52–62.

9. Камю А. Бунтующий человек : пер. с фр. М. : Изд-во политической литературы, 1990. 415 с.

10. Лаэртский Д. О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов : пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1979. 620 с.

11. Логачева С. М. Феномен маргинальности в культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2002.

12. Нечаева О. В. Правовые аспекты маргинальности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

13. Никитин А. А. Маргинальное поведение личности как объект теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

14. Осипова О. С. Девиантное поведение: благо или зло // Социс. 1998. № 9. С. 106–110.

15. Сартр Ж.-П. Герострат : пер. с фр. М. : Республика, 1992. 222 с.

16. Сад Маркиз де. Письма вечного узника : пер. с фр. М. : Эксмо, 2005. 606 с.

17. Скрипник А. П. Моральное зло в истории и культуре. М. : Изд-во политической литературы, 1992. 351 с.

18. Степаненко Р. Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности. Казань : Ун-т управления «Тисби», 2012. 268 с.

19. Goldberg Ch.A. Robert Park, s marginal man: the career of a concept in American sociology // Laboratorium. 2012. Vol. 4, no. 2. Pp. 199–217.

20. Mintz S.I. The hunting of Leviathan. The seventeenth – century reactions to the materialism and moral philosophy of Tomas Hobbes. Cambridge, 1962. P. 134.

21. Stonequist E.V. The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York, 1961.

References

1. Atoyan A.I. (1994) *Sotsialno-politicheskiy zhurnal*, no. 7, pp. 158–161 [in Rus].

2. Bagdasaryan S.D. (2015) *Byt, trud i semya krestyan v epokhu NEPa: istoricheskaya povsednevnost yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-e gody*. Novocherkassk, Lik, 312 p. [in Rus].

3. Bauman Z. (1993) *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 46–62 [in Rus].

4. Gilinskiy Ya.I. (1991) *Sotsis*, no. 4, pp. 72–79 [in Rus].

5. Gof J.Le. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. Moscow, Progress, 373 p. [in Rus].

6. Zhene Zh. (1994) *Dnevnik vora*. Moscow, Text, 252 p. [in Rus].

7. Ermolaeva E.P. (2001) *Psikhologicheskiy zhurnal*, no. 5, pp. 69–75 [in Rus].

8. Kaganskiy V.L. (1999) *Novoe literaturnoye obozreniye*, no. 3, pp. 52–62 [in Rus].

9. Kamyu A. Buntuyushchiy chelovek. Moscow, Politizdat, 415 p. [in Rus].

10. Laertskiy D. (1979) O zhizni, ucheniyakh, izrecheniyakh znamenitkh filosofov. Moscow, Mysl, 620 p. [in Rus].

11. Logacheva S.M. (2007) Phenomen marginalnosti v culture [The phenomenon of marginality in culture]. Abstract of thesis. Voronezh [in Rus].

12. Nechaeva O.V. (2006) Pravovye aspekty marginalnosti [Legal aspects of marginality]. Abstract of thesis. N. Novgorod [in Rus].

13. Nikitin A.A. (2006) Marginalnoe povedenie lichnosti kak obekt teoretiko-pravovogo issledovaniya [Marginal behavior of the individual as an object of theoretical and legal research]. Abstract of thesis. Saratov [in Rus].

14. Osipova O.S. (1998) *Sotsis*, no. 9, pp. 106–110 [in Rus].

15. Sartr J.P. (1992) *Gerostrat*. Moscow, Republic, 222 p. [in Rus].

16. Sad Markiz de. (2005) *Pisma vechnogo uznika*. Moscow, Eksmo, 606 p. [in Rus].

17. Skripnik A.P. (1992) *Moralnoye zlo v istorii i culture*. Moscow, Politizdat, 351 p. [in Rus].

18. Stepanenko R.F. (2012) *Genезis obshcheppravovoy teorii marginalnosti*. Kazan, University of Management of Tisbee, 268 p. [in Rus].

19. Goldberg Ch. A. (2012) *Laboratorium*, Vol. 4(2), pp. 199–217 [in Eng].

20. Mintz S.I. (1962) *The hunting of Leviathan. The seventeenth – century reactions to the materialism and moral philosophy of Thomas Hobbes*. Cambridge [in Eng].

21. Stonequist E.V. (1961) *The marginal man. A study in personality and culture conflict*. New York [in Eng].

For citing: Mironov A.V.

Marginal behavior in terms of moral and political confrontation // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 34–41.

UDC 1:3 + 177.8

MARGINAL BEHAVIOR IN TERMS OF MORAL AND POLITICAL CONFRONTATION

Mironov Andrey Vladimirovich,

Sevastopol State University,
Institute of Social Sciences
and International Relations,
Professor of the Department Chair
of Political Sciences and International Relations,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
The Russian Federation, 299053,
Sevastopol, Universitetskaya Street, 33.
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Annotation

The author considers peculiarities of establishing marginal model of behavior formed as a result of a person's moral and political confrontation with a social system through negating common valuable standards of social communication; structural components of the given phenomenon, reasons for establishing and peculiarities of development are pointed out. The emphasis is laid on a social solitude of a marginal person, arising as a result of disagreement between valuable parameters of individual and social existence. The author gives historical examples in which peculiarities of manifesting impudence in a person's behavior as a symbol of personal political disagreement with accepted social norms. Model of marginal behavior is treated in connection with negating moral principles and latent political protest.

Key concepts:

marginal person,
self-isolation,
moral and political confrontation,
impudence,
social solitude.

Для цитирования: Жоров Е. А.
Региональная экономическая политика
Великобритании: тэтчеристский поворот //
Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 42–47.

УДК 323 + 338.2 + 94

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ТЭТЧЕРИСТСКИЙ ПОВОРОТ

Жоров Евгений Анатольевич,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
декан исторического факультета,
кандидат исторических наук.
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: zhorovea@cspu.ru

Аннотация

В статье на основе разноплановых данных рассматривается неолиберальный поворот в региональной экономической стратегии британских консерваторов, осуществленный в 1979–1990 гг. Анализируются ключевые программы регионального экономического развития, реализованные правительством Великобритании под руководством М. Тэтчер.

Ключевые понятия:
региональная политика,
субсидируемые районы,
внутригородские территории,
Маргарет Тэтчер,
Великобритания.

Около сорока лет назад начались глубокие изменения британской административной и экономической структуры. В период правления консерваторов во главе с М. Тэтчер (1979–1990 гг.) в Великобритании были реализованы несколько программ регионального и внутригородского развития, навсегда изменившие принципы и характер селективной поддержки экономической периферии страны в духе неолиберализма, представлявшего собой причудливую смесь науки с политической практикой, основой которой стали убеждения о могуществе рынков и принципиальной непотребности государственного вмешательства [2, с. 35–36]. И если сами неолиберальные подходы и ключевые результаты «тэтчеровского десятилетия» широко известны, то процесс выработки и мотивы реализации новой региональной политики все еще требуют дополнительного изучения.

Соединенное Королевство имеет давние традиции регионального управления. Причем сама региональная политика зачастую выступает в различных формах, приобретая очертания селективной экономической помощи субсидируемым районам (assisted areas) или программ внутригородского развития (inner cities). Кроме того, в структуру региональной политики входят меры по борьбе с безработицей и изменению деловой и промышленной инфраструктуры страны.

Анализ архивных документов [9–10; 12], парламентских дебатов [6] и мемуаров [4; 7–8] позволяет выделить два магистральных направления в региональной политике Великобритании периода тэтчеризма. К первому наряду с пересмотром границ субсидируемых районов может быть отнесено создание Городских зон предпринимательства (Enterprise Zones), освобождавших от любых видов административного контроля. Ко второму – процесс регенерации центральных районов больших городов (inner cities) – как правило, перенаселённых, бедных, отличающихся высоким уровнем преступности и безработицы. Ведущим направлением политики внутригородского развития в Великобритании стало учреждение так называемых Корпораций городского развития (Urban Development Corporations).

В течение многих лет, предшествовавших реформам британских консерваторов, правительство страны считало целью региональной политики оказание специальной помощи старопромышленным регионам с их специфическими проблемами. Начиная с 1934 года, когда был принят первый за-

кон, касающийся регионального развития (Special Areas Act), десятки миллиардов фунтов стерлингов были направлены на решение проблем депрессивных районов. И лейбористы, и консерваторы были едины. Тори особенно гордились созданными при них автомобильными и сталеплавильными заводами, развитой инфраструктурой в новых районах Шотландии, Уэльса, Мерсисайда (конурбация с центром в г. Ливерпуль, расположенная по берегам р. Мерси, создана в 1974 г., имеет статус графства-метрополи), Северо-Востока Англии и других [5]. Но правительство Тэтчер изменило традиции.

В основу новой политики легло убеждение об излишней расточительности и низкой эффективности регионального управления. Задачи ограничения регулирующей роли государства, резкого сокращения потребности местных органов власти в заемных средствах, расширения потребительских прав и предпринимательских свобод составили круг проблем, решения которых требовали неолиберальные воззрения тэтчеристов. Главным же представлялось применение строгого монетаристского подхода к государственным финансам (бюджетная дисциплина и сокращение расходов, в том числе на нужды регионального развития) и внедрение рыночных механизмов в сферу предоставления общественных услуг [2, с. 324–325].

Фактически консультации по плану регионального развития начались еще в 1976–1978 гг. Так, в докладе «Региональная политика – новый подход» утверждалось, что новые меры не должны повторять шаги, суть которых сводится к всеохватывающему централизованному контролю над процессом регионального развития. Напротив, сутью нововведений должно стать всемерное поощрение местной инициативы, придающей каждому субсидируемому району мотивацию на создание уравновешенной и динамичной промышленной базы [9, р. 1]. С этой целью предлагалось преобразовать существующие Управления по региональному промышленному развитию (Regional Industrial Development Boards) в Советы по региональному развитию (Regional Development Councils) с более независимыми и гибкими полномочиями. Обновленный орган регионального планирования получал право автономного использования целевых средств, осуществляющееся по согласованию между муниципалитетами, профсоюзами, другими общественными организациями и региональной бизнес элитой, представители которой должны составлять не менее 50 % от

всех членов Совета [9, р. 2]. Преимущества такого подхода заключались в том, что создание Советов по региональному развитию не требовало существенных административных усилий: преобразуемые Управления имели достаточный опыт в вопросах регионального строительства и уже были интегрированы в структуры местных органов власти [9, р. 2]. Лейтмотивом же указанных предложений, несомненно, являлось стремление сократить прямые государственные инвестиции, направляемые на нужды регионов. Отмечалось, что необходимо в первую очередь сократить расходы на помощь в реализации капиталоемких проектов без вероятного альтернативного размещения или с незначительными результатами в плане повышения занятости [10, р. 1–2].

Интенции по сокращению расходов на нужды регионов сильно ударили по престижу власти, особенно в депрессивных районах Шотландии и Уэльса. Ответственные министры на местах выражали обеспокоенность грядущим сокращением расходов в связи с высоким уровнем безработицы в национальных регионах и призывали к сохранению мер поддержки, закрепленных Законом о промышленности 1972 г. (Industry Act 1972), в том числе в форме грантов регионального развития (Regional Development Grants) и других форм селективной финансовой поддержки субсидируемых районов [12, р. 159–160]. Поэтому первое время экономить приходилось лишь на дотациях регионам с низкими уровнями безработицы [12, р. 158]. Вместе с тем, сохранение государственной поддержки и гарантий государственным предприятиям могло обернуться потерей 20–30 млн фунтов стерлингов в год на протяжении ряда лет. Частный сектор не был бы заинтересован в инвестициях до тех пор, пока правительство не согласует меры по повышению предпринимательской активности в условиях неравноправной конкуренции с государственными и муниципальными структурами, поддерживаемыми Лондоном [12, р. 146–147]. Ряд министров центрального правительства настаивали на принципиальном согласовании кабинетом министров параметров государственной программы регионального промышленного развития (сокращение ставок грантов и их полная отмена по истечении переходного периода, пересмотр карты субсидируемых правительством районов с производной экономией 40–50 млрд фунтов стерлингов в год, изменение пропорции населения, проживающего в регионах развития и др.) [12, р. 148–151]. Хотя даже Тэтчер признавала,

что подобные предложения излишне суровы [12, p. 123].

В конечном итоге Палате общин был представлен компромиссный, но довольно жесткий вариант реформы. Была сохранена трехуровневая система субсидируемых районов, включающая так называемые специальные районы развития (special development area), районы развития (development areas) и промежуточные районы (intermediate areas), а также существующие инструменты поддержки регионов с массовой безработицей [6, col. 1302].

В течение трехлетнего переходного периода площадь районов развития должна была сократиться таким образом, чтобы в них проживало не более 25 % занятого населения, что позволяло оказывать справедливую помощь наиболее нуждающимся регионам [6, col. 1302]. Некоторые из ранее существовавших районов развития понижались в статусе. Промежуточные районы (Манчестер, Блэкберн, Болтон, Кру, Уоррингтон, Галифакс, Лидс, Шеффилд) лишались помощи по истечении трех лет. Изменялся статус районов, жители которых совершали регулярные поездки на работу в большие города или агломерации (Travel to Work Area). Так, промежуточными становились 3 таких района на Юго-Западе Англии (Торби, Дартмут, Кингсбридж). Районами развития были объявлены Мексборо, Плимут, Рил, Ротерем и Уиган. Специальными районами развития становились Эр, Килманрок, Редрут, Рексем и часть Ларгса [6, col. 480w, 1302].

Что касается финансовой поддержки регионов развития, то она сохранялась в виде грантов, ставка которых варьировалась от 15 (регионы развития) до 22 % (специальные регионы развития) от общей суммы расходов на модернизацию конкретного производства. При этом для всех категорий регионов развития, кроме специальных, ставка была понижена, а минимальный размер субсидии, напротив, увеличен со 100 до 500 фунтов стерлингов на модернизацию машин и оборудования и с 1000 до 5000 фунтов на ремонт зданий [6, col. 1303].

В конечном итоге совокупный эффект от новой региональной политики позволял сэкономить более трети 609-миллионного бюджета на 1982–1983 фин. год [3, p. 95].

В практическом плане правительство Тэтчер, разрушая одну региональную политику, создавало другую, основанием для которой служили большая территориальная и отраслевая избирательность, а также ориентация на бизнес [1, с. 81]. Фактически тэт-

черисты подменили региональную политику городской, сосредоточив ее в депрессивных, перенаселенных районах больших городов с низким уровнем жизни.

Уже в середине 1970-х годов было ясно, что так называемые «внутренние города» (Inner City) стремительно теряют население и рабочие места вследствие вывода из них промышленных предприятий. Между 1961 и 1971 годом они потеряли от 16 до 20 % своего населения. Лондон лишился 400 000 рабочих мест в обрабатывающей промышленности за период с 1961 по 1975 гг. [3, p. 130]. Следствием чего стала заметная депопуляция.

Придя к власти, консерваторы не отказались от программы помощи городам, сосредоточенным в депрессивных регионах страны, хотя и направили большее количество ресурсов в пригороды при одновременном сокращении общих расходов [3, p. 130]. Вдохновители городской программы считали, что ее целью должно стать создание достаточных условий для того, чтобы заставить людей остаться и инвестировать в развитие региона [4, p. 209].

Корпорации городского развития (КГР) должны были изменить облик старопромышленных районов в результате отчуждения у муниципалитетов заброшенных промышленных площадок (compulsory purchase) и строительства на их территории современных функциональных зданий с последующим развитием инфраструктуры. Данная идея являлась реальным подтверждением заявлений о необходимости активной и эффективной региональной политики, принимающей во внимание измененную ситуацию, при которой не имеет никакого смысла полагаться на стимулирующее передвижение фирм из одной части страны в другую, в то время как регион-донор лишается перспектив для роста [10, p. 1].

Несмотря на привлекательную логику, начальная стоимость реализации проекта могла оказаться довольно значительной, поэтому план создания КГР удалось реализовать только после личного одобрения Тэтчер, которая восприняла доводы о том, что речь идет о пустующих государственных землях, на территории которых действуют сплошь коммунистические Советы [4, p. 212–213]. К весне 1981 года были созданы две Корпорации – в Лондоне и Ливерпуле. Первая включала в себя 7 административных районов, в том числе два на южном берегу Темзы, и в общей сложности 5500 акров севернее реки; вторая распространялась на 1000 акров вдоль реки Мерси [4, p. 213]. Лондонская КГР, поставившая под

свой контроль заброшенные территории, расположенные всего в нескольких милях от Банка Англии, добилась значительных успехов, использовав 385 млн фунтов стерлингов государственных капиталовложений для привлечения более чем 3 млрд частных инвестиционных обязательств (investment commitments) [3, р. 134]. Ярчайшим примером деятельности столичной Корпорации явилось строительство крупного комплекса административных и жилых зданий с развитой инфраструктурой (Canary Wharf) в районе бывших доков и причалов в Ист-Энде. Сам же лондонский порт перевели в Тилбери, графство Эссекс.

В 1987–1988 годах появилась новая серия КГР в провинции – каменноугольном и железодобывающем районе Стаффордшира и Уорикшира, Тиссайде, Тайне и Уире, Бристоле, Лидсе, Манчестере, Шеффилде и в бухте Кардиффа. Все они были чрезвычайно эффективны в том, что касалось развития территории, однако воздействие на безработицу было весьма умеренным. По данным профессора Лондонского университета Питера Холла, большая часть рабочих мест являлась результатом другой новации правительства Тэтчер [3, р. 136].

В бюджетном послании 1980 г. канцлер Казначейства Дж. Хау анонсировал учреждение так называемых Городских зон предпринимательства, на 10 лет освобождавшихся от планового контроля со стороны правительственных органов и получавших льготы по уплате налогов. Являясь частью общих мер по повышению жизнеспособности британской экономики и программы по свертыванию государственного вмешательства и саморегулированию, такие зоны, представлявшие по замыслу устроителей некое подобие Гонконга в миниатюре, создавались во внутренних районах Лондона, Мидлэндса, на севере Англии и на юге Уэльса, в центральной части Шотландии и в Северной Ирландии. Любые капиталовложения, направленные на развитие городских предпринимательских зон, каждая из которых распространялась примерно на 500 акров, освобождались от подоходного налога и налога на капитал, местных налогов на нежилую коммерческую недвижимость и промышленных сборов. Более того, Казначейство планировало также отменить и все формы контроля над заработной платой и ценами [8, р. 52–53].

Создание предпринимательских зон первоначально не входило в круг задач, рассматриваемых Тэтчер. Но под давлением обстоятельств, связанных с проблемой

роста массовой безработицы в депрессивных районах страны, она была вынуждена согласиться на реализацию проекта [7, р. 110, 174].

В 1980–1981 фин. году было создано 11 зон развития: Клайдбанк, Белфаст, Суонси, Корби, Дадли, Спик (в Ливерпуле), Солфорд/Трэфффорд (в Манчестере), Уэйкфилд, Хартлпул, Тайнсайд и Айл оф Догс (в восточном Лондоне). Все они различались по характеру, представляя собой палитру, включающую внутренне города, пригороды, ареалы запустения и районы планируемого промышленного развития [3, р. 133–134].

Совокупный эффект от объявленных преобразований был смешанным. Всего за период с 1981 по 1984 год были созданы 25 предпринимательских зон, трудоустроивших приблизительно 126 000 человек, но лишь 58 000 рабочих мест оказались дополнительными. Стоимость каждого из них составила примерно 17 000 фунтов стерлингов [11, р. 6]. Депопуляцию внутригородских территорий столичного района и некоторых других городов удалось остановить, однако во многих депрессивных территориях, оставшихся за пределами действия программы, уровни безработицы и депривации продолжали возрастать. Об определенном успехе программы свидетельствовало привлечение более 2 млрд фунтов стерлингов (в ценах 1994–1995 фин. года) частных инвестиций, что в 2,3 раза превышало вложения со стороны государства [11, р. 6].

В конечном итоге результаты независимого аудита эффективности городских зон предпринимательства, последний из которых был принят в 2011 г., показали, что они действительно способствовали регенерации некоторых районов Великобритании, однако:

- не создавали достаточного количества дополнительных рабочих мест;;
- были чрезвычайно дороги;
- многие их достоинства были «узурпированы» собственниками, а не самими районами развития;
- некоторые параметры Зон (упрощенное планирование) так и не были реализованы;
- большинство зон были созданы в областях с ограниченными перспективами развития;
- в сельской местности результативность была наименьшей.

Итогом объявленных преобразований стало изменение границ и масштабов

региональных диспропорций в Великобритании. По мнению профессора Холла, старая региональная дихотомия между столичным югом и востоком с одной стороны и периферийными севером и западом с другой, изменилась [3, р. 132]. К концу 1980-х гг. граница характеризовалась более тонкими различиями, а ареалы развития носили конкретные очертания и включали в себя распадающиеся конурбации и старые промышленные и угледобывающие районы. На другой стороне, напротив, расположились стабильно (с разной степенью относительности) развивающиеся городские территории Лондона, Бристоля, Глазго, Эдинбурга, Бирмингема, Манчестера и Ливерпуля; богатые пригороды; среднего размера автономные города и сельская местность большей части Великобритании.

Реформирование процессов регионального управления в Великобритании привело к тому, что доминирование иерархии было успешно оспорено внедрением рыночных механизмов, действующих с учетом позиций множества заинтересованных сторон. Отказ от чрезмерного централизованного регулирования, всемерное поощрение частной инициативы, учреждение принципа «проверки нуждаемости» в распределении грантов и определении границ районов поддержки закладывали основы не только новой экономической, но и политической регионализации, а в конечном итоге – деволюции. И это несмотря на то, что консерваторам принято приписывать сопротивление указанным процессам.

Оглядываясь на опыт региональной политики Великобритании, актуальным остается вопрос о возможности его использования в России. Думается, что федеративному по признакам территориально-административного устройства государству – Российской Федерации – все еще есть чему поучиться у унитарного «Туманного Альбиона». В частности, положительный эффект могут иметь умеренная децентрализация административной структуры и дальнейшее развитие практики совмещения федеральных и региональных инвестиционных программ. Кроме того, необходимо сделать ставку на различные формы развития конкуренции и государственно-частного партнерства в депрессивных регионах.

1. Артоболевский С. С. Региональное развитие в Великобритании: послевоенный этап. М. : ИГРАН, 1992. 165 с.

2. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. М. ; Челябинск : Социум : Мысль, 2017. 552 с.

3. Hall P. Urban and regional planning. 4th ed. London : Routledge, 2002. 248 pp.

4. Heseltine M. Life in the Jungle. My Autobiography. London : Hodder & Stoughton, 2001. 574 pp.

5. Hetherington P. Regional policy will not redress balance in poorer areas // *The Guardian*. 2010. 15 Sept.

6. House of Commons Hansard Debates / House of Commons. London, Session 1978–1979. 17 July 1979. Series 5. Vol. 970.

7. Howe G. Conflict of Loyalty. London: Pan Books, 1995. 768 pp.

8. Lawson N. The View from No. 11. *Memoirs of a Tory Radical*. London : Corgi Books, 1993. 1152 pp.

9. Margaret Thatcher Foundation / Thatcher records / Shadow Cabinet: Circulated Paper (Heseltine «Regional Policy – A New Approach») / Archive / Thatcher MSS (2/6/1/159).

10. Margaret Thatcher Foundation / Thatcher records / Steering Committee: Paper circulated (Kenneth Clarke on regional policy) / Archive / Thatcher MSS (2/6/1/233).

11. Mellows-Facer A. Enterprise Zones / House of Commons Research Paper SN/EP/5942. London : House of Commons Library, 2011. 7 pp.

12. The National Archives / Records of the Prime Minister's Office / PREM 19/105.

References

1. Artobolevskij S.S. (1992) Regional'noe razvitiye v Velikobritanii: poslevoennyj etap. Moscow, IGRAN, 165 p. [in Rus].

2. Stedmen-Dzhounz D. (2017) Rozhdeniye neoliberal'noj politiki: ot Hajeka i Fridmena do Rejgana i Tehtcher. Moscow – Chelyabinsk, Socium; Mysl', 552 p. [in Rus].

3. Hall P. (2002) Urban and regional planning. London, Routledge, 248 p. [in Eng].

4. Heseltine M. (2001) Life in the Jungle. My Autobiography. London, Hodder & Stoughton, 574 p. [in Eng].

5. Hetherington P. (2010) *The Guardian*, 15 Sept. [in Eng].

6. House of Commons Hansard Debates (1979) House of Commons. London, Session 1978–1979, 17 July, Series 5, vol. 970 [in Eng].

7. Howe G. (1995) Conflict of Loyalty. London, Pan Books, 768 p. [in Eng].

8. Lawson N. (1993) The View from No. 11. *Memoirs of a Tory Radical*. London, Corgi Books, 1152 p. [in Eng].

9. Margaret Thatcher Foundation / Thatcher records / Shadow Cabinet: Circulated Paper (Heseltine «Regional Policy – A New Approach») / Archive / Thatcher MSS (2/6/1/159) [in Eng].

10. Margaret Thatcher Foundation / Thatcher records / Steering Committee: Paper circulated (Kenneth Clarke on regional policy) / Archive / Thatcher MSS (2/6/1/233) [in Eng].

11. Mellows-Facer A. (2011) Enterprise Zones. London, House of Commons Library, 7 p. [in Eng].

12. The National Archives / Records of the Prime Minister's Office / PREM 19/105 [in Eng].

For citing: Zhorov E.A.

Regional economic policy of Great Britain: Thatcher swing // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 42–47.

UDC 323 + 338.2 + 94

REGIONAL ECONOMIC POLICY OF GREAT BRITAIN: THATCHER SWING

Zhorov Evgeniy Anatolyevich,

South Ural State

Humanitarian Pedagogical University,

Dean of the Faculty of History, Cand.Sc. (History).

The Russian Federation, 454080,

Chelyabinsk, Lenina St., 69.

E-mail: zhorovea@cspu.ru

Annotation

The article considers neoliberal turn in regional economic strategy of British conservatives staged in 1979–1990. The author analyzes the key programs of regional economic development, realized by the UK government under M. Thatcher.

Key concepts:

regional policy,
subsidized regions,
intra-city areas,
Margaret Thatcher,
Great Britain.

Для цитирования: Артемова О. В.,
Логачева Н. М., Нестеренко И. Ю.
Ресурсы для развития малого и среднего
предпринимательства региона // Социум
и власть. 2018. № 2 (70). С. 48–55.

УДК 332

РЕСУРСЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА

Артемова Ольга Васильевна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) Академии труда и социальных
отношений, директор,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454091, г. Челябинск,
ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Логачева Наталья Модестовна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) Академии труда и социальных
отношений, доцент кафедры экономики,
доктор экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091, г. Челябинск,
ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: nmlogacheva@yandex.ru

Нестеренко Ирина Юрьевна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) Академии труда и социальных
отношений, заместитель директора,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091, г. Челябинск,
ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Аннотация

В статье сформулировано авторское определение содержания и особенностей ресурсного потенциала малого и среднего предпринимательства (МСП) региона. Проведено сопоставление уровня развития МСП с отдельными показателями ресурсного потенциала по регионам Уральского федерального округа, показана зависимость между обеспеченностью территорий ресурсами и уровнем развития МСП.

Ключевые понятия:
ресурсный потенциал,
малое и среднее предпринимательство,
развитие предпринимательства региона,
Уральский федеральный округ.

Возможности экономического роста определяются количеством и качеством ресурсов, которые могут быть вовлечены в процесс производства. Для целей исследования авторов процесс производства и ресурсное обеспечение производства рассматриваются в контексте территориальной локализации (регион, муниципальное образование). Определение возможностей развития предпринимательства региона требует определения содержания и оценки ресурсов соответствующей территории. В то же время кроме территориальной привязки есть особенности обеспечения ресурсами применительно к масштабам производства в регионе (крупный, средний и малый бизнес). В связи с этим для авторов актуализируется вопрос о выявлении и оценке тех ресурсов региона, которые определяют развитие малого и среднего бизнеса (МСБ) на территории. В таком аспекте исследования ведутся недостаточно активно. Учитывая важность проблемы в части вклада в развитие регионов возможностей МСБ, считаем необходимым проводить исследование по данной тематике.

Такая постановка вопроса требует решения ряда методологических и методических задач, в частности определения базовых для данного исследования понятий. В экономических исследованиях наиболее распространенной категорией, используемой для характеристики ресурсной обеспеченности территории, является категория «ресурсный потенциал». В настоящее время предложены разные подходы к трактовке понятия «ресурсный потенциал региона».

Так, например, А. И. Мокрецова исследует термин «ресурсный потенциал региона» через применение совокупности «жестких» и «мягких» видов ресурсов. В частности, в категорию «жестких ресурсов» автор относит «весомую часть структуры ресурсного потенциала региона, способствующую экономическому развитию региона посредством расширенного воспроизводства продукции, оказания услуг и выполнения работ», а под категорией «мягкие» ресурсы понимает «составную часть ресурсного потенциал региона, которая характеризуется способностью воздействия на реализацию целей по производству продукции (выполнению работ, оказанию услуг), перспективность полу-

чения дохода не только в настоящем, но и в будущих периодах хозяйственной деятельности региона, возможность использования в течение длительного времени» [12]. Основной акцент анализа обращен к изучению конкурентоспособности и стратегий развития региона на основе имеющегося ресурсного потенциала. При этом утверждается, что развитие региона в целом целесообразно проводить на основе реализации стратегии активного роста ресурсного потенциала, которая должна быть основана на изменении структуры ресурсов региона с «жестких» ресурсов (трудовых, финансовых) на «мягкие» (информация, новые знания, изобретения и т. п.). Такой подход вызывает научный интерес, однако остаются неясными критерии отнесения ресурсов к той или иной группе. Также несколько «выпадают» из детального рассмотрения и анализа последствий их использования другие компоненты ресурсного потенциала.

О. А. Ломовцева в своей статье «Совокупный ресурсный потенциал региона: методология определения и измерения» предлагает иной подход к определению ресурсного потенциала региона. Это «комплекс условий, предпосылок, факторов и ресурсов, обеспечивающих региональный воспроизводственный процесс, уровень их использования и интернационализации. Он учитывает как объем расположенных в пределах данного территориального образования материальных и нематериальных факторов, выраженных в тех или иных количественных показателях, так и те качественные характеристики, которые предопределяют потенциальные возможности реализации этих факторов в регионе» [10]. Данное определение, с одной стороны, направлено на то, чтобы охватить максимально полно те компоненты, которые следует учитывать как ресурсный потенциал, однако, с другой стороны, такой подход не позволяет сразу четко конкретизировать состав этого потенциала, что мешает правильному пониманию сути термина. Остается не до конца понятным пояснение автора о территориальном расположении этих ресурсов, учитывается ли возможность изменение их количественного и качественного состава по инициативе региона.

Наличие внешнего воздействия на развитие региона более явно учтено

в определении, которое предложено Т. А. Якушкиной. Автор трактует термин «ресурсный потенциал регион» как «скрытые возможности, способности, нереализованные резервы ресурса, которые могут проявляться при изменении внутренней и внешней среды» [16]. Такой подход расширяет сущностную наполненность ресурсного потенциала, однако вместе с тем снижает возможности его оценки, так как включает в себя количественно слабоизмеримые компоненты, например скрытые возможности региона. С позиции Т. А. Якушкиной для успешного социально-экономического развития региона необходимо обеспечить взаимодействие всех имеющихся ресурсов. Однако не совсем понятно, что должно включать в себя это взаимодействие, на каких принципах строиться и как оценить его уровень.

Исследовательский интерес вызывает также работа О. А. Амировой [1]. В ней предлагается трактовка, которая не только указывает на состав ресурсов, но и включает результативный компонент, то есть указывается, чему способствует наличие определенных ресурсов в регионе. В частности, автор выделяет дополнительно к традиционным ресурсам региона (природно-экологическим, материально-техническим, технико-технологическим, трудовым, финансовым) стратегические ресурсы развития региона, а именно управленческие, внешнеэкономические, инфраструктурные. Это дополнение в трактовке ресурсного потенциала автор поясняет необходимостью в рамках стратегического развития региона учитывать и развивать такие ресурсы, «на которые не распространяется принцип ресурсной ограниченности». С нашей точки зрения, этот тезис не в полной мере может быть применен к любому региону. Так как, например, инфраструктурные ресурсы имеют в качестве косвенного ограничения финансовую (бюджетную) обеспеченность региона, а внешнеэкономические – отчасти связаны с уже существующей в регионе структурой производственных отраслей, а также территориальным расположением самого региона.

Некоторые авторы также предлагают трактовку понятия ресурсного потенциала в привязке к целям (результатам) развития региона, но при этом выделяя конкретную цель. Так, например, С. М. Кулиш в своем исследовании делает акцент на изучение

такого потенциала, который бы способствовал не просто развитию региона, а инновационному социально-ориентированному развитию [8]. При таком подходе исследовательское внимание смещается на результативный вектор применения ресурсного потенциала, а не только на его составляющие компоненты, что позволяет увидеть и обосновать целесообразность воздействия на определенные элементы ресурсного потенциала в том случае, если перед регионом стоит именно такая задача.

Ю. В. Маркина придерживается похожего подхода, исследуя не весь ресурсный потенциал региона, а только тот, который способствует инновационному развитию. При этом термин трактуется как «возможности региона по использованию имеющейся у него совокупности ресурсов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и внешней средой в определенных организационно-управленческих условиях для наиболее эффективного социально-экономического развития региона, обусловленного инновационной деятельностью» [11]. Автор подчеркивает значимость не просто нахождения ресурсов на какой-то территории, а их взаимосвязи и взаимодействия, способствующих возникновению эффекта синергии, а также повышению адаптационных возможностей у региона в процессе его развития.

Все авторы, исследующие категорию «ресурсный потенциал», отмечают ее многокомпонентность. Сводный результат анализа структурных элементов ресурсного потенциала приведен в табл. 1.

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на изучении ресурсов для развития сектора малого и среднего бизнеса региональной экономики. В этом контексте мы определяем ресурсный потенциал региона для целей развития предпринимательства как совокупность ресурсов (материальных и нематериальных), территориально локализованных в регионе, и факторов (условий), формирующих предпринимательскую среду. Ресурсный потенциал характеризует объективные предпосылки (возможности) обеспечения развития предпринимательства.

В составе ресурсов ресурсного потенциала региона авторами выделены:

- природные (географические, климатические, полезные ископаемые, биологические);

- трудовые (трудовые ресурсы и их квалификационный уровень);
- производственные (результаты экономической деятельности хозяйствующих субъектов и населения региона);
- финансовые (объем бюджетных доходов, денежных ресурсов предприятий и доходов населения региона),
- инфраструктурные (состояние экономической, производственной и социальной инфраструктур региона);
- инновационные (параметры внедрения научно-технических достижений в региональной экономике);
- потребительские (совокупная покупательная способность населения региона).

К факторам (условиям) ресурсного потенциала региона отнесены те, которые являются в наибольшей степени управляемыми и регулируемыми и способствуют формированию предпринимательской среды в зависимости от поставленных целей со стороны субъекта управления [3, с. 9–10]:

- институциональные (сформированность нормативно-правовой базы, неформальные институты регулирования предпринимательства),
- управленческие (государственная поддержка предпринимательства, уровень управленческой культуры предпринимателей).

Как уже отмечалось, малое и среднее предпринимательство является структурным элементом предпринимательства. Но в силу особенностей функционирования малого и среднего бизнеса требуется уточнение характеристик ресурсного потенциала, приведенного выше. Специфика ресурсного потенциала для МСП заключается в составе его структурных элементов. Специфическими элементами (ресурсами и факторами) ресурсного потенциала региона для развития МСП являются:

- отраслевая структура экономики региона, которая позволяет реализовать конкурентные преимущества МСП;
- инновационные процессы в развитии техники, технологии, организации производства, формировании потребностей населения, которые расширяют возможное поле деятельности для МСП;
- специальные меры государственной поддержки МСП.

Таблица 1

**Подходы к определению структурных элементов
ресурсного потенциала региона***

Составляющие ресурсного потенциала региона	Авторы
Производственный, научно-технический, трудовой, природный	Гранберг А. Г. [5, с. 318]
Производственный, трудовой, финансово-экономический, инвестиционный, социальный, инновационный, природно-ресурсный, информационный потенциалы	Мокрецова А. И. [12]
Ресурсы-факторы (традиционные факторы производства – труд, земля, капитал, управление) и ресурсы-условия (формирующие социально-экономическую, в том числе инвестиционную и инновационную среду, в которой функционируют традиционные ресурсы). Традиционные ресурсы развития экономики региона: природно-экологические, материально-технические, технико-технологические, трудовые, финансовые. Стратегические ресурсы развития экономики региона: управленческие, внешнеэкономические, инфраструктурные	Амирова О. А. [2, с. 14-15.]
Природные, трудовые, производственные, финансовые, информационные, инновационные, инвестиционные, инфраструктурные	Дармилова Ж. Д. [6]
Совокупность агробиологических, материально-технических, трудовых, экономических, организационно-управленческих, информационных, инфраструктурных и других ресурсов, а также ресурсов особого рода – господдержки и внешнеэкономической деятельности	Потапов А. П. [14]
Ресурсно-сырьевой; трудовой; производственный; инновационный; институциональный; инфраструктурный; финансовый; потребительский	Челноков И.В., Герасимов Б. И., Быковский В. В. [15, с. 42-59]
Природно-ресурсный, социально-экологический, социально-демографический, научно-технический, производственный, аграрный, трудовой, научный, рекреационный, информационный, социальный, этнокультурный, организационный, идеологический потенциалы	Калинникова О. И. [7, с. 26-31]
Производственный, трудовой, потребительский, инфраструктурный, ресурсно-сырьевой, институциональный, инновационный, финансовый потенциалы	Рейтинговое агенство «Эксперт РА»**
Ресурсы, имеющиеся в распоряжении региона; возможности привлечения дополнительных ресурсов; механизм управления данными ресурсами и возможностями	Куриянов Н. А. [9]

* Приведено по категориям «ресурсный потенциал» и «экономический потенциал» региона.

** Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика». URL: <https://raexpert.ru/docbank//109/d31/3e8/5564b5d35605a92af9b47c6.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).

Для развития МСП чрезвычайно важным является отраслевая структура производства региона. Если технология производства продукции требует крупных масштабов производства, больших первоначальных капитальных вложений, то в таких отраслях малые и средние предприятия не могут конкурировать с крупным бизнесом. Поэтому если в структуре экономики региона преобладают, например, добывающая промышленность, металлургия, машиностроение, которые в меньшей степени ориентированы на сектор малого и среднего бизнеса, то отраслевая структура экономики региона не воспринимает расширение МСБ, что в результате приводит к снижению доли малого

и среднего предпринимательства в структуре ВРП данного региона.

Инновационные процессы значимы для любого типа и масштаба производства. Но развитию МСП способствуют те из них, которые создают более благоприятные условия и новые возможности для расширения производства именно малого и среднего бизнеса.

Анализ результатов реализации мер господдержки малого и среднего предпринимательства по регионам РФ свидетельствует об их значимости для развития этого сектора экономики [4; 13].

Для принятия управленческих решений при формировании и использовании

ресурсного потенциала региона необходима оценка ресурсного потенциала во взаимосвязи с развитием предпринимательства с учетом его масштабов (крупного или малого и среднего предпринимательства). Сопоставление отдельных элементов ресурсной обеспеченности областей Уральского федерального округа и показателей развития МСП приведены в табл. 2–4. Сопоставление ресурсного потенциала региона с показателями уровня развития его МСП позволило провести ранжирование приведенных показателей от максимального значения к минимальному. На основании присвоенных рангов были сделаны выводы об относительном уровне ресурсной обеспеченности и уровне развития предпринимательства территорий в рамках округа.

Сопоставление областей УрФО по численности рабочей силы и обороту МСП за период 2013–2015 годов показал, что области, имеющие большую численность рабочей силы относительно других территорий, характеризуются и относительно большими объемами оборота МСП. На основании этого определена прямая и поло-

жительная зависимость между обеспеченностью территории трудовыми ресурсами в абсолютном выражении и уровнем развития МСП.

Сектор и емкость рынка, на которые ориентировано МСП, в значительной степени зависят от покупательной способности населения региона, которая оценивается с помощью показателя среднедушевых доходов населения. Сопоставление среднедушевых доходов населения и оборота МСП на душу населения по областям УрФО свидетельствует, что между этими показателями также наблюдается прямая и положительная зависимость.

Целесообразно выяснить, какое влияние оказывает отраслевая структура производства региона на показатели уровня развития МСП территории. В отраслевой структуре МСП основную долю составляют предприятия торговли, ремонта автотранспортных средств, бытовых изделий, сельского хозяйства, строительства, операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг. По результатам 2015 года было проведено сопоставление долей отраслей преимущественной

Таблица 2

Численность рабочей силы и оборот МСП по регионам УрФО*

Регион	Численность рабочей силы, тыс. чел				Оборот МСП, млрд р.			
	2013	2014	2015	ранг	2013	2014	2015	ранг
УрФО	6544,8	6508,0	6508,7		2727,9	2670,8	2713,6	
Курганская область	441,2	425,7	424,6	4	77,8	80,4	81,9	4
Свердловская область	2309,0	2279,5	2293,1	1	1042,3	1089,1	1183,5	1
Тюменская область (с АО)	1918,1	1942,9	1934,1	2	920,4	893,1	872,8	2
Челябинская область	1876,6	1859,9	1856,9	3	588,2	608,3	575,4	3

* Рассчитано по обороту малых (с микро-) и средних предприятий.

Источник: Росстат: российский статистический ежегодник. 2016; Малое и среднее предпринимательство в России. 2015. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ).

Таблица 3

Среднедушевые доходы населения и оборот МСП на душу населения по регионам УрФО

Регион	Среднедушевые доходы населения в месяц, р./чел				Оборот МСП на душу населения в год, тыс.р./чел			
	2013	2014	2015	ранг	2013	2014	2015	ранг
УрФО	28 994	30 494	32 880		221,6	217,0	220,5	
Курганская область	17 582	18 850	20 581	4	90,2	93,3	95,0	4
Свердловская область	31 013	32 157	34 805	2	240,7	251,5	273,3	1–2
Тюменская область (с АО)	36 399	38 523	41 594	1	254,6	247,0	241,4	
Челябинская область	21 888	23 157	24 578	3	168,0	173,8	164,4	3

Источник: Росстат: российский статистический ежегодник. 2016; Малое и среднее предпринимательство в России. 2015. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ).

Таблица 4

**Доли отраслей преимущественной специализации МСП
в отраслевой структуре производства и отношении оборота МСП к ВРП
по регионам УрФО, 2015 год**

Регион	Отраслевая структура валовой добавленной стоимости по ВЭД*, в % к итогу				Доли отраслей преимущественной специализации МСП (сумма по разделам А, F, G, K), %	ранг	отношение оборота МСП к ВРП	
	разделы ВЭД						%	ранг
	A	F	G	K				
УрФО	2,3	7,1	10,0	8,5	27,9		30,2	
Курганская область	12,1	5,2	11,1	5,9	34,3	3	45,6	3
Свердловская область	2,7	6,2	18,8	11,6	39,3	1	66,5	1
Тюменская область (с АО)	0,9	7,4	6,8	7,5	22,6	4	14,9	4
Челябинская область	6,9	7,2	11,9	9,5	35,5	2	49,2	2

* Разделы по видам экономической деятельности: раздел А – сельское хозяйство; раздел F – строительство; раздел G – торговля; ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий; раздел K – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг.

Источник: Росстат: национальные счета. Структура ВРП по видам экономической деятельности; Малое и среднее предпринимательство в России. 2015. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ).

специализации МСП в отраслевой структуре производства (по всем предприятиям региона) и уровней развития МСП территории УрФО (по показателю отношения оборота МСП к валовому региональному продукту) (табл. 4).

Проведенное сопоставление показало, что территории, в структуре производства которых выше доля отраслей преимущественной специализации МСП, имеют и большую долю МСП в структуре ВРП. Это является следствием того, что отраслевая структура производства региона, с одной стороны, создает условия для функционирования МСП, а с другой – сама формируется, в том числе, в результате развития МСП. Так, Тюменская область занимает 2-е место по объему оборота МСП в абсолютном выражении (см. табл. 2), но 4-е место по относительному показателю отношения оборота МСП к валовому региональному продукту (см. табл. 4). Такая ситуация возникает в силу того, что в Тюменской области (с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами) высока доля отраслей по добыче полезных ископаемых (55,7 % по итогам 2015 года), в которых малые и средние предприятия не могут на равных конкурировать с крупными организациями.

Сформулированное содержание и особенности ресурсного потенциала малого и среднего предпринимательства территории имеет методологическое значение

для исследования возможностей развития малого и среднего бизнеса и принятия управленческих решений в области формирования предпринимательской среды. Проведенное сопоставление уровня развития МСП с отдельными показателями ресурсного потенциала по регионам Уральского федерального округа свидетельствует о значимости выделенных ресурсов для развития МСП анализируемых регионов. Ресурсный потенциал развития предпринимательства является многофакторной категорией. Его оценка по отдельным параметрам, как правило, не позволяет проследить влияние отдельного фактора на развитие предпринимательства. Необходимо интегральная оценка ресурсного потенциала региона для анализа влияния его составляющих на результаты производства.

1. Амирова О. А. К вопросу оценки ресурсной обеспеченности инновационно-инвестиционных процессов региона // Вестник ЮУрГУ. Сер. Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С. 43–49.

2. Амирова О. А. Совершенствование управления ресурсами развития экономики региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2015. 41 с.

3. Артемова О. В., Маскайкина Е. В., Нестеренко И. Ю., Савченко А. Н., Стародубова Н. Н. Малый и средний бизнес как фактор

развития российской экономики : монография. Челябинск, 2014. 156 с.

4. Артемова О. В., Нестеренко И. Ю., Жилина Т. А. Финансовые инструменты региональной политики поддержки малого и среднего предпринимательства // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 86–93.

5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов. М., 2000. 495 с.

6. Дармилова Ж. Д. Опыт экономической оценки ресурсной обеспеченности региона // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 4. Ч. 4. С. 203–205.

7. Калининкова О. И. Управление социально-экономическим потенциалом региона : учеб. пособие. М., 2009. 239 с.

8. Кулиш С. М. Ресурсный потенциал обеспечения инновационного социально ориентированного развития региона // Казанский педагогический журнал. 2015. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-obespecheniya-innovatsionnogo-sotsialno-orientirovannogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 10.12.2017).

9. Куриянов Н. А. Совершенствование оценки регионального экономического потенциала // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2017. Т. 8. № 2. С. 88–96.

10. Ломовцева О. А. Совокупный ресурсный потенциал региона: методология определения и измерения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 1. С. 61–67.

11. Маркина Ю. В. Закрома ресурсов: ресурсный потенциал инновационного развития экономики региона // Креативная экономика. 2011. № 5. С. 76–81.

12. Мокрецова А. И. Теоретико-методический подход к управлению развитием ресурсного потенциала региона // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 3. С. 78–81.

13. Нестеренко И. Ю., Жилина Т. А. Реализация государственных программ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Свердловской области // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 5. С. 57–72.

14. Потапов А. П. Ресурсная обеспеченность аграрного сектора экономики России // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. 2009. С. 6–10.

15. Челноков И. В., Герасимов Б. И., Быковский В. В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона: монография. Тамбов, 2002. 112 с.

16. Якушкина Т. А. Роль оценки ресурсного потенциала в развитии региона // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3. С. 308–312.

References

1. Amirova O.A. (2014) *Vestnik JuUrGU, Serija Jekonomika i menedzhment*, vol. 8, no. 1, pp. 43–49 [in Rus].

2. Amirova O.A. (2015) *Sovershenstvovanie upravlenija resursami razvitija jekonomiki regiona*. Abstract of thesis. Cheljabinsk, 41 p. [in Rus].

3. Artemova O.V., Maskaykina E.V., Nesterenko I.Yu., Savchenko A.N., Starodubova N.N. (2014) *Malyiy i sredniy biznes kak factor razvitiya rossiyskoy ekonomiki*. Chelyabinsk, 156 p. [in Rus].

4. Artemova O.V., Nesterenko I.Yu., Zhilina T.A. (2017) *Socium i vlast'*, no. 3 (65), pp. 86–93 [in Rus].

5. Granberg A.G. (2000) *Osnovy regional'noj jekonomiki*. Moscow, 495 p. [in Rus].

6. Darmilova Zh.D. (2008) *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 6, no. 4, pt. 4, pp. 203–205 [in Rus].

7. Kalinnikova O.I. (2009) *Upravlenie social'no-jekonomicheskim potencialom regiona*. Moscow, 239 p. [in Rus].

8. Kulish S.M. (2015) *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal*, no. 3, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-obespecheniya-innovatsionnogo-sotsialno-orientirovannogo-razvitiya-regiona> (accessed 10.12.2017) [in Rus].

9. Kurijanov N.A. (2017) *JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Voprosy regulirovanija jekonomiki)*, vol. 8, no. 2, pp. 88–96 [in Rus].

10. Lomovceva O.A. (2012) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 61–67 [in Rus].

11. Markina Ju.V. (2011) *Kreativnaja jekonomika*, no. 5, pp. 76–81 [in Rus].

12. Mokrecova A.I. (2013) *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 78–81 [in Rus].

13. Nesterenko I.Yu., Zhilina T.A. (2016) *Regional'najaj ekonomika: teorija i praktika*, no. 5, pp. 57–72 [in Rus].

14. Potapov A.P. (2009) *Izvestija Saratovskogo universiteta*, vol. 9, Serija Jekonomika, Upravlenie, Pravo, iss. 1, pp. 6–10 [in Rus].

15. Chelnokov I.V., Gerasimov B.I., Bykovskij V.V. (2002) Regional'najaj ekonomika: organizacionno-jekonomicheskij mehanizm upravlenija resursami razvitija regiona. Tambov, 112 p. [in Rus].

16. Jakushkina T.A. (2012) *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 308–312 [in Rus].

For citing: Artemova O.V., Logacheva N.M., Nesterenko I.Yu. Resources for developing regional small and medium-sized entrepreneurship // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 48–55.

UDC 332

RESOURCES FOR DEVELOPING REGIONAL SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP

Artemova Olga Vasilyevna,

Ural Social Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Director, Doctor of Economics, Professor. The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, Svobody Street, 155/1. E-mail: rect@ursei.ac.ru

Logacheva Natalya Modestovna,

Ural Social Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Associate Professor of the Department Chair of Economics, Doctor of Economics. The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, Svobody Street, 155/1. E-mail: nmlogacheva@yandex.ru

Nesterenko Irina Yuryevna,

Ural Social Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Deputy Director, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor. The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, Svobody Street, 155/1. E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Annotation

The authors' definition of the content and peculiarities of resource potential of regional small and medium-sized entrepreneurship is given. The authors make comparison between the level of small and medium-sized entrepreneurship development and particular index of resource potential in the Ural Federal District; show the dependence between resource endowment of territories and level of resource endowment.

Key concepts:

resource potential, small and medium-sized entrepreneurship, development of regional entrepreneurship, Ural Federal District.

Для цитирования: Шаврина Ю. О. Управление элементами затрат на производство продукции для повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 56–66.

УДК 631.162

УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМИ ЗАТРАТ НА ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шаврина Юлия Олеговна,
Оренбургский государственный
аграрный университет,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
кандидат экономических наук,
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург,
ул. Челюскинцев, д. 18.
E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Аннотация

В статье представлена взаимосвязь массивов бухгалтерской отчетности, способов финансового оздоровления и показателей финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций. Обосновано, что финансовая устойчивость определяется прибыльностью или рентабельностью производства. В данной связи мерами финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций является повышение доходности за счет снижения затрат на производство. Доказано влияние на финансовую устойчивость сельскохозяйственных организаций показателей рентабельности, величины себестоимости и факторов производства. С этой целью сельскохозяйственные организации Сорочинского района Оренбургской области сгруппированы в три группы, группировочным признаком выступил показатель финансовой устойчивости. Таким образом, анализ организаций внутри групп позволил обосновать необходимость контроля и управления элементами затрат на производство с целью повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций. Также в статье предложена методика расчета амортизации, позволяющая управлять затратами на производство и повышать экономическую эффективность использования основных средств.

Ключевые понятия:
затраты,

финансовая устойчивость,
рентабельность производства,
амортизация,
финансовая отчетность.

Бухгалтерская финансовая отчетность – это основной источник информации о финансовом состоянии хозяйствующего субъекта. Публичными формами отчетности являются бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах. В балансе раскрывается информация о следующих концептуальных элементах бухгалтерской отчетности: активы, капитал и обязательства. А в отчете о финансовых результатах представлены данные о доходах и расходах. Указанные концепции определяют финансовое состояние организации.

Современные ученые-экономисты ключевым показателем в анализе финансового состояния выделяют финансовую устойчивость. На сегодняшний день в экономической литературе нет однозначного определения данной аналитической категории.

Содержание понятия «финансовая устойчивость» было раскрыто в трудах следующих ученых: Г. В. Савицкой, А. Д. Шеремет, Р. С. Сайфуллин, М. В. Мельник, О. В. Ефимова [16; 19; 2].

Финансовая устойчивость предприятия, по мнению Г. В. Савицкой, – это «способность субъекта хозяйствования функционировать и развиваться, сохранять равновесие своих активов и пассивов в изменяющейся внутренней и внешней среде, гарантирующее его постоянную платежеспособность и инвестиционную привлекательность в границах допустимого уровня риска» [16].

А. Д. Шеремет, Р. С. Сайфуллин определяют финансовую устойчивость как «определенное состояние счетов предприятия, гарантирующее его платежеспособность» [19].

О. В. Ефимова, М. В. Мельник определяют финансовую устойчивость, как «финансовое состояние предприятия, при котором оно способно за счет рационального управления материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами создать такое превышение доходов над расходами, при котором достигается стабильный приток денежных средств, позволяющий предприятию обеспечить его текущую и долгосрочную платежеспособность, а также удовлетворить инвестиционные ожидания собственников» [2].

Обобщив их точки зрения, мы заключили, что финансовая устойчивость – это способность предприятия выполнять свою деятельность, обеспечивать баланс между активами и пассивами, чтобы сохранить платежеспособность и оставаться конкурентоспособным.

В. А. Бекренева определяет финансовую устойчивость как постоянно положительное финансовое положение за счет обеспечения

роста собственного капитала, а также прибыли [1].

В рамках данного исследования мы систематизировали взгляды ученых на определение финансовой устойчивости, а также обосновали влияние концепций финансовой отчетности на проявление финансовой устойчивости.

Влияние концептуальных элементов бухгалтерской отчетности на финансовую устойчивость хозяйствующего субъекта представлено в табл. 1.

Согласно определению финансовой устойчивости, по мнению А. Д. Шеремета и Р. С. Сайфуллина, ее проявлением является платежеспособность организации. Платежеспособность – способность организации рассчитываться своевременно по своим обязательствам [19].

Платежеспособность является сложной категорией финансового анализа, определяется набором показателей, которые дают информацию о возможности расчета хозяйствующего субъекта по своим обязательствам на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Влияние массивов бухгалтерского баланса на величину показателей платежеспособности хозяйствующего субъекта представлено в табл. 2.

На платежеспособность влияют как внутренние, так и внешние факторы, непосредственно связанные с производственно-хозяйственной деятельностью организации. К внешним факторам Е. Леванова относит общую экономическую ситуацию (санкции, удорожание заемных средств, отсутствие государственной поддержки сельскохозяй-

ственного производителя) [7]. Внутренние факторы определяются деятельностью предприятия. И. Г. Шашкова выделяет производство неконкурентоспособной продукции, отсутствие каналов сбыта продукции, слабую маркетинговую стратегию, невозможность привлечения инвесторов [18]. Указанные обстоятельства главным образом влияют на финансовые результаты деятельности организации. Поэтому мы согласны с мнением О. В. Ефимова и М. В. Мельник о том, что рентабельность является внутренним проявлением финансовой устойчивости [2].

Таким образом, финансовую устойчивость сельскохозяйственных организаций будут также определять показатели платежеспособности и рентабельности.

По мнению Л. А. Запорожцевой, сельскохозяйственные организации являются заведомо финансово неустойчивыми [3]. Поэтому разработка механизмов, направленных на улучшение показателей платежеспособности и рентабельности на основе учетно-аналитической информации, актуальна. Среди способов увеличения стоимости наиболее ликвидных и быстрореализуемых активов выделяют их оценку по справедливой стоимости.

Данные мероприятия определяются как финансовое оздоровление сельскохозяйственных организаций.

На рисунке представлена взаимосвязь финансовой устойчивости, массивов бухгалтерской отчетности и способов финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций.

На сегодняшний день уделяется большое внимание разработке способов

Таблица 1

Влияние концептуальных элементов бухгалтерской отчетности на финансовую устойчивость хозяйствующего субъекта

Автор	Концепции бухгалтерской отчетности согласно определению финансовой устойчивости	Влияние концепций на финансовую устойчивость	Проявление финансовой устойчивости
Г. В. Савицкая	Активы	Оптимальная структура баланса	Платежеспособность
	Обязательства		
	Капитал		
А. Д. Шеремет, Р. С. Сайфуллин	Активы	Увеличение активов и сокращение обязательств	Рентабельность
	Обязательства		
О. В. Ефимова, М. В. Мельник	Доходы	Превышение доходов над расходами	Рентабельность
	Расходы		
В. А. Бекренева	Капитал	Увеличение капитала и доходов	Рентабельность
	Доходы		
	Расходы		

Таблица 2

**Влияние массивов бухгалтерского баланса
на величину показателей платежеспособности
хозяйствующего субъекта**

Наименование показателя		Массивы бухгалтерского баланса	Влияние массивов бухгалтерского баланса на улучшение показателей платежеспособности
Краткосрочные	Коэффициент абсолютной ликвидности	Наиболее ликвидные активы	Увеличение стоимости наиболее ликвидных активов в балансе определяет маркетинговые стратегии организации
		Кредиторская задолженность, краткосрочные обязательства	Сокращение кредиторской задолженности определяет расчетную дисциплину организации
	Коэффициент текущей ликвидности	Быстро реализуемые активы (дебиторская задолженность)	Увеличение дебиторской задолженности определяет развитие организации, производственные и сбытовые возможности
Долгосрочные	Коэффициент общей ликвидности	Оборотные средства	Увеличение стоимости оборотных средств определяет оборачиваемость мобильных активов
		Краткосрочные и долгосрочные обязательства	Сокращение обязательств определяет возможность осуществления расчетов
	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Собственный капитал	Увеличение стоимости собственного капитала определяет инвестиционную привлекательность

Таблица 3

**Влияние данных отчета о финансовых результатах
на величину показателей рентабельности
хозяйствующего субъекта**

Наименование показателя	Данные отчета о финансовых результатах	Влияние данных отчета о финансовых результатах на улучшение показателей рентабельности
Рентабельность продаж	Прибыль от продаж	Увеличение прибыли от продаж характеризует эффективность работы организации
Рентабельность основной деятельности	Себестоимость продаж	Снижение себестоимости определяет рациональное использование материальных, трудовых и денежных ресурсов
Экономическая рентабельность	Чистая прибыль	Увеличение чистой прибыли определяет эффективность как основной, так и прочей деятельности организации

Взаимосвязь методов финансового оздоровления и финансовой устойчивости организации

повышения доходности сельскохозяйственных организаций за счет снижения затрат. Методики снижения затрат исследованы в работах Е. О. Зуевой, В. Б. Ивашкевича, С. В. Романчина, Т. Т. Шиукашвили [4; 5; 14; 20]. Особое внимание уделяется внедрению элементов управленческого учета в систему учета затрат организации. Однако ряд вопросов остается нерешенным. В условиях рисков банкротства сельскохозяйственных организаций следует акцентировать внимание на механизмах их финансового оздоровления, одним из способов которых может стать снижение себестоимости продукции и управление элементами затрат.

Массовое банкротство сельскохозяйственных организаций является следствием общей экономической ситуации, но и причиной проблем обеспечения продовольственной безопасности.

Нами выполнен анализ динамики сельскохозяйственных организаций различных форм собственности Сорочинского района Оренбургской области.

Данные табл. 4 показывают, что с 2012 по 2016 годы произошло уменьшение уставного капитала сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области. Такое изменение связано с реорганизацией ряда хозяйствующих субъектов, уменьшением собственных источни-

ков формирования имущества в результате введения процедуры банкротства. Формой собственности сельскохозяйственных организаций Сорочинского района главным образом является – общество с ограниченной ответственностью.

Основным видом деятельности сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области является производство продукции растениеводства.

Согласно данным табл. 5, основными видами продукции растениеводства в Сорочинском районе являются озимые зерновые, яровые зерновые и подсолнечник. Наибольшая посевная площадь приходится в 2016 году на подсолнечник, максимальный валовой сбор отмечен в этом же году и составил 129 945 центнеров при урожайности 6,7 ц/га. Наибольшая урожайность озимых зерновых приходится на 2016 год и составляет 25,7 ц/га. Наибольшее значение яровых зерновых наблюдается в 2014 году и составляет 10,4 ц/га, также в этом году отмечается значительный валовой сбор подсолнечника – 70964 ц. В 2013 году при низкой урожайности озимых зерновых – 10,9 ц/га отмечается валовой сбор 197 032 центнеров.

При этом в динамике за пять лет безубыточным является производство озимой пшеницы, а производство яровой пшеницы и подсолнечника отмечено убытками.

Таблица 4

Динамика сельскохозяйственных организаций различных форм собственности Сорочинского района Оренбургской области

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Общество с ограниченной ответственностью, шт.	10	8	9	9	10
Уставный капитал, тыс. р.	167 564	580	500	500	610
Прочие организации	1	–	4	4	4
Всего организаций, шт.	11	8	13	13	14

Таблица 5

Динамика производства основных видов продукции растениеводства в сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Озимые зерновые:					
Посевная площадь, га	5229	18 001	10 550	17 882	15 044
Валовой сбор, ц	65 961	197 032	188 390	249 151	387 052
Урожайность, ц/га	12,6	10,9	18,2	13,9	25,7
Рентабельность производства, %	34	17	23	15	45
Яровые зерновые:					
Посевная площадь, га	4670	4127	6844	9960	8969
Валовой сбор, ц	42 336	30 100	70 964	46 219	67 880
Урожайность, ц/га	9,1	6,3	10,4	4,6	7,6
Рентабельность (+), убыточность (-) производства, %	-5	-7	12	-14	8
Подсолнечник:					
Посевная площадь, га	7254	17 089	17 095	12 745	19 525
Валовой сбор, ц	81 010	106 951	157 432	108 073	129 945
Урожайность, ц/га	11,2	6,3	9,2	8,5	6,7
Рентабельность (+), убыточность (-) производства, %	9	-15	7	-13	-4

В целях финансового оздоровления сельскохозяйственным организациям Сорочинского района можно рекомендовать расширение производства озимой пшеницы.

Анализ основных экономических показателей деятельности сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области представлен в табл. 6.

Согласно данным табл. 6, анализ основных экономических показателей выявил, что за период исследования уменьшилась себестоимость продаж на 125 387 тыс. р. Отношение себестоимости проданной продукции 2016 г. к 2012 г. составляет 76,7 %. Среднегодовая стоимость основных фондов уменьшилась на 22 901,5 тыс. р. Сокращение трудовых ресурсов и значительное уменьшение стоимости основных фондов не повлияло на финансовые результаты деятельности предприятия. В 2012 г. организация работала с получением прибыли от продаж, которая составила 86 587 тыс. р., а в 2016 г. – 132 018 тыс. р. Рентабельность основной деятельности составила в 2014 году 13,9 %, а в 2016 году составила 17,7 %.

Таким образом, сельскохозяйственным организациям Сорочинского района Оренбургской области можно рекомендовать финансовое оздоровление на основе научно разработанных направлений снижения себестоимости продукции.

В табл. 7 представлен состав затрат на производство продукции по элементам.

В табл. 7 представлены элементы затрат на производство озимой пшеницы в сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области. При этом в разрезе элементов затрат произошли следующие изменения. Сокращение произошло по элементам: заработная плата, материальные затраты, отчисления на социальные нужды. При этом в структуре увеличился удельный вес амортизации и прочих затрат.

В целях обоснования влияния изменения как себестоимости продукции в целом, так и амортизации основных средств как элемента затрат на финансовую устойчивость организации была выполнена следующая группировка.

Таблица 6

Основные экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2016 в % к 2012
Себестоимость, тыс. р.	622 792	126 287	518 338	667 395	748 179	76,7
Среднегодовая численность работников, чел.	1077	250	488	528	465	43,2
в т. ч. рабочих	1042	246	472	514	453	43,5
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. р.	630 519	152 709	195 017	286 511	322 297	51,1
Прибыль от продаж, тыс. р.	86587	38 660	49 385	101 426	132 018	152,5
Рентабельность основной деятельности, %	13,9	30,6	9,5	15,2	17,7	-

Таблица 7

Структура затрат на производство озимой пшеницы по элементам в сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области

Наименование показателя	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 к 2012 (+, -)
Материальные затраты	55	53	59	50	51	-4
Затраты на оплату труда	23	18	15	20	20	-3
Отчисления на социальные нужды	8	7	5	9	7	-1
Амортизация	9	15	10	10	12	3
Прочие затраты	5	7	11	11	10	5
Итого по элементам затрат	100	100	100	100	100	-

Нами изучены показатели динамики себестоимости озимой пшеницы и финансовых результатов от ее реализации в 14 сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области.

Сельскохозяйственные организации сгруппированы в три группы. Группировочным признаком выступает показатель финансовой устойчивости. В первую группу вошли организации с коэффициентом финансовой устойчивости менее 0,3. В данной группе 5 хозяйств. За период исследования (3 года) себестоимость увеличилась на 40 п. п., а амортизация в структуре затрат – на 15 п. п., за период исследования наблюдается убыток производства зерна озимой пшеницы. На рост себестоимости повлияло сокращение факторов производства.

Во вторую группу хозяйств вошли организации, имеющие коэффициент финансовой устойчивости от 0,3 включительно до 0,4. В данной группе 5 хозяйств. За период исследования себестоимость увеличилась на 20 п. п., а амортизация в структуре затрат – на 10 п. п. Финансовый результат в 2014 году – прибыль, а в 2016 году – убыток. Факторы производства сократились за период исследования.

В третью группу вошло 5 хозяйств, имеющих коэффициент финансовой устойчивости от 0,4 и выше. За период исследования себестоимость увеличилась незначительно, финансовый результат – прибыль. Факторы производства уменьшились незначительно (табл. 8).

Группировка показала взаимосвязь между финансовой устойчивостью, финансовыми результатами деятельности сельскохозяйственных организаций и затратами на производство. Во всех исследуемых организациях идентифицирован риск банкротства и отсутствие финансовой устойчивости. Учетно-аналитическое обеспечение процесса принятия решения в целях определения и предотвращения финансовой несостоятельности должно способствовать повышению информативности и обеспечивать адекватность расчетных показателей. Мы считаем, что в хозяйствах учетная информация должна быть направлена на снижение затрат на производство в разрезе элементов.

Таким образом, нами предложено внедрение в сельскохозяйственные организации Сорочинского района Оренбургской области элементов управленческого учета основных средств.

В. А. Лубков, А. Михалёв, М. А. Семенов считают, что управленческий учет основных средств базируется на оценке эффективности использования с целью принятия обоснованных решений по снижению затрат на производство продукции [8; 11; 17].

Динамика показателей эффективности использования основных средств в сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области представлена в табл. 9.

Фондоотдача основных средств сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области с 2012 по 2016 гг. уменьшилась на 2,8 р./р., а активной части – на 3,1 р./р. Таким образом, следует говорить о недостаточной эффективности использования основных средств, что требует принятия решений в части управления основными средствами.

Согласно МСФО 16 «Основные средства», амортизация основных средств начисляется с момента принятия объекта в эксплуатацию, а в отечественной практике – с момента принятия к учету. А. Ф. Мялкина, Д. В. Розов, Р. Г. Сабирьянова считают, что срок полезного использования и способ начисления амортизации основного средства должен отражать схему получения дохода от его использования [12; 13; 15]. Таким образом, возможен пересмотр срока полезного использования основных средств в сторону уменьшения и способа начисления амортизации. Данные положения отражаются в амортизационной политике.

Амортизационная политика – это совокупность способов и приемов начисления амортизации. Одной из функций амортизации является обеспечение воспроизводства основных средств. Далее нами выполнен сравнительный анализ ускоренных способов начисления амортизации основных средств.

Ускоренные способы начисления амортизации применяются к активной части основных средств. ПБУ 6/01 «Учет основных средств» выделяет способ уменьшаемого остатка и способ согласно сумме чисел лет срока полезного использования. Применение данных способов позволяет списать на производство в первые годы эксплуатации большую стоимость, чем в последующие. Данное положение является оправданным, если объект основных средств будет приносить наибольшую прибыль в первые годы эксплуатации.

При использовании способа уменьшаемого остатка расчет амортизации производится следующим образом: в первый раз амортизируемой является первоначальная стоимость, а далее – остаточная.

Недостатком данного способа является наличие недоамортизированного остатка. Мы считаем возможным применение к нормам амортизации при использовании способа уменьшаемого остатка повышающих коэффициентов, которые позволят увеличить начисленную амортизацию в первые годы эксплуатации и минимизировать недоамортизированную стоимость.

Таблица 8

Группировка сельскохозяйственных организаций Сорочинского района Оренбургской области в зависимости от значения коэффициента финансовой устойчивости

Показатели	1 группа хозяйств	2 группа хозяйств	3 группа хозяйств
Коэффициент финансовой устойчивости (в среднем на одно хозяйство)	0,3	0,4	0,5
Число хозяйств в группе	5	5	4
Описание факторов производства (стоимость основных средств, рабочая сила)	Стоимость основных средств уменьшилась в три раза, численность рабочих сократилась на 23 человека	Стоимость основных средств уменьшилась в два раза, численность рабочих сократилась на 15 человек	Стоимость основных средств уменьшилась на 25 %, численность рабочих сократилась на 7 человек
Себестоимость 2016 год, в % к 2014 году	140	120	110
Амортизация основных средств в 2016 году, в % к 2014 году	115	110	105
Изменение рентабельности (убыточности) производства озимой пшеницы в 2016 году к 2014 году, %	-8	-5	-3

Таблица 9

Динамика показателей эффективности использования основных средств в сельскохозяйственных организациях Сорочинского района Оренбургской области

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение в 2016 к 2012 (+, -)
Выручка, тыс. р.:						
– в текущих ценах	755 739	163 587	584 307	797 894	908 043	152 304
– в ценах с учетом индекса инфляции	755 739	147 375	482 898	595 443	609 424	-146 315
Среднегодовая балансовая стоимость основных фондов, тыс. р.	161 006	152 709	195 017	286 511	322 297	161 291
в т. ч. активной части фондов	145 650	134 590	163 240	220 870	290 870	145 220
Фондоотдача, р./р.:						
– всех основных фондов	4,7	0,97	2,48	2,08	1,9	-2,8
– активной части основных фондов	5,2	1,09	2,96	2,70	2,1	-3,1

Использование данного способа обеспечивает повышение эффективности использования основных средств в первые годы эксплуатации.

Сравнение начисленной амортизации по методу уменьшаемого остатка с использованием повышающих коэффициентов (в % к амортизируемой стоимости) по группе «Машины и оборудование» в ООО «Бурдыгинское» Сорочинского района представлена в табл. 10.

В зависимости от увеличения повышающего коэффициента сокращается величина недоамортизированной стоимости. Минимальным данное значение становится при использовании повышающего коэффициента 3. Но в этом случае возможно изначально применять метод уменьшаемого остатка без повышающих коэффициентов, а в последствии перейти на использование повышающих коэффициентов. Расчет текущей и накопленной амортизации основных средств, определенной с применением разных повышающих коэффициентов позволит сельскохозяйственным организациям повысить эффективность использования основных средств в первые годы их эксплуатации.

Мы считаем, что возможен пересмотр способа начисления амортизации основных средств, если меняется схема получения дохода от его использования. Одним из вариантов устранения недостатка является применение повышающего коэффициента до определенного момента, после чего применяется линейный метод с нормой амортизации, рас-

считанной исходя из оставшегося срока полезного использования.

Сравнение динамики накопленной амортизации при способе уменьшаемого остатка с использованием повышающих коэффициентов и с учетом перехода на линейный способ по группе «Машины и оборудование» в ООО «Бурдыгинское» Сорочинского района представлена в табл. 11.

В отечественной практике учета осуществлять подобный порядок расчета амортизации можно согласно требованиям налогового кодекса. Расчет амортизации нелинейным методом возможен до месяца, в котором остаточная стоимость основного средства составляет двадцать процентов от первоначальной, далее расчет амортизации происходит линейным способом на основе остаточной стоимости и оставшегося срока полезного использования основного средства. Сравнение способов расчета амортизации основных средств показывает, что применение разработанной нами методики расчета амортизации позволит управлять затратами на производство, повышать экономическую эффективность использования основных средств.

Обоснование применения линейного способа начисления амортизации заключается в том, что от использования объекта основных средств сокращается возможность получения дохода. Поэтому переход на линейный способ должен произойти в тот месяц, когда величина амортизации, рассчитываемая исходя из оставшегося срока полезного использования и остаточной

Таблица 10

Сравнение начисленной амортизации по методу уменьшаемого остатка с использованием повышающих коэффициентов (в % к амортизируемой стоимости) по группе «Машины и оборудование» в ООО «Бурдыгинское» Сорочинского района

Год эксплуатации	КУ = 1,5		КУ = 2		КУ = 3	
	А	НА	А	НА	А	НА
Первый	15	15	20	20	30	30
Второй	12,8	27,8	16	36	21	51
Третий	10,8	38,6	12,8	48,8	14,7	65,7
Четвертый	9,2	47,8	10,2	59	10,3	76,0
Пятый	7,8	55,6	8,2	67,2	7,2	83,2
Шестой	6,7	62,3	6,6	73,8	5	88,2
Седьмой	5,7	67,9	5,2	79,0	3,5	91,8
Восьмой	4,8	72,8	4,2	83,2	2,5	94,2
Девятый	4,1	76,8	3,4	86,6	1,7	96,0
Десятый	23,2	100	13,4	100	4	100

А – начисленная амортизация в текущем периоде;

НА – накопленная амортизация за период использования основных средств.

Таблица 11

Сравнение динамики накопленной амортизации при способе уменьшаемого остатка с использованием повышающих коэффициентов и с учетом перехода на линейный способ по группе «Машины и оборудование» в ООО «Бурдыгинское» Сорочинского района

Год эксплуатации	Размер накопленной амортизации, %					
	КУ = 1,5	КУ = 1,5*	КУ = 2	КУ = 2*	КУ = 3	КУ = 3*
Первый	15	15	20	20	30	30
Второй	27,75	27,75	36	36	51	51
Третий	38,59	38,59	48,8	48,8	65,7	65,7
Четвертый	47,8	47,8	59,04	59,04	75,99	75,99
Пятый	55,63	56,5	67,23	67,23	83,19	83,19
Шестой	62,29	65,2	73,79	73,79	88,24	88,24
Седьмой	67,94	73,9	79,03	80,34	91,76	91,76
Восьмой	72,75	82,6	83,22	86,89	94,24	94,51
Девятый	76,84	91,3	86,58	93,45	95,96	97,25
Десятый	100	100	100	100	100	100

амортизируемой стоимости объекта, превысит сумму амортизации, рассчитываемую по ускоренному методу.

Таким образом, принятие управленческих решений по расчету амортизации будет способствовать обновлению основных средств и даст возможность управлять затратами на производство продукции. Разработка механизмов снижения затрат на производство продукции и повышения эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций может быть определена как методика их финансового

оздоровления с целью снижения рисков банкротства.

1. Бекренева В. А. Финансовая устойчивость организации. Проблемы анализа и диагностика: научное издание. М. : Дашков и Ко, 2013. 340 с.

2. Ефимова О. В., Мельник М. В. Анализ финансовой отчетности. М. : Омега-Л, 2013. 354 с.

3. Запорожцева Л. А. Жизненный цикл предприятия и его взаимосвязь с уровнем

стратегической экономической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. С. 19–25.

4. Зуева Е. О. Влияние снижения себестоимости продукции на повышение эффективности производства // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2017. № 1. С. 142–149.

5. Ивашкевич В. Б. Проблемы теории управленческого учета и контроллинга // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 14. С. 32–46.

6. Кудь А. Н. Теоретические основы анализа затрат по производству и реализации сельскохозяйственной продукции // Теория и практика современной науки. 2015. № 6. С. 46–52.

7. Леванова Е. Факторы и направления обеспечения продовольственной безопасности страны // Международный сельскохозяйственный журнал. 2016. № 3. С. 49–51.

8. Лубков В. А., Волгин С. В. Систематизация подходов к анализу основных средств коммерческой организации // Альманах современной науки и образования. 2015. № 4. С. 126–127.

9. Массарыгина В. Т. Проблемы оценки основных средств в условиях реформирования учета и отчетности // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 6. С. 47–51.

10. Миерманова С. Т. Традиционные методы учета затрат в системе управленческого учета // Проблемы современной экономики. 2013. № 2. С. 132–135.

11. Михалёв А. Повышать технический и технологический уровни сельскохозяйственного производства // АПК: экономика, управление. 2016. № 12. С. 4–10.

12. Мялкина А. Ф., Оводкова Т. А., Трегубова В. М. Принципы учета и формирования информации об основных средствах в финансовой отчетности: международная и российская практика // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 10. С. 72–79.

13. Розов Д. В. Проблемы совершенствования системы оценки основного капитала предприятия применительно к требованиям инновационной экономики // Дайджест – финансы. 2013. № 1. С. 50–56.

14. Романчин С. В. Методологические основы формирования учетно-аналитической системы обеспечения финансовой устойчивости коммерческих организаций в целях прогнозирования банкротства // Экономические и гуманитарные науки. 2011. № 10. С. 20–27.

15. Сабирьянова Р. Г. Источники финансирования основного капитала // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 44. С. 46–51.

16. Савицкая Г. В. Проблемы детерминированного моделирования показателей рентабельности бизнеса // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 4. С. 46–53.

17. Семенов М. А. Информационная модель управления основными средствами агропредприятий // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 8. С. 61–68.

18. Шашкова И. Г. Факторы, определяющие продовольственную безопасность // Никоновские чтения. 2014. № 19. С. 7–21.

19. Шеремет А. Д., Сайфулин Р. С. Методика финансового анализа. М.: ИНФРА-М, 2012. 386 с.

20. Шиукашвили Т. Т., Анализ и оценка затрат на производство и себестоимости продукции // Экономика и социум. 2015. № 3. С. 117–121.

References

1. Bekreneva V.A. (2013) *Finansovaja ustojchivost' organizacii. Problemy analiza i diagnostika: nauchnoe izdanie*. Moscow, Dashkov i Ko, 340 p. [in Rus].

2. Efimova O.V., Mel'nik M.V. (2013) *Analiz finansovoj otchetnosti*. Moscow, Omega-L, 354 p. [in Rus].

3. Zaporozhceva L.A. (2014) *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*, no. 12, pp. 19–25 [in Rus].

4. Zueva E.O. (2017) *Vestnik Angarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, no. 1, pp. 142–149 [in Rus].

5. Ivashkevich V.B. (2016) *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet*, no. 14, pp. 32–46 [in Rus].

6. Kud' A.N. (2015) *Teorija i praktika sovremennoj nauki*, no. 6, pp. 46–52 [in Rus].

7. Levanova E. (2016) *Mezhdunarodnyj sel'skohozjajstvennyj zhurnal*, no. 3, pp. 49–51 [in Rus].

8. Lubkov V.A. (2015) *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, no. 4, pp. 126–127 [in Rus].

9. Massarygina V.T. (2016) *Jekonomičeskij analiz: teorija i praktika*, no. 6, pp. 47–51 [in Rus].

10. Miermanova S.T. (2013) *Problemy sovremennoj jekonomiki*, no. 2, pp. 132–135 [in Rus].

11. Mihaljov A. (2016) *APK: jekonomika, upravlenie*, no. 12, pp. 4–10 [in Rus].

12. Mjalkina A.F. (2014) *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*, no. 10, pp. 72–79 [in Rus].

13. Rozov D.V. (2013) *Dajdzhest – finansy*, no.1, pp. 50–56 [in Rus].

14. Romanchin S.V. (2011) *Jekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, no. 10, pp. 20–27 [in Rus].

15. Sabir'janova R.G (2016) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 44, pp. 46–51 [in Rus].

16. Savickaja G.V. (2012) *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, no. 4, pp. 46–53 [in Rus].

17. Semenov M.A. (2016) *Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii*, no. 8, pp. 61–68 [in Rus].

18. Shashkova I.G. (2014) *Nikonovskie chtenija*, no. 19, pp. 7–21 [in Rus].

19. Sheremet A.D., Sajfulin R.S. (2012) *Metodika finansovogo analiza*. Moscow, INFRA-M, 386 p. [in Rus].

20. Shiukashvili T.T. (2015) *Jekonomika i socium*, no. 3, pp. 117–121 [in Rus].

For citing: Shavrina Yu.O.

Managing elements of production costs for improving financial stability of agricultural organizations // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 56–66.

UDC 631.162

MANAGING ELEMENTS OF PRODUCTION COSTS FOR IMPROVING FINANCIAL STABILITY OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

Shavrina Yulia Olegovna,

Orenburg State Agricultural University, Associate Professor of the Department Chair of Accounting and Audit, Cand. Sc. (Economics).
The Russian Federation, 460014, Orenburg, Chelyuskintsev Street, 18.
E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Annotation

The article presents the correlation between the amount of accounting reports, ways of financial recovery and financial soundness indicators of agricultural organizations.

The author justifies that financial soundness is determined by earning power and profitability of production. From this perspective measures for financial recovery of agricultural organizations come down to increasing profitability by means of decreasing production costs. The influence of profitability ratio, cost value and production factors on financial soundness has been proved. For that purpose agricultural organizations of Sorochinsky district of Orenburg region are grouped into three groups according to financial soundness indicator. As the result, analysis of the organizations within the groups makes it possible to justify the necessity of controlling and managing elements of production costs with the aim of increasing financial soundness of agricultural organizations. The article also contains suggested by the author methods of calculating amortization allowing to manage production costs and increase economic effectiveness of using basic assets.

Key concepts:

costs,
financial soundness,
profitability of production,
amortization,
financial reports.

Для цитирования: Зверева П. К. Концепт «правовой закон» как сущностно оспариваемый концепт? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 67–75.

УДК 1

КОНЦЕПТ «ПРАВОВОЙ ЗАКОН» КАК СУЩНОСТНО ОСПАРИВАЕМЫЙ КОНЦЕПТ?

Зверева Полина Константиновна,
Тюменский индустриальный университет,
аспирант кафедры гуманитарных наук
и технологий.
Российская Федерация, 625000, г. Тюмень,
ул. Володарского д. 38.
E-mail: polyusha@inbox.ru

Аннотация

Предлагается к обсуждению авторское видение концепта *правовой закон* в качестве одной из составляющих для концепта *право*. Впервые даётся обоснование отнесения концепта *правовой закон* к группе концептов: кластерных, сущностно оспариваемых, обладающих внутренней сложностью.

С точки зрения обыденного языка основной отличительной чертой концепта *правовой закон* является соответствие Конституции демократического и правового государства. По результатам исследования перечисляются и классифицируются отличительные признаки концепта *правовой закон*, позволяющие утверждать полезность его выделения из более крупного концепта *право* и отнесения к *сущностно оспариваемым концептам*. Мы используем концептуальный метод в философии права, чтобы сфокусировать внимание исследователей на анализе определённой группы кластерных концептов и способах их интерпретации представителями различных правовых теорий. Выделение ядра и периферии поля концепта *правовой закон* позволяет частично устранить неточности языка в законодательстве и судебной практике. Концепт *правовой закон* иллюстрируется применительно к законодательным актам, нормам законодательства в судебных решениях и кратко затрагиваются вопросы влияния истории, политики и идеологии на концепт *правовой закон*. В статье излагаются примеры установления несоответствия законов Конституции, что в нашем понимании является установлением критериев для концепта *правовой закон*. Исследование выполнено в соответствии с современной парадигмой когнитивных наук, философии права и сознания. Результаты исследования в силу их новизны предлагается вынести для широкого научного обсуждения, после чего возможно их использование для подготовки практических рекомендаций по экспертизе нормативных актов на предмет соответствия принимаемых законов Конституции.

Ключевые понятия:

право,
«правовой закон»,
концепт,
«сущностно оспариваемый концепт»,
критерии У. Б. Галли,
«верховенство права»,
идеал.

Введение

Понятие *концепт* исследовано многими учеными, вместе с тем его изучение является одним из самых актуальных и находится в фокусе когнитивных наук. Полисемия слова *концепт* оправдывает «любое» его употребление, что затем влечёт значительную путаницу. Концепт – содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую¹. В философии права проблема концепта *право* предоставляет нам возможность вести исследования на другом уровне. Мы приведём некоторые научные взгляды на проблемы «сверхкрупного» концепта *право*, после чего предложим авторский взгляд на концепт *правовой закон*. Концепт *правовой закон* также будет сложным концептом (подобно концептам *демократия*, *справедливость*, *правовое государство*, *верховенство права* и т. д.). В соответствии с Теорией Сущностной Оспариваемости, в исследовании мы выдвигаем гипотезу о признании концепта *правовой закон* сущностно оспариваемым концептом. Тема исследования неизбежно затрагивает вопросы о том, является ли «право» общим концептом и может ли общая теория права основываться на той или иной форме концептуального анализа [5, с. 214]. Мы воспользуемся одним из видов концептуального анализа, который предполагает выявление концептуального ядра термина *правовой закон* при сравнении различных контекстов его употребления. Актуальность настоящего исследования следует из содержания документов международных организаций, таких как ООН, Совет Европы, законодательных актов России, в части соответствия признакам *правового государства*. В отличие от интереса, уже проявленного к концепту *право* и *верховенству права*, исследуемый и предлагаемый нами концепт *правовой закон* находится в «тени» более известных концептов. В исследовании мы провели разграничения концепта *правовой закон* с другими смежными, или более крупными концептами, поскольку «термин “право” может относиться к множеству концептов, даже когда он ограничен его юридическим смыслом» [12, р. 90].

Основная часть

Отдельную проблему представляют языковые, культурологические, исторические, юридические особенности в европейских

¹ http://www.nsc.ru/win/elbib/data/show_page.shtml?77+1441 (дата обращения 02.04.2018)

языках. Например, французский термин «*Etat de droit*» (вероятно, являющийся переводом термина «*Rechtsstaat*», известного германской и многим другим правовым традициям) часто используется как аналог англоязычного термина «*Rule of Law*», но не всегда соответствует его содержанию. Гораздо более адекватным понятием здесь является «*preeminence du droit*» [4, с. 306]. Как мы полагаем, множественность возможных и существующих определений (дефиниций) концептов *право*, *закон*, *правовой закон* не должна вызывать беспокойства по следующим причинам. К примеру, определение терминов «предложение» и «текст» насчитывает десятки определений от самых простых до самых утонченных. Указанное обстоятельство не затрудняет для нас ежедневное пользование языком. Следовательно, множественность дефиниций исследуемых нами концептов также не должно вызывать сложностей с их пониманием. Основное разграничение в исследовании проводится между концептом *правовой закон* в русском и английском языках. Эволюция концепта *правовой закон* связана не только с развитием правовой культуры общества, но и развитием других наук (социальных, гуманитарных и др.), а также смежных концептов (*право*, *закон*, *справедливость* и т. д.). Речь идет не только о словарных определениях, но и социальных, правовых, культурных практиках, через которые только и возможно надлежащее толкование концепта *правовой закон* на разных социальных уровнях. Для Галли, «адекватное понимание [этих сущностно оспариваемых концептов] требует некоторой оценки их истории – того, как они стали использоваться в том виде, в каком они есть...» [6, р. 37]. Проблема репрезентации *правового закона* имеет другой достаточно амбициозный аспект – выявление (признаков, характеристик, качеств, функций) элементов (компонентов, структур) уровня ментального языка, поскольку это «отличный способ познания ментального мира индивидуума, группы, научного сообщества или культуры – выяснить, как они организуют свой мир концептами» [11, р. 609]. Итак, репрезентация концепта *правовой закон* является не только репрезентацией конкретного концепта на текстовом или дискурсивном уровне, но прежде всего на «ментальном уровне», который предположительно располагает своими единицами и своим подобием синтаксиса.

Новейшее время содержит многочисленные примеры, когда право или правовая система страны включает в себя против-

ные основам человеческой морали законы и правовые нормы, отрицающие их моральное и ценностное содержание. Концепт *правовой закон* имеет, безусловно, ценностное измерение. Более того, можно предположить, что ценностная составляющая концепта *правовой закон* будет оставаться главной характеристикой и в будущем. Между тем, в одном синхроническом срезе концепт *правовой закон* имеет совершенно разные отношения с другими ценностями поскольку происходит периодическая перегруппировка таких ценностей.

На наш взгляд, краеугольным камнем для понимания *правового закона* является более известный концепт *верховенство права*. Как указывалось выше, законы, противные основам морали и нравственности, не являются правовыми, поскольку принцип верховенства права при принятии таких законов не работает. В настоящее время отсутствуют статистические данные, какое число действующих законов (правовых норм) являются «правовыми». Установленные законодательством судебные процедуры признания законов неправовыми (несоответствующими Конституции) являются длительными и скорее всего «малоэффективными». К примеру, для США за более чем двухсотлетний период общее число признанных Верховным судом США неконституционных законов на 2012 год составляет 165 актов. Для России, чья Конституция насчитывает меньше четверти века, вопросы определения критериев *правового закона* также являются исключительно важными. С одной стороны, за такой короткий отрезок времени невозможно сформировать теорию и практику *правового закона*. С другой стороны, у России имеются возможности применения лучших мировых образцов для разрешения проблемы *неправовых законов*, что и реализуется посредством конституционного судопроизводства. Использование в исследовании термина *правовой закон* требует определения места концепта в современной научной парадигме. В исследовании мы используем термин «концепт» в рамках ведущей философской *Теории ментальной репрезентации* (Дж. Фодор и др.). В силу изложенного, мы предлагаем использовать накопленный опыт философии права для формирования признаков *правовых законов*. Теоретическая значимость исследования заключается в предложении нового взгляда на проблему концепта *правовой закон*. Изучение концепта *правовой закон* с точки зрения теории сущностной оспариваемости позволит

по-новому взглянуть на вопросы усвоения этого концепта и на вопросы построения иерархии сверхкрупного концепта *право*. Практическая значимость исследования связывается нами с внесением в юриспруденцию концепта *правовой закон* для использования в работе законодательных и судебных органов. Кроме того, внедрение и поддержание концепта *правового закона* за пределами профессионального юридического сообщества на уровне общечеловеческом является полезным, поскольку «общение между людьми чрезвычайно облегчается, если люди могут рассчитывать на общий набор разделяемых ими концептов» [11, р. 609].

Для исследуемой нами проблемы статистика *неправовых законов*, как и случаи *преступных законов*, не являются подходящими критериями. Официально преступными законами признаются законы (как в случае с законами нацистской Германии) в соответствии с решениями международных трибуналов или Постановлениями Конституционного суда. В действительности, доля *неправовых законов* в общем числе законов любого из государств нам представляется значительной. Поэтому перед судьями соответствующих конституционных судов стоит практическая задача установить признаки концепта *правового закона*, которые отличают его от *неправового закона*. Вместе с тем, количество судей Конституционного суда по отношению к общему числу законов в государстве заведомо делает практически нерешаемой задачу устранения *неправовых законов*. Междисциплинарная научная разработка критериев *правового закона* сможет способствовать разрешению этой проблемы еще на стадии законотворчества путем применения выработанных критериев и присвоения «новому» *закону* статуса «правовой».

Итак, можно утверждать, что концепт *правовой закон* имеет признаки «смещения» (*блендинга*) концептуальных пространств. Полагаем, что посредством смещения (*блендинга*) концептов *право* и *закон* организуется новый феномен концепт *правовой закон*. Новый феномен несводим ни к «праву», ни к «закону». Более того, в концепте *правовой закон* смешиваются периферийные пространства концептов *правовое государство* и *верховенство права*. Приведём мнение парламентариев Соединённого королевства о концепте *верховенства закона*¹: «The

rule of law remains a complex and in some respects uncertain concept» («верховенство права остаётся сложным и в некотором отношении неопределённым концептом») и далее – «a third meaning of the rule of law held by some is that it encompasses substantive rights, thought to be fundamental, which can be “used to evaluate the quality of the laws produced by the legislature and the courts”» («третий смысл охватывает материальные права, которые считаются фундаментальными, которые могут “использоваться для оценки качества законов, созданных законодательной властью и судами”»). Парламентари Великобритании вкладывают в концепт *верховенство права*, то значение, которым мы предлагаем наделить концепт *правовой закон*. Зачем проверять качество законов, созданных законодательной властью и судами, на соответствие *верховенству права*, вместо более очевидного соответствия *правовому закону*?

Концептуальный подход требует выбора той или иной теории концептов либо создания собственной (авторской). Наша позиция следующая: 1) очевидно, что концепт *правовой закон* не может изучаться в группе концептов, имеющих телесное воплощение (например, как *молоток*, непосредственно связанный с ментальными репрезентациями о руке, молотке, гвозде, доске или стене и т. п.), или концепт *молоко* с нашим субъективным опытом его потребления, желания, отвращения и т. п.; 2) концепт *правовой закон* относится к группе изучаемых, а не врождённых концептов.

Возможный довод о том, что нет смысла в производстве *неправовых законов*, мы не принимаем. Во-первых, вся история человеческих законов наполнена такими примерами; во-вторых *неправовые законы* – это одно из средств доминирования одних социальных групп над другими (известные примеры – отменённые законы в США о сегрегации по расовому признаку). В свою очередь концепт *правового закона* становится сущностно оспариваемым концептом. В исследовании нами будут учтены только некоторые (главные) из критериев Галли (W.B. Gallie) для сущностно оспариваемых концептов.

Изучение концепта *правовой закон* пересекается со смежными концептами такими как «право», «закон», «верховенство права», «правовое государство», «демократия», «справедливость», «разделение властей»

¹ House of Lords Constitution Committee, Relations between the executive, the judiciary and Parliament, Sixth Report of the 2006-07 Session, para 24 Back.

Available at URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/151.pdf> (accessed: 06.03.18)

и другие. Одни из этих концептов изучены в большей степени, другие в меньшей степени. Ценностное содержание указанных концептов признаются неотъемлемой их частью. Ценности в свою очередь формируются, поддерживаются и прививаются социальными практиками, к которым принадлежат оба концепта *право* и *закон*. Убеждение и вера индивида и общества в полезность и ценность *правового закона* также составляют важнейшую сторону изучаемого концепта. Поскольку убежденность судей в необходимости и ценности *правового закона* предопределяет появление Постановления Конституционного суда о признании закона (правовой нормы в законе) несоответствующим Конституции. Драматическое разделение правовых позиций судей Верховного суда США при судебном разбирательстве неконституционности тех или иных правовых норм свидетельствует об убежденности судей в различном ценностном содержании одних и тех же правовых норм. Такая индивидуальная убежденность в судей в конституционности/неконституционности правовых норм может также носить градуальный характер. Когда Верховный суд США впервые определил своё право признавать законы нарушающими Конституцию США, Томас Джефферсон не был убежден, что судьи имеют на это право. Томас Джефферсон опасался, что власть в государстве может быть сосредоточена в руках группы лиц – олигархов (судей) – из-за права давать окончательное толкование действиям исполнительной власти. Спустя два столетия судья Верховного суда США Антони Скалия написал: «Это поразительно. Это утверждение о превосходстве судов над народными представителями в конгрессе и в исполнительной власти <...> предусматривает, что Верховный суд стоит (вернее, сидит на троне) над государством и обладает полномочиями решать все конституционные вопросы, будучи всегда и везде «первостепенным» в этом качестве» [7]. Всего с 2009 по 2016 год Верховным судом США (с голосованием 5 против 4 судей) было рассмотрено 63 дела¹. Статистика по голосованию в Верховном суде США и эмоциональные высказывания судьи Верховного суда США Антони Скалия подтверждают доводы о том, что *правовые нормы* даже для самых авторитетных специалистов права является вопросом ценностей (моральных, социальных, культурных и т. д.).

¹ The U.S. Supreme Court Database. Available at URL: <http://supremecourtdatabase.org/analysis-CaseListing.php?sid=1501-TWOFOLD-6748>. (accessed: 06.03.18).

Мы считаем возможным выделять концепт *правовой закон* из концепта *право* и утверждаем, что он по-прежнему остаётся сложным, поскольку «утверждение, что концепты являются когнитивными элементами, не предполагает, что они являются примитивными элементами в смысле существования, не изучаются и не строятся из других концептов» [11, р. 609]. Отсутствие определения концепта *правовой закон* не является препятствием для его изучения, поскольку «большинство концептов не имеют определений» [8]. Джерри Фодор (Jerry Fodor) полагает, что «мы не знаем, что такое концепты или что это такое. Почти все, что текущая когнитивная наука говорит по поводу любого вопроса, является ошибочным. Но, по крайней мере, ясно, что концепты не являются структурами типичности и что наличие таких структур не позволяет сортировать вещи» [8].

Концепт «правовой закон» в российской и европейской традиции

Из российской литературы отметим ряд работ, которые рассматривают проблемы правового закона. В статье Б. И. Зеленко говорится о том, что Конституционный суд РФ «в своих постановлениях не употребляет понятий «правовой» или «неправовой закон». В силу специфики конституционного судопроизводства критерием при решении вопроса о дисквалификации закона или отсутствии для этого оснований служит Конституция РФ. В резолютивной части решения должен содержаться вывод о конституционности или неконституционности закона» [1]. В. А. Четвернин указывает, что «не следует путать форму права и правовое явление <...> форма правовой нормы – это закон, а не правовой закон. Наоборот, один из видов правовых явлений – правовые законы, а не просто законы. Правовой закон – это содержательная характеристика закона, но это не форма права. Нечто правовое не может быть формой права. В данном случае форма права – это закон, т. е. закон как таковой, официальный акт. Причём сам по себе официальный акт может иметь и неправовое содержание, может быть формой выражения властного произвола» [3, с. 164].

Немногочисленные исследования на русском языке правовых концептов, с одной стороны, подтверждают актуальность нашего исследования, с другой стороны – свидетельствуют о значительной терминологической путанице. Вместе с тем,

обнадёживающим является утверждение А. Дж. Раппопорт о том, что «можно идентифицировать как минимум две формы анализа. Можно *описать*, что такое концепты, или можно *предписать*, как следует понимать концепт права. В правильном контексте любой подход может быть уместным» [12, р. 79].

Об опасности формального подхода к определению таких концептов, как *верховенство права*, говорится в следующем отрывке: «Комиссия предостерегла от чисто формального подхода к понятию верховенства права, требующего лишь, чтобы действия чиновника были разрешены законом. “Правление силой закона”, или “Правление с помощью закона”, или даже “Правосудие по закону” – все это является искажением понятия верховенства права»¹. В исследовании Венецианской Комиссии за 2009 год резюмируется: «Все внутригосударственные нормативные акты, в первую очередь законы, должны соответствовать Конституции. Неспособность или нежелание законодательной или исполнительной власти выполнять это обязательство должно повлечь ответственность, а точнее должен быть контроль над их актами, которые должны лишаться юридической силы в случае неконституционности» [2, с. 7].

Для нашего исследования вполне очевидным противоречивым положением европейских и международных экспертных организаций является «упование» на Конституцию. История учит, что страны с самыми лучшими Конституциями не защищены от действия преступных законов.

Первым примером признания закона неконституционным является дело *Marbury v. Madison* – судебный прецедент, распространивший компетенцию Верховного суда США на судебный надзор решений других ветвей власти. Верховный суд США впервые признал парламентский закон несоответствующим Конституции, создав прецедент для других решений «Статья 13 Закона о судостроительстве 1789 года, принятого Конгрессом в 1789 году, которая давала Суду полномочия на вынесение таких судебных предписаний, является *неконституционной* и значит не имеющей законной силы»².

¹ Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). CDL-AD(2016)007-rus. Available at URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD\(2016\)007-rus&lang=RU](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD(2016)007-rus&lang=RU). (accessed: 06.03.18)

² *Marbury v. Madison*, 5 U.S. 1 Cranch 137 137 (1803). Available at URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/case.html>. (accessed 06.03.18)

Тем самым было ограничено право Конгресса принимать законы, противоречащие Конституции, и роль судебной системы заключается в толковании того, что разрешает Конституция.

Посмотрим, как решает проблему неправовых законов Великобритания – одна из старейших демократий Европы. Как известно, в стране отсутствует кодифицированная Конституция и Конституционный суд. Специальная комиссия Парламента Великобритании сделала следующие выводы³: «47. Should the UK move towards a codified constitution, one way of addressing the question of what powers the courts should have if they held a piece of legislation to be unconstitutional would be to introduce the concept of a ‘*declaration of unconstitutionality*’. This could work in the same way as the declaration of *incompatibility* used under section 4 of the Human Rights Act 1998 for situations in which UK legislation is held to be incompatible with the European Convention on Human Rights» («47. Если Соединённое Королевство перейдёт к кодифицированной конституции, одним из способов решения вопроса о том, какие полномочия должны иметь суды, если они будут придерживаться законодательного акта, является введение концепта “*декларации о неконституционности*”. Это может работать так же, как декларация о несовместимости, используемая в соответствии с разделом 4 Закона 1998 года о правах человека, в ситуациях, когда законодательство Великобритании считается *несовместимым* с Европейской конвенцией о правах человека»).

Отметим, что терминологические употребления в тексте Парламента Великобритании. Используется термин *incompatible* («*несовместимый*») для неправовых законов и далее, планируется использовать новый термин – концепт «*декларация о неконституционности*». Для стран англо-саксонской правовой системы по-прежнему значительную сложность представляет законотворческая активность судебной системы, в том смысле, что судьи сами создают правовые нормы, что влечёт их ретроспективный характер.

В настоящее время концепт *правовой закон* может рассматриваться одновременно как: 1) идеал правовой нормы (набора правовых норм в законе или кодексе); 2) часть научных доктрин «правового государства», «*верховенства права*»; 3) подразумеваемая

³ Political and Constitutional Reform – Fourteenth Report Constitutional role of the judiciary if there were a codified constitution. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmselect/cmpolcon/802/80202.htm>. (accessed: 06.03.18)

или имплицитная часть Конституции правового и демократического государства.

Концепт «правовой закон» – сущностно оспариваемый концепт

В 1956 году Галли ввёл понятие *сущностно оспариваемых концептов*. По мнению Галли, это «концепты, надлежащее употребление которых неизбежно связано с бесконечными спорами об их надлежащем употреблении со стороны их пользователей» [9]. Галли не сформулировал формального определения *сущностно оспариваемых концептов*, лишь выделил семь условий *сущностного оспаривания* [14].

Предложение ввести в науку правовой концепт как сущностно оспариваемый не является новым. Новым является предлагаемый нами концепт *правовой закон*, который мы предлагаем отнести к сущностно оспариваемым концептам. Вибрен ван дер Бург полагает, что в практической деятельности можно адекватно «...анализировать концепт без ссылки на основные идеалы. Это только делает проблемы излишне сложными, если мы, тем не менее, назовём его сущностно оспариваемым – даже если теоретически можно показать, что это так. Это особенно верно для многих правовых концептов, которые были разработаны в статутах и прецедентном праве, что приводит к относительно полной и согласованной правовой доктрине, которая общепринята» [14].

В русском языке *правовой закон* является фразой и сложным суждением. Рассмотрим с точки зрения Модели Строительных Блоков (*building-block model*) [10] фразу *правовой закон*. Исходя из пропозициональных установок, фраза «правовой закон» может включаться в следующее контекстуальное окружение, быть частью более сложного предложения, как, например: «*X закон является правовым L*», или «*X закон соответствует Конституции N*», или «*Имеется Постановление Р Конституционного Суда С, о том, что X закон соответствует Конституции N*», или «*В государстве S принимаются и действуют законы X-s исключительно правовые L-s*».

В концепте *правовой закон* присутствуют компоненты концептов *право* и *закон*, тем самым «невозможно ухватить или принять целую пропозицию без наличия или понимания его составляющих концептов» [10]. Когда прилагательное и существительное концептов объединены, как в случае с концептом *правовой закон*, иногда «возникают взаимодействия, которые не могут быть

предсказаны “основными эффектами” самих концептов» [11].

Обсуждение

В исследовании мы использовали метод концептуального анализа, о применимости которого также развёрнута дискуссия. К примеру, А. Дж. Раппапорт невысоко оценивает значение концептуального анализа для правовой науки: «Ни одна из форм концептуального анализа, не может служить основным методом юриспруденции <...> одной областью, которой концептуальный анализ, кажется, даёт надежду, относится к области когнитивной науки. Там учёные исследовали, как индивидуумы классифицируют, а именно концептуализируют обычные явления» [12].

Вибрен ван дер Бург подчёркивает другие сложности: «Существует большая путаница и несогласие с тем, как следует определять или идентифицировать понятие сущностно оспариваемых концептов. Часто, особенно в юридической науке, этот термин используется слишком свободно, как означающий нечто большее, чем концепт» [14, р. 2].

Эренберг (Kenneth M. Ehrenberg) выступает противником причисления концепта *права* к сущностно оспариваемым концептам потому, что «мы не должны ошибаться, думая, что наш концепт права может быть проанализирован независимо от практик, которые его создают» [4]. При этом Эренберг считает, что, «даже если право соответствует некоторым основным критериям сущностного оспаривания, применение этого наименования не помогает разъяснить наиболее общий концепт права и, следовательно, не должно использоваться, тогда как эти критерии являются более полезными для соответствующего концепта *верховенства права* [4].

Рассмотрим определение термина «кластерный концепт» для разрешения вопроса о его применимости к концепту *право* и концепту *правовой закон*. Вибрен ван де Бург приводит раннее определение кластерного концепта У. Коноли (William E. Connolly): «Кластерные концепты – это те, к которым применяется широкий и варьируемый диапазон критериев, и которые сами по себе также являются относительно сложными и открытыми; эти критерии также часто представляют собой кластерные концепты» [14]. Отметим интерпретацию оригинальной идеи Галли, высказанную Дж. Уолдрон (Jeremy Waldron): «Большая часть этого материала использует “сущностно

оспариваемый», означающий нечто вроде «очень горячо оспариваемого, без видимого разрешения». Но в статье Галли «сущностно» является не просто усилителем. Один из способов принять идею Галли заключается в том, чтобы сказать, что термин «сущностно» относится к расположению несогласия или неопределенности: это оспаривание ядра, а не только периферии или полутени концепта» [13, р. 11]. Дж. Уолдрон полагает, что, «сущностная оспариваемость» является способом, которым некоторые идеалы нам представлены» [13, р. 12].

Несмотря на то что концепт *правовой закон* можно характеризовать как «идеал-ориентированный», это не должно помешать судьям предъявлять нормативные требования по форме и содержанию к конкретному правовому акту. Компонент кластерного концепта *правовой закон* с его содержанием идеала является одновременно источником критики и обновления.

Заключение

Россия является активным участником международного правового, экономического, политического, культурного и т. д. сотрудничества. Основой современной идеологии в мире являются концепты *верховенство права, правового государства, разделения властей* и др. Современная философия и юридическая наука располагают набором инструментов для конструирования, толкования, усвоения, закрепления и воспроизводства этих концептов. Своеобразие философско-правовой мысли в России имеет очевидные историко-политические причины. Вместе с тем, ведущие исследователи современных направлений философии права предпринимают многочисленные попытки смены научной парадигмы. Предлагаемый нами подход по описанию и объяснению сущностно оспариваемого концепта *правовой закон* касается одного из концептов кластерного концепта *право*. Предлагаемый нами подход сводится к пониманию концепта *правовой закон* как кластерного концепта, содержащего оценочные компоненты и являющегося внутренне сложным. Практическое применение концепта *правовой закон* связано со значительным объемом *неправовых законов*. Разумные и авторитетные судьи конституционных судов не смогут справиться с подобным объемом дел, даже если исключить влияние интересов доминирующих социальных групп. Исследование концепта *правовой закон* позволяет вывести относительно немногочисленные

случаи официального признания (подтвержденного решением Конституционного/Верховного суда) на уровень научной доктрины, не ограничиваясь анализом «ошибок» законодателей. Конституционный суд это удобная площадка для выяснения всех противоречий *неправового закона*, для установления надежных критериев, выставления шкалы ценностей, которая присутствует на данном историческом этапе общества, государства, науки. Выработка надежных критериев для отнесения законов к *неправовым* явилась бы серьезным достижением современных гуманитарных наук. Конечной целью полагаем построение новой всеобъемлющей правовой теории, включающей *принципы, идеалы и концепты*.

Право как регулятор общественных отношений стремится к универсальности, совершенству и единообразию в его применении и понимании. Именно выработка критериев и наделение закона качеством «*правовой*» позволит не только на уровне Конституционного суда определять закон таковым, а уже на уровне законодательской инициативы исключать возможность принятия «*неправового*» закона в государстве.

1. Зеленко Б. И. О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопросы философии. 2013. № 6. Ноябрь. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=834 (дата обращения: 06.03.18).

2. Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию Европейская Комиссия за демократию через право (венецианская комиссия). Исследование № 538/2009. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cldad\(2010\)039rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cldad(2010)039rev-rus) (дата обращения: 06.03.2018).

3. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие. М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.

4. Шарандин Ю. А., Кравченко Д. В. Верховенство права // Правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, Юстициформ, 2013. С. 271–302.

5. Bix В.Н. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy // On Philosophy in American Law / ed. J. Francis. Mootz III. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. Pp. 99–105.

6. Ehrenberg K.M. Law Is Not (Best Considered) an Essentially Contested Concept (April 1, 2011) // *International Journal of Law in Context*. 2011. Vol. 7. No. 2. Pp. 209–232. URL: <https://ssrn.com/abstract=1876654> (accessed: 06.03.18).

7. Fisher D. Scalia Urges Judicial Restraint Toward DOMA – Unlike His Cry In Obamacare. *Personal Finance*. JUN 27, 2013. URL: <https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2013/06/27/scalia-urges-judicial-restraint-in-doma-dissent-unlike-his-cry-for-intervention-in-obamacare/#6a81208467f6> (accessed: 06.03.18).

8. Fodor J. Is it a bird? URL: <http://www.mit.edu/~6.863/spring2011/readings/fodor-on-concepts.pdf> (accessed: 06.03.18).

9. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol. 56, Issue 1. Pp. 167–198. URL: <https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167> (accessed: 06.03.18).

10. Glock H.J. Propositional attitudes, intentional contents and other representationalist myths // *Mind, Language and Action* / A. Coliva, D. Moya-Sharrock, V. Munz. New York : De Gruyter, 2015. Pp. 523–548. Available at URL: <http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/107267/>. (accessed: 06.03.18).

11. Goldstone R., Kersten A., Carvalho P. Concepts and Categorization // *Handbook of Psychology*. 2nd ed. 2012. Pp. 607–630.

12. Rappaport A.J. On the Conceptual Confusions of Jurisprudence (November 1, 2014). 7 *Wash. U. Jur. Rev.* 77 (2014); UC Hastings Research Paper No. 65. URL: <https://ssrn.com/abstract=2317570> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317570> (accessed: 06.03.18).

13. Waldron J. "Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)?" // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, no. 2. Pp. 137–164. URL: www.jstor.org/stable/3505128 (accessed: 06.03.18).

14. Burg, Wibren van der. Law as a Second-Order Essentially Contested Concept (May 23, 2016). *Jurisprudence, Forthcoming*; Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies No. 16-001. URL: <https://ssrn.com/abstract=2783292> (accessed: 06.03.18).

References

1. Zelenko B.I. (2013) O pravovoy demokrati v RF, vlasti i sotsiume [About Legal Democracy in the Russian Federation, Authorities and Society], Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=834. (accessed 06.03.18) [In Rus].

2. Issledovanie o pryamom dostupe k konstitutsionnomu pravosudiyu Evropeyskaya Komissiya za demokratiyu cherez pravo (venetsianskaya komissiya) [Study on individual access to constitutional justice. Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17–18 December 2010)] Issledovanie no. 538/2009. Available at: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad\(2010\)039rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2010)039rev-rus) (accessed 06.03.18) [In Rus].

3. Chetvernin V.A. (2003) Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva. Uchebnoe posobie [Introduction to the Course of the General Theory of Law and the State. Manual]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 204 p. [In Rus].

4. Sharandin Yu.A., Kravchenko D.V. (2013) Verkhovenstvo prava, Pravovoe gosudarstvo i drugie mezhdunarodnye pravovye doktriny: lingvisticheskie aspekty konvergentsii i razgranicheniya [The Rule of Law, the State of Law and Other International Legal Doctrines: the Linguistic Aspects of Convergence and Delineation]. Moscow, LUM, Yustitsinform, pp. 271–302 [In Rus].

5. Bix B.H. (2009) On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. On Philosophy in American Law, ed. Francis J. Mootz III. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 99–105 [In Eng].

6. Ehrenberg K.M. (2011) *International Journal of Law in Context*, vol. 7, no. 2, pp. 209–232, available at: <https://ssrn.com/abstract=1876654> (accessed 06.03.18) [In Eng].

7. Fisher D. (2013) Scalia Urges Judicial Restraint Toward DOMA – Unlike His Cry In Obamacare. *Personal Finance*. JUN 27, available at: <https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2013/06/27/scalia-urges-judicial-restraint-in-doma-dissent-unlike-his-cry-for-intervention-in-obamacare/#6a81208467f6> (accessed 06.03.18) [In Eng].

8. Fodor J. Is it a bird? Available at: <http://www.mit.edu/~6.863/spring2011/readings/fodor-on-concepts.pdf>. (accessed 06.03.18) [In Eng].

9. Gallie W.B. (1956) Essentially Contested Concepts, *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 56, iss. 1, pp. 167–198, available at: <https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167>. (accessed 06.03.18) [In Eng].

10. Glock H.J. (2015) Propositional attitudes, intentional contents and other representationalist myths // *Language and Action*. New York, De Gruyter, pp. 523–548, available at: <http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/107267/>. (accessed 06.03.18) [In Eng].

11. Goldstone R., Kersten A., Carvalho P. (2012) Concepts and Categorization // *Handbook*

of Psychology, Second Edition, pp. 607–630 [In Eng].

12. Rappaport A.J. (2014) On the Conceptual Confusions of Jurisprudence (November 1, 2014). 7 Wash. U. Jur. Rev. 77. UC Hastings Research Paper no. 65, available at: <https://ssrn.com/abstract=2317570> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317570> (accessed 06.03.18) [In Eng].

13. Waldron J. (2002) "Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)?" Law and Philosophy, vol. 21, no. 2, pp. 137–164. Available at: www.jstor.org/stable/3505128 (accessed 06.03.18) [In Eng].

14. Burg, Wibren van der (2016). Law as a Second-Order Essentially Contested Concept (May 23, 2016). Jurisprudence, Forthcoming, Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies no. 16-001, available at: <https://ssrn.com/abstract=2783292> (accessed 06.03.18) [In Eng].

For citing: Zvereva P.K.

Concept "legislative law" as an essentially disputed concept? // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 67–75.

UDC 1

CONCEPT "LEGISLATIVE LAW" AS AN ESSENTIALLY DISPUTED CONCEPT?

Zvereva Polina Konstaninovna,

Tyumen Industrial University,
Post-graduate student of the Department Chair of the Humanities and technologies.
The Russian Federation, 625000,
Tyumen, Volodarskogo Street, 38.
E-mail: polyusha@inbox.ru

Annotation

The author suggests discussing her own vision of the concept "legislative law" as one of the components for the concept "law". The author forms the rationale for treating the concept "legislative law" as the concept belonging to the group of concepts: cluster, essentially disputed, having inner complexity. From the viewpoint of everyday language the main distinguishing feature of the concept "legislative law" is being in accordance with the Constitution of a democratic and law-bound state. Basing on the research findings the author enumerates and classifies distinguishing features of the concept "legislative law" which makes it possible to state that it is useful to treat it out of the bigger concept "law" and classifying it as an essentially disputed concept. We use the conceptual method in the philosophy of law to focus researchers' attention on analyzing the certain group of cluster concepts and ways of their interpretation by followers of different law theories. Setting apart the core and the periphery of the concept "legislative law" makes it possible to partly eliminate linguistic inaccuracy in laws and judicial practice. The concept "legislative law" is illustrated with regard to regulatory acts, statutory regulations in court holdings and the aspects of how history, politics and ideology influence the concept "legislative law" are touched upon. The article gives examples of laws which are not in conformity with the Constitution which from our perspective is determination of criteria for the concept "legislative law". The research is done in accordance with the modern paradigm of cognitive science, philosophy of law and perception. The results of the research due to their novelty are suggested to be proposed for scientific consideration after which it will be possible to use them for practical guidelines on expert study of regulations and standards whether the adopted laws are in accordance with the Constitution.

Key concepts:

law,
"legislative law",
concept,
"essentially disputed concept",
U.B. Galli's criteria,
"supremacy of law",
Ideal.

Для цитирования: Нижников С. А.
Вера и знание:
проблемы онтологии и гносеологии
в историко-философском контексте //
Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 76–82.

УДК 1

ВЕРА И ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ В ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Нижников Сергей Анатольевич,
Российский университет дружбы народов,
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук.
Российская Федерация, 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Аннотация

Раскрывается актуальность веры и описывается ее понятие. Рассматриваются четыре логических варианта соотношения веры и знания в историко-философском контексте: (1) отрицание веры, (2) поглощение ее знанием, (3) вера, включающая в себя знание (как метафизика веры) и (4) отрицание знания. Именно третий вариант определяется как логичный и обоснованный. Определяется зависимость гносеологического аспекта соотношения веры и знания от онтологии. Подвергается критике пантеистическая метафизика и обосновывается трансцендентизм как основание для метафизики веры.

Ключевые понятия:

вера,
знание,
метафизика веры,
фидеизм,
пантеизм,
трансцендентизм.

1. Актуальность и понятие веры

Вопрос о вере является чрезвычайно актуальным в современную сциентистскую, постмодернистскую и глобалистскую эпоху, когда нивелируются все ценности, определяемые как «традиционные». Без веры невозможна сама культура, писал П. Флоренский, невозможно сознание человека, невозможны смысл и мораль, невозможна сама человеческая жизнь.

Вера является универсальным феноменом как с точки зрения культурологической, так и относительно присутствия в сознании человека: она есть в каждой культуре и в каждом сознании. Поэтому Федор Достоевский, Мирча Элиаде и Эрих Фромм доказывали, что все люди верующие и различаются они лишь «предметом» своего верования. Вера необходима с точки зрения мировоззренческой и гносеологической: человеческого знания всегда будет недостаточно, чтобы объяснить все, поэтому его восполняет вера. Без нее мировоззрение не может быть завершенным или будет заполняться всевозможными суевериями, на которые так падают современный «просвещенный» человек. В этом смысле, как подчеркивают указанные мыслители, атеизм невозможен, ибо то, во что человек верит, выступает для него в качестве абсолюта, который может называться как Богом, так и материей (она выполняет те же функции, что и Бог в религии – все порождает и определяет). Обожествляться может как вождь, так и определенный общественный строй (коммунизм ранее, «либеральная демократия», в которой на практике может не быть ни реальной свободы личности, ни народовластия – сейчас), как деньги, так и собственные эгоистические желания. Каждый выбирает себе своего «бога» и поклоняется ему. Вера в трансцендентное начало уничтожает все виды идолопоклонства, так как ничто конечное недостойно поклонения, именно она лежит в основе всех мировых религий и соответствующей философии. В отличие от суеверий, вера носит умозрительный характер, она не «анти-», а сверхнаучна (может включать в себя науку, а не отрицает ее), утверждает свободу, а значит и ответственность человека, т. е. носит моральный характер. Суеверия всегда натуралистичны (будь то черная кошка или знак зодиака, якобы предопределяющий судьбу), антинаучны (несовместимы с научными фактами), уничтожают свободу человека (ставя его в зависимость от внешних сил) и, соответственно, ведут к аморализму (мораль

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

может быть вменяема только свободному существу).

Феномен веры в трансцендентное начало необходимо осмыслить как духовный акт, который может быть и должен быть подвергнут философской рефлексии. Причем философия здесь не должна надстраиваться над изначальным религиозным опытом, превращаясь в служанку богословия (строая религиозную философию), но и не подменять феномен веры разумом (создавая философию религии). Вера есть особого рода «ученое незнание» (Николай Кузанский), гносис или ведение, умозрительно взыскующее смысл жизни и являющееся одним из непосредственно-первичных и устойчивых методов духовного познания.

В совершенно различных культурах мы можем обнаружить фактически тождественные высказывания о вере и ее необходимости. Например, в Лунь Юй у Конфуция читаем: «Чтобы у человека да не было веры – не знаю, как возможно такое. Если у большой повозки нет скрепы оглобель или у малой повозки нет хомута с кольцом, то как тогда на них поедешь?» [5] В индийском эпосе в Бхагавадгите: «Сообразно сущности каждого бывает его вера, Бхарат. Человек образуется верой, он таков, какова его вера» [3, с. 147]. В христианстве апостол Павел определяет веру как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (ап. Павел. Послание к Евреям 11:1–3). И. В. Киреевский заявляет: «человек – это его вера» [4, с. 194]. Веру определяют как «опыт свободы» (Г. Флоровский, С. Булгаков), как трансценденцию (В. Несмелов, Д. Бонхёффер), как путь к вечности: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Иоанн. 6, 47).

У преп. Антония Великого Египетского содержание феномена веры раскрывается прежде всего через понятие *вечности*, а духовное рождается из соотносительности человека с ней: «Все наше – ничто пред жизнью вечною... и вся эта земля очень мала пред целым небом...». У Ф. М. Достоевского вера в бессмертие души рассматривается как необходимое условия морали, если же после смерти вырастет только «лопух на могиле» (образ Тургеневского Базарова), то мораль не спасти, как хорошо показал И. Кант в своих этических работах, вернувшись к тому, что отрицал в первой критике. Таким образом, рождается представление о *бессмертии*, которое отождествляется в христианстве с другим понятием – *Царства Небесного*. Указанные понятия часто понимаются в духе просветительского натурализма: вначале их воспринимают как реальную чувствен-

ную данность, а затем ниспровергают как не имеющую эмпирического подтверждения. Такой подход не имеет в себе ничего философского, свидетельствует о поверхностном и вульгарном восприятии духовных истин. Последние имеют умозрительный характер, о чем свидетельствует следующее евангельское изречение: «Царствие небесное внутри вас есть» (Лук. 17,21). Вера как метод «сверхразумного», умозрительного познания не может порождать натуралистические образы, хотя и говорит на их языке. Этот язык сугубо символичен и требует соответствующей дешифровки, которую способна осуществить лишь *духовная философия* или *метафизика веры* [8, с. 3–6].

Духовно-нравственный характер веры возникает в «осевую эпоху», когда происходит прорыв в сферу трансцендентного – рождается представление о сверхсущем благом начале. Для К. Ясперса вера есть «осознание бытия из его истоков»; «подлинная вера есть акт экзистенции, осознающий трансценденцию в ее действительности»; «Верой называется сознание экзистенции в соотношении с трансценденцией» [14, с. 433]. Тем не менее, речь должна идти не о философской вере как вере философствующих субъектов, а о философии веры как онтологической науке о духовных основаниях смысла бытия. Осмысляя и переживая веру, философия возвращается к своему древнему назначению и определению – врачевательнице души и любви к мудрости, преодолевает сциентистские соблазны и вновь обретает свою метафизическую сущность. Хотя в широком смысле слова вера пронизывает все сознание человека, все стороны его деятельности и бытия, все общественные отношения. Вера не только феномен сугубо религиозный, присутствует она и в науке – ученый, выдвигая гипотезу, верит в нее. В межличностных отношениях: другом мы называем того человека, в которого верим, которому доверяем.

Знание – это истина, которая существует объективно, оно не всегда требует личного участия. Вера – субъектна и безусловна для личности. Она, будучи в своей основе непостижимой, наделяет смыслом все то, что можно доказать. Истинная вера – это живой духовный процесс человеческого самотворчества. Вера дарует бессмертие, ибо направляет внимание, мышление и созерцание человека на высшие, вечные предметы. Если ум мыслит вечное, то сам приобретает данное качество (Платон, Аристотель). Вера содержит в себе осознание и ощущение вечной жизни в аспекте временности.

Вера есть духовный огонь, возжигающий по мере самопознания и развертывания сущности человека. Она есть нечто, заложенное в человеке изначально и, выражаясь философским языком, обладает онтологическим, априорным характером. В той или иной степени она присутствует в каждом человеке, но раскрывается в нем по мере развития его личностного духовного познания. При этом не важно, считает ли себя человек атеистом или приверженцем какой-либо религии. Того и другого объединяет вера: у первого – в мораль, у второго – в истинность заповедей. Основанием любой морали (светской и религиозной) является вера. Мораль может основываться только на абсолютных принципах, аксиомах, которые трудно доказуемы. Фридрих Якоби отмечал, что «человек имеет чувство для сверхчувственного», что «Вера есть твердая уверенность в том, чего мы *не видим*. Мы не видим абсолютное, мы верим в него. Обусловленное и относительное мы видим, и называем это видение *знанием*. Здесь – царство науки»; «вера лежит в основе добродетели» [13, с. 558].

И. В. Киреевский вообще рассматривает веру как состояние целостности: «Вера <...> не составляет особого понятия в уме или сердце, не вмещается в одной какой-либо познавательной способности, не относится к одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушению совести, но обнимает всю цельность человека и является только в минуты этой цельности и соразмерно ее полноте. Потому главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум, и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозаданной неделимости» [4, с. 192–193]. Г. Флоровский указывает, что «Вера не есть преходящее, мимолетное состояние человеческой души, а постоянный определенный *tonos* ее – *целостность*, или *целомудрие духа*» [13, с. 84].

2. Онтология и гносеология: логические варианты соотношения веры и знания

Относительно соотношения веры и знания существует много недоразумений, причем с разных сторон. Хотя принципиально

этот вопрос решен в качественной философской и богословской литературе.

Широту веры и ее первенство перед знанием развивал в своих произведениях уже Аврелий Августин: «Что я разумею, тому и верю, но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что я разумею, то я и знаю, но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю...» (Об учителе, XI). Уже Климент Александрийский впервые выдвигает идею, составляющую фундамент всей последующей метафизической мысли — гармонии веры и знания: «Нет знания без веры, нет и веры без знания» (Стром. V 177). Особенно глубоко и разносторонне осмысление соотношения веры и знания представлено в отечественной философии. Гносеологически В. В. Несмелов определял веру как «непосредственное интуитивное познание трансцендентной реальности» [7, с. 4]. В. В. Соколов пишет, что «между сферой интеллектуального, от которой отправляется дедукция, и сферой чувственного, представляющей исходное начало индукции, часто выступает *интуиция*, объединяющая эти сферы. Она и концентрирует определяющее, фундаментальное качество философского знания, которое автор называет «*верознанием*» [10, с. 4].

Соотношение веры и знания можно представить в четырех логических вариантах, вытекающих из определенных типов философского мировоззрения, метафизики (см. рисунок).

В первом случае знание отрицает веру, которая отождествляется им с суевериями. Сюда можем отнести все виды натурализма – позитивизм, материализм и т. д., а также рационализм, опирающийся на сенсуализм, который признает только то, что способен постичь и отрицает то, что ему неизвестно, тем более непостижимо для него. Это рассудок, не осознающий свою ограниченность и вынужденный отрицать все духовное, так как оно идеально и не воспринимается органами чувств.

Во втором случае знание поглощает веру, тем самым уничтожая ее специфику. Особенно показательна в этом отношении позиция Гегеля. У него все постижимо, даже Бог, а значит, в вере как таковой просто нет необходимости. Вера может присутствовать только там, куда еще не проник, не дошел свет разума. Несмотря на то что немецкий философ критикует рассудочную философию, формулируя спекулятивный метод, он не ушел от нее далеко в непонимании специфики веры. Это связано с его

Соотношения веры и знания

динамическим пантеизмом, который не признает ничего трансцендентного. Бог, Абсолют есть этот мир, просто взятый в его целостности.

В четвертом случае вера, отрицающая знание, сама вырождается в суеверие.

В третьем варианте вера включает в себя знание, поглощая его, но не нивелируя. Она не отрицает разум, но расширяет его горизонты. Только разум, трансцендирующий свои собственные границы, осознающий свою ограниченность, может открыться вере и обрести ее. «Вера – это убежденность в сердце, это знание» [1, с. 203], – пишет Абу Хамид ал-Газали. А для Максима Исповедника «вера есть недоказуемое знание». По Булгакову, «вера не ограничивает разума, который и сам должен знать свои границы» [2].

Шеллинг разработал более изощренный вариант – пантеизм в виде панентеизма, когда не Бог в мире (как в натуралистическом пантеизме Спинозы, например), а мир в Боге (мистический пантеизм, идущий еще от Николая Кузанского и Мейстера Экхарта). Однако общая пантеистическая установка здесь сохраняется, прорыв в сферу трансцендентного отсутствует. Это хорошо понял и раскритиковал Ф. Якоби. Он показал, что рационализм, стремясь построить целостную мировоззренческую систему, не-

избежно ведет к пантеизму. Так, критикуя неизбежный при пантеистической метафизике рационализм и детерминизм, Якоби пишет: «Принцип причинности не выводит за пределы природы, то есть – *совокупности конечного*. Чтобы выйти за пределы природы, надо выйти за пределы причинности: она не допускает, чтобы действие *само себя начинало*. Это для рассудка непостижимо» [13, с. 557]. Гегель в своей логической онтологии подменил метафизику вечности диалектическим временным процессом, создав систему детерминизма и имперсонализма.

Исторически первым тщательно разработанным пантеизмом был неоплатонизм, с которым христианство боролось и интеллектуально, и духовно, который победило в первые века нашей эры. Благодаря этой победе состоялась современная цивилизация. Иначе бы древний мир не закончился, а варварство продолжалось. Сейчас мы утрачиваем плоды этой победы и сдаемся на милость врагу – отсюда и мировые войны, глобальные проблемы, духовно-нравственная деградация человека. Это связано с тем, что в рамках пантеизма невозможно обосновать теодицею, утвердить мораль: зло рассматривается как необходимый компонент мироздания, а не как нечто непотребное, чего не должно быть.

Пантеизм с точки зрения Шеллинга, например, является единственной рациональной картиной мира, а затем может происходить дальнейшая мировоззренческая натурализация – в материализм. Этот путь проходила новоевропейская философия. На уровне человеческой жизни это приоритет материальных ценностей. Чтобы выйти из порочного круга рационализма, необходим вначале духовный прорыв, который может осуществиться только благодаря вере. С позиций рационализма нельзя говорить о трансцендентном вообще, ведь оно – продукт веры, а не логики. Логика не может осуществлять «вертикальную мобильность», она может только вращаться по кругу. Вывести логику на иной уровень может лишь духовно-мировоззренческий прорыв, но тогда действует уже другая логика, из других оснований исходящая. Ап. Павел замечательно сказал о мудрости мира сего и о вере, которая есть безумие для рассудка.

На деле в пантеизме и всех его разновидностях нет трансцендентного, как нет его и в неоплатонизме. Есть понятие сверхсущего как периферии сущего, но не трансцендентного как его мыслят мировые религии и соответствующая им философия. Но только из понятия трансцендентного возможно в том числе логическое обоснование человеческой свободы, добра, ценности человеческой личности. Иначе она растворяется в природе, а в сфере этики происходит потеря четкого разделения добра и зла, что ведет к уничтожению морали – так уже происходило в неоплатонизме и гностицизме. Так, А. Ф. Лосев в этой связи пишет: «Именно неоплатонизм пришел к полному узаконению всего, что творится на свете, к полной законности зла... Это – сама крайняя ступень понимания божества как отражения материальных сил природы и общества» [6, с. 210–211].

Пантеизм и трансцендентизм мировоззренчески противоположны, поэтому соединить их можно, только подчинив одно другому. А попытка соединения приводит к эклектике. Хотя и на Западе были принципиальные критики пантеизма, к наиболее ярким представителям которого можно отнести Ф. Якоби. Вот что он пишет по этому поводу, вторя Блезу Паскалю: «...нас интересует лишь *живой Бог*, как высшее существо, творящее мир из *мысли и свободы*. Слепо действующая природа – не Бог. <...> “Я исповедую христианство...” Кто обожествляет природу – отрицает Бога» [13, с. 556].

Если несостоятельность неоплатонизма изобличили отцы церкви и христиан-

ские мыслители, то Ф. Якоби борется с уже новоевропейским пантеизмом, реанимирующим ходы мысли его античного предшественника. Классическим пантеистом считается Бенедикт (Барух) Спиноза, поэтому против него направлено острие критики Якоби. Он видел, как спинозизм набирает силу в немецкой философии, влияя на Гегеля и Шеллинга, Лессинга и Шлейермахера: «Спиноза смешал природу с Богом. Его мир вечно неизменен. Бессмысленный мир, в котором все вещи, как и человек, в сущности, *мимолетное ничто*. “Безусловное”, неопределенное “целое” и Бог – совершенно не одно и то же. Неисчерпаемая плодотворность природы и творение мира Богом – совершенно разные вещи. Спинозизм, как и “логический эманатизм”, будь то языческий или иудейский, – атеизм. <...> Обожествление природы – бессмыслица. Исходя из природы, Бога нельзя найти. Или Он – первое, или его вообще нет. <...> И нет ничего более нелепого, чем выдавать обожествление природы за истинное христианство» [13, с. 557–558]. Что касается зла, то оно не природно, потому что все сотворенное есть благо, а зло – результат воли, будь то на космическом или человеческом уровне. В христианстве и других духовных традициях зло персонафицировано и абсолютно реально, оно – не потенция, а то, что ведет мир и человека к катастрофе и гибели. Пантеистические рассуждения смазывают остроту проблемы, убавкивают совесть человека.

В отечественной мысли философия всеединства заимствует пантеистическую (Вл. Соловьев) и панантеистическую установки (С. Франк сам определял себя как последователя философии всеединства и панантеиста). «Христианский платонизм», разрабатываемый в так называемой «русской религиозной философии», и даже отчасти философами-священниками – П. Флоренским и С. Булгаковым, несет в себе панантеистические черты. Метафизика определяет гносеологию, поэтому пантеистическая гносеология неизбежно приводит к поглощению веры знанием, по сути, уничтожает веру в ее сущности и самобытности, но не так откровенно, как это происходит в натурализме. Все формы пантеизма обычно рядятся в рясы христианства, все философы здесь почему-то стремятся присягнуть христианству, отрицая его основополагающие метафизические принципы.

О. Н. Тынянова в этой связи перефразировала известное высказывание: «Сон разума порождает чудовищ». Оказалось,

в XX веке человечество столкнулось с тем, что «не менее страшных чудовищ может породить и бодрствование разума – как научного, так и политического (т. е. управляющего, принимающего решения)» [11, с. 15]. История показала, что тоталитарные общественные системы несовместимы с верой мировых религий: там, где вера деградирует или подавляется, возникают псевдорелигии в виде тоталитарных чело-веконенавистнических идеологий.

Заключение отметим словами А. В. Се-мушкина: «Теперь экзистенциальная задача состоит в том, чтобы восстановить утрачен-ную веру отцов вселенской “философской церкви”, возвратиться к изначальной смы-сложизненной озабоченности человека сам-им собой». В этом случае «вера оказыва-ется внутренним опытом метафизического чувствования», переживания «самовопро-шания о своей природе, сущности и назна-чении». Это опыт «живого духовного само-испытания», «пытливого самопереживания». Вера больше, чем философия, больше, чем религия, которые так или иначе пытаются изъяснить ее. У Хайдеггера вера заключает-ся в «специфической экзистенциальной воз-можности», предшествующей как теологии, так и философии. Вскрытие действительно онтологического, а значит, и универсально-го уровня веры создаст основание для ду-ховного единства человечества, на основе которого только и можно решить глобаль-ные проблемы современности, «соборно объединить распавшееся человечество» [9, с. 304].

1. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере («Ихйа улум ад-Дин»). Избран-ные главы / пер. В. В. Наумкина. М. : Наука, 1980.

2. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М. : Республика, 1994.

3. Бхагавадгита. Ашхабад : Ылым, 1951.

4. Киреевский И. В. Отрывки // И. В. Ки-реевский, П. В. Киреевский. Пол. собр. соч. : в 4 т. Т. 1. Калуга : Гриф, 2006.

5. Конфуций. Беседы и суждения. II, 22 пер. А. Е. Лукьянова). URL: <http://lunyu.ru/2/22> (дата обращения: 24.03.2018).

6. Лосев А. Ф. История античной эстети-ки. Поздний эллинизм. Т. 6. М. : АСТ, 2000.

7. Несмелов В. И. Вера и знание с точ-ки зрения гносеологии. Казань : Вернисаж, 1992.

8. Сёмушкин А. В. Метафизика веры как проблема познания (предисловие) //

С. А. Нижников. Метафизика веры в рус-ской философии : монография. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2011. С. 3–6.

9. Сёмушкин А. В. Философская вера эк-зистенциализма и ее притязания на универ-сальное мировоззрение // Избр. соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во РУДН, 2009. С. 285–304.

10. Соколов В. В. Философия как история философии. М. : Академ. Проект, 2010.

11. Тынянова О. Н. «...Пред лицом сего будущего века». Познание и его субъект: над стихией... внутри стихии... против стихии?.. // Пространство и Время. 2017. № 1(27). С. 10–16.

12. Флоровский Г. В. Человеческая муд-рость и премудрость Божия // Из прошлого русской мысли. М. : Аграф, 1998. С. 74–86.

13. Якоби Ф. [Последнее слово к совре-менникам] // С. А. Чернов, И. В. Шевченко. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 553–559.

14. Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. С. 420–308.

References

1. Abu Hamid al-Gazali (1980). *Voskreshenie nauk o vere («Ihja ulum ad-Din»)*. Izbrannye glavy Moscow, Nauka [in Rus].

2. Bulgakov S.N. (1994) *Svet nevechernij*. Moscow, Respublika [in Rus].

3. Bhagavadgita. Ashhabad, Ylym, 1951 [in Rus].

4. Kireevskij I.V. (2006) *Otryvki* // I.V. Kireevskij, P.V. Kireevskij. *Polnoe sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. Kaluga, Grif* [in Rus].

5. Konfucij. *Besedy i suzhenija*. II, 22, available at: <http://lunyu.ru/2/22> (accessed 24.03.2018) [in Rus].

6. Losev A. F. (2000) *Istorija antichnoj jestetiki. Pozdnij jellinizm (T. 6.)*. Moscow, AST [in Rus].

7. Nesmelov V.I. (1992) *Vera i znanie s tochki zrenija gnoseologii*. Kazan', Vernisazh [in Rus].

8. Sjomushkin A.V. (2011) *Metafizika very kak problema poznaniya (predislovie)* // S.A. Nizhnikov. *Metafizika very v russkoj filosofii*. 2-e izd. Moscow, INFRA-M, pp. 3–6 [in Rus].

9. Sjomushkin A.V. (2009) *Filosofskaja vera jekzistencializma i ee pritjazanija na universal'noe mirovozzrenie* // *Izbrannye sochinenija: v 2 t. T. 2. Moscow, Izd-vo RUDN*, pp. 285–304 [in Rus].

10. Sokolov V.V. (2010) *Filosofija kak istorija filosofii*. Moscow, Akademicheskij Proekt [in Rus].

11. Tynyanova O.N. (2017) *Space and Time*, no. 1 (27), pp. 10–16 [in Rus].

12. Florovskij G.V. (1998) Chelovecheskaja mudrost' i premudrost' Bozhija // Iz proshlogo ruskoj mysli. Moscow, Agraf, pp. 74–86 [in Rus].

13. Jakobi F. (2010) [Poslednee slovo k sovremennikam] // S.A. Chernov, I.V. Shevchenko Fridrih Jakobi: vera, chuvstvo, razum. Moscow, Progress-Tradicija, pp. 553–559 [in Rus].

14. Jaspers K. (1994) Filosofskaja vera // Smysl i naznachenie istorii. Moscow, Respublika, pp. 420–308 [in Rus].

For citing: Nizhnikov S.A.

Belief and knowledge; problems of anthology and gnosiology in historical and philosophic context // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 76–82.

UDC 1

BELIEF AND KNOWLEDGE; PROBLEMS OF ONTOLOGY AND GNOSIOLOGY IN HISTORICAL AND PHILOSOPHIC CONTEXT

Nizhnikov Sergey Anatolyevich,

Peoples' Friendship University of Russia,
Professor of the Department Chair
of History of Philosophy, Doctor of Philosophy.
The Russian Federation, 117198,
Moscow, Miklukho-Maklaya Street, 6.
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Annotation

The author clears up the topicality of belief and describes the notion. Four logical variants of correlation between belief and knowledge in historical and philosophic context are considered: (1) negation of belief, (2) taking it over by knowledge, (3) belief including knowledge (as metaphysics of belief) and (4) negation of knowledge. The third variant is defined as logical and reasonable. The author defines the dependence of gnosiological aspect of correlation between belief and knowledge on ontology. Pantheistic metaphysics is criticized and transcendentalism is justified as a basis for metaphysics of belief.

Key concepts:

belief,
knowledge,
metaphysics of belief,
fideism,
pantheism,
transcendentalism

Для цитирования: Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83–88.

УДК 130.2

МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ГОНКИ (ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ- АНТИУТОПИИ «МЫ»)¹

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр-т Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является специфика мышления современного человека. Утверждается, что калькулирующая мысль неразрывно связана с двумя видами знания – знанием поверхности и устройства сущего. Мышление, озабоченное сущим, теряет нечто жизненно важное – способность перемещаться между метанарративами и вещами. Утрата этой способности может иметь разрушительные последствия для бытия человека. Автор иллюстрирует свои тезисы цитатами из романа-антиутопии Е. И. Замятина «Мы».

Ключевые понятия:
образование,
инновация,
экзистенция,
хранение,
философствование,
философская практика.

В современной российской системе образования происходят значительные изменения формы и содержания учебного процесса. В частности, образовательные реформы касаются соотношения технических и гуманитарных дисциплин. Общеизвестно, что число часов, отведенных на преподавание «наук о культуре», неумолимо сокращается. Дело заключается отнюдь не только в уменьшении числа часов. Корни проблемы переплетены с вопросом о месте гуманитарных наук и философии в жизни учащегося. Научам о культуре и философии становится тесно на отведенных ей участках образовательной среды. Между тем, вопрос о месте принципиально важен. Это вовсе не праздный вопрос, а вопрос сохранения чего-то очень важного и личного в жизни каждого человека. Возможно, это личное и важное сегодня не приметно. Возможно, оно заброшено и «валяется» [11, с. 92]. В любом случае, это нечто важное, во-первых, нуждается в проговаривании, в выведении из забвения, а во-вторых, в обсуждении. Оно – нечто важное – еще может и должно стать поводом к разговору [16, с. 119–124].

Ориентиром предполагаемого ответа на вопрос о сохранении важного, но задвинутого, послужат заметки из дневника персонажа антиутопии Е. И. Замятина: «Знакомо ли вам это странное состояние? Ночью вы проснулись, раскрыли глаза в черноту и вдруг чувствуете – заблудились, и скорее, скорее начинаете ощупывать кругом, искать что-нибудь знакомое и твердое – стену, лампочку, стул» [5]. Обозначенная цель может показаться неоправданно претенциозной: место философии искали виднейшие мыслители с древности до наших дней. Общеизвестно, что поиски «ареала обитания» философии были неразрывно связаны с вопросом «что такое философия?». Определения «чтойности» философии очерчивали то, без чего философия не может быть философией. Нет нужды в споре с авторитетными и обоснованными мнениями известных мыслителей, указавшими на место философии и на ее отношения с «соседями»: религией, искусством и наукой. На эту тему уже написано и сказано многое, и, по-видимому, ничего принципиально нового сказать не получится.

В сравнении с вопросом «что такое философия?» вопрос о месте философии в жизни современного человека частный. Так поставленный вопрос сам требует прояснений: в чем особость «современного человека»? На каком основании «современному человеку» дан приоритет? Удовлетворительный набросок ответа был сделан в памятной

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

речи М. Хайдеггера: *Сегодняшний* [курсив наш – А. Д.] человек спасается бегством от мышления» [13, с. 103]. Основания, позволившие немецкому философу обособить современного человека и вынести обозначенный вердикт, сводились к мировоззренческому перевороту в Новое время. В эпоху научной и производственной революций человек был «пересажен» в другую действительность. Вместе с тем М. Хайдеггер понимал, что нельзя взять и обвинить историю в том, что она принесла человека в жертву прогрессу. На самой «жертве» стоит печать вины: человек превратил природу в объект. Объективируя мир, «жертва», в конечном счете, объективировала и самую себя. Человек попытался (и продолжает попытки) расчленив себя на столько частей, сколько требовалось для успешного самопознания. И мир, и человек были открыты для «атак вычисляющей мысли» [13, с. 107].

Рано или поздно любая состоявшаяся революция сеет и дожидается всходов. Современный человек пожинает плоды прошлого и применяет, в общем, ту же технологию, что применялась его предками, – технологию расчета. По выражению М. Хайдеггера, «каждая вещь становится лишь тем, чем она считается» [14, с. 39]. Важнейшая задача науки, под флагом которой проходит жизнь современного человека, заключается в «размыкании всего пространства истины природы и истории» [14, с. 41]. Природу и историю умещают в прокрустово ложе шкалы измерений. Причем подобное насилие совершается отнюдь не только учеными. В западной культуре, по мнению Р. Барта, возникла специфическая система мифов, прочно укорененных в сознании современного человека: «Цель мифов – это обездвижение мира; они должны давать внушительную картину вселенского хозяйственного механизма с раз и навсегда установленной имущественной иерархией» [3, с. 126]. Человек убежден в том, что мир исчислим. Он признает, что еще далеко не все изучено, но вместе с тем ничуть не сомневается в мощи разума и науки. Об этом свидетельствует, например, популяризация метрологии и ее вторжение в «науки о культуре». «Чернота» мира – это временное неудобство, которое человек вынужден терпеть до тех пор, пока не найдется необходимый источник света и не поможет освободить вещи от тирании мрака. Высвеченные вещи явятся субъекту в полноте своих форм и будут доступны для *разностороннего* исследования. Знание о том, что вещи погружены во мрак и что они каким-то необъяснимым образом

уклоняются от света или не умещаются в подготовленное для них прокрустово ложе, вызывает ужас.

Как и персонаж известного романа-антиутопии, мы боимся темноты. В «Духе позитивной философии» О. Конт лаконично выразил одну из наших насущных потребностей: «В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т. д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, *ясность во всем* [курсив наш – А. Д.]» [6]. Правда, в ясности нуждаются не только «средние» люди, но и ученые мужи. Образно говоря, они хотят, чтобы свет горел всегда, вещи никогда не погружались бы во мрак, не *таились*, и были в наличии [12, с. 237]. По мере возрастания мощи науки вещи освещались одна за другой; одну за другой их выводили из потаенности и ставили на службу разуму и прогрессу.

Выведение из мрака на свет есть шаг присутствия навстречу вещи. Оно является одним из условий озаботившегося «бытия-при». Обозначенный шаг необходим для будущего «имения-дела» с вещью [11, с. 100]. От того, какого рода это имение-дела, зависит понимание и истолкование подручного. Имение-дела с освещенной вещью может конституироваться заданием «для чего». В этом случае субъект определяет ее назначение. Современная молодежь часто (если не как правило) понимает под сущностью вещи именно ее назначение и ничего кроме назначения. Вполне возможно, М. Хайдеггер был прав, когда выражал опасения по поводу «кривизны» нашего восприятия: «Не создает ли отсутствие этого “как” непосредственную прямоту восприятия?» [11, с. 174]. На непосредственную прямоту восприятия вещей влияет отнюдь не только вопрос «как», но и вопрос «для чего». Вопрос «что» занимает свое достойное место в красном углу и «лежит» до любого «тематического» высказывания о вещи. Но на деле он оказывается задвинутым и забытым, подобно хламу. Он не лежит «под паром», ожидая обращения. Современный человек смело «перешагивает» через этот вопрос и пытается ответить на «истинно полезные» тематические вопросы. К сожалению, для столь пессимистического суждения есть некоторые основания: в моей педагогической практике нередки случаи, когда студенты в недоумении спрашивают, *ради чего* философия ищет сущности вещей? Не является

ли действительно *нужным* лишь знакомство с *устройством* вещи? Подобно тому, как лучшими философами в эпоху Просвещения называли патологоанатомов, представители современной молодежи считают мыслителями тех, кто хорошо разбирается во «внутренностях» вещей.

Опасения, обусловленные задвиганием вопроса о чтойности, побуждают современного человека к робким шагам в разбирательстве с забытым вопросом. Принципиально важно то, *как* осуществляется возврат к обозначенному вопросу. Например, в докладе, подготовленном работниками Сколково (2013), неоднократно употреблялся философский термин «онтология». Он был изъят из родного философского контекста и пересажен в почву инженерно-технической мысли. Авторы доклада назвали онтологами инженеров «особого рода», составляющими «базовый словарь» проектирования и производства нового продукта с учетом будущего внедрения новации в производство и быт [4, с. 47]. Онтологи описывают «базовые пользовательские характеристики решений и устройств» [4, с. 47]. Схожим образом онтология трактуется С. Б. Переслегиным и другими исследователями [9]. Онтологией называют идею, вписывающую вещь в тот или иной контекст, размещающую вещь среди других вещей [9, с. 121]. Если вещь оказалась неуместной, не оправдала надежд и не реализует определенные функции, то ее появление на свет есть не что иное, как следствие «онтологической ошибки» [9, с. 121]. Кроме того, слово «онтология» сегодня употребляется во множественном числе [2, с. 312], обозначая «базовые характеристики» технических устройств.

Выражает ли инженерная онтология в действительности движение мысли к сущности? На этот вопрос мы вынуждены ответить отрицательно. Базовые *пользовательские* характеристики и перечень функций вещи не есть ее сущность. Инженерная онтология не достигает сущности вещи, а удовлетворяется предположениями о соответствии функций технического устройства запросам времени, политической, социально-экономической, технико-технологической, культурной ситуации. Перед инженерами «особого рода» всегда стоит фигура пользователя – адресата новации. По-видимому, инженерная онтология пользуется инструментальным подходом, о котором, в частности, писал М. Хайдеггер [12, с. 222]. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера привычные представления о технике как о средстве маркированы как «инструмен-

тальное определение» [12, с. 222]. Инструментальный подход позволяет говорить о технике исключительно как о «средстве для» и о последовательности «действий для».

Пользуясь образом из романа-антиутопии Е. И. Замятина, можно сказать, что инженеры-онтологи хорошо ориентируются в темноте. Они уверенно опираются на вещи, потому что помнят о месте нахождения каждой. Ощупывая поверхность, они без особого труда могут назвать тот предмет, которого касаются. Без особого труда они дают предметам названия. Исчерпывающее описание функций вещи, перечисление возможных сфер ее использования, размещение вещи в технико-технологическом, социально-экономическом, политическом и культурном контекстах венчают инженерную мысль. Сказанное не умаляет и не должно умалять достоинств инженерной онтологии: польза инженерного мышления очевидна и не подлежит сомнению. То, что подлежит сомнению, сводится скорее к технико-технологической мифологии.

Как и любая другая мифология (политическая, научная, христианская и т. д.), инженерная мифология дифференцирует мир. В «багаже» инженерной мифологии есть различные основания для дифференциации. Эти основания, подобно старым письмам на пергамене, всегда проступают сквозь позднейшие наслоения. Одно из оснований для дифференциации можно обозначить как степень соответствия вещи требованиям времени. Данная формулировка означает то, что каждая вещь включается в определенный контекст и должна ему соответствовать, соединяться с другими вещами, включаться в иерархические и (или) сетевые структуры. Но на любую созданную вещь уже брошена тень устаревания. Рано или поздно любая вещь станет неуместной (хлам) и будет лишь по счастливой случайности занимать некогда отведенное ей место. Устаревание – один из важнейших терминов инженерной онтологии. Инженеры и экономисты (вслед за ними и другие специалисты) пользуются также терминами «функциональный износ», «моральное устаревание» [8, с. 168], «функциональное устаревание» (functional obsolescence) [1, с. 415]. Моральное устаревание вещи, конечно, не связано с физическим процессом разложения. Маркеры устаревания вещи знакомы каждому (отсутствие специалистов по ремонту, отсутствие запасных частей, несоответствие техническим, правовым и иным нормам и т. д.). Современный

человек хоронит вещь не только потому, что она перестала выполнять заданные функции, но и потому, что она теряет связи с динамическим контекстом. Инженерная онтология обслуживает динамический контекст и в определенном смысле задает его динамику.

Инженерная мифология делит мир на «своих» и «чужих» – творцов и потребителей, практиков и теоретиков, инноваторов и обскурантов, технических специалистов и гуманитариев. В действительности категорий гораздо больше, однако обозначенных вполне достаточно для раскрытия данного тезиса. Дискурсы экономики, предпринимательства и бизнеса обслуживают (и в определенном смысле создают) инженерную мифологию, подчеркивая избранность инженеров-инноваторов. В качестве примера процитируем статью директора Института инженерного предпринимательства С. В. Хачина: «Каковы же критерии, которым должен отвечать человек, чтобы стать успешным в создании и внедрении инноваций?»

Здесь отчетливо прослеживаются два вектора. Во-первых, человек должен быть способным и хорошо обученным инженером, чтобы суметь самому сгенерировать техническое решение либо понять суть изобретения, сделанного кем-то другим. И, во-вторых, он должен иметь предпринимательские навыки, чтобы понять, что хочет потребитель, предвосхитить его ожидания, выбрать оптимальную программу внедрения продукта на рынок» [15].

Строитель Интеграла Д-503 лихорадочно ощупывал вещи, а его воображение незамедлительно рисовало картины привычного, обжитого предметного мира. Иногда он смотрел на плод своей профессиональной деятельности и воображал то, как Интеграл «проинтегрирует» всю Вселенную. Нечто похожее делает инженер. Он ощупывает вещи, дает им имена и воображает, как, когда и кем эти вещи будут использоваться, как повлияют на бытие индивида, общества и мира. Сегодня мысль о совмещении инженерного таланта и предпринимательских способностей выглядит тривиальной. Как и любая другая прогрессивная мифема, эта мысль натурализовалась и кажет себя очевидной истиной. Столь же очевидно и то, что свет необходим лишь для обзора внутримирного сущего и подручного. Соглашаясь с этим, современный человек признает и то, что он прикован к вещам. В сферу его интересов попадают только предметы. Во взаимодействии с подручным возможны

только два вида знания – знание поверхности и знание того, что под поверхностью (структура, устройство, механизм, сочленения частей).

Обозначенные категории знания будто бы исчерпывают знание как таковое. Эту пессимистическую мысль подтверждает педагогическая практика: рассуждая о категории сущности, современные студенты неизменно отождествляют сущность вещи с ее устройством или механизмом. Знание о сущности вещи приходит только после ее вскрытия и разложения на элементы. Деление знания на два вида очень прочно связано с укоренной в мышлении идеей о существовании в научных и технических областях специалистов и дилетантов, знатоков и профанов. Первые состоялись в определенном качестве, а вторые должны пройти обряд инициации. Первые знают о том, что под поверхностью, разбираются в структуре и элементах вещи. Вторые скользят по поверхности или робко заглядывают внутрь. Подготовка к обряду инициации осуществляется в течение длительного времени. Инженерно-экономическая мифология имеет внушительные перечни «требований эпохи» к неопитам (см., напр., публикации К. Л. Левкова и О. Л. Фиговского [7, с. 2–11], В. Н. Стегнего [10, с. 95–102]). Обыватель, как гласят интеллектуалистские мифемы, вполне довольствуется ощупыванием поверхности вещи. Указать на то, что было отодвинуто и, возможно, превратилось в хлам, не просто, так как наше указание не может совершиться без артикуляции, или проговаривания. Возможно, рискнув и проговорив это, мы не добавим ничего, кроме языкового «налета», скрывающего даже поверхность.

Во время пребывания за Зеленой Стеной И-330 успокаивала возбужденного Д-503: «Разве кому-нибудь там, за Стеною, придет в голову, что мы здесь? Вспомни: вот ты – разве ты когда-нибудь думал, что это возможно? Они ловят нас там – пусть ловят!» [5]. Оказаться по другую сторону Стены, быть вырванным из контекста, «зоны комфорта» – не этого ли боится современный человек? Мы боимся потерять вещь из виду, нас пугает сама мысль об отсутствии подручного – того, что всегда можно нащупать и этим успокоить трепещущее Я. Между тем, именно дистанцирование оказывается одновременно губительным и спасительным для Д-503: губительным, потому что государственный механизм лишился шестеренки, спасительным, потому что за Зеленой Стеной Д-503 был человеком, а не винтиком

Мегамашины: «Это было до такой степени невероятно, до такой степени неожиданно, что я спокойно стоял – положительно утверждаю: спокойно *стоял* [курсив мой – А. Д.] и смотрел» [5]. Современный человек не делает остановок. Образное сравнение социальных институтов с мчащимися по автостраде автомобилями уже стало избитой истиной. И социальные структуры, и индивиды участвуют в инновационной гонке, в мозговом штурме, в соревновании по производству новых идей.

Остановка позволяет человеку сохранить дистанцию, даже если эта дистанция минимальна. В мире математической точности, расчетов и измерения, остановка преступна. Один из тяжких грехов любого функционера – остановиться и задуматься. Философия не только вопрошает о роли и ценности остановки, но и осуществляется через нее, будучи «жизнью-в-пути». Нельзя философствовать, осяпывая или с нетерпением взламывая сущее и изучая его внутренности. То, что нужно вывести из тени, может быть предварительно обозначено как *способность дистанцироваться*. Дистанция позволяет держать сущее в поле зрения и не прилипать в его поверхности. По мере увеличения дистанции сущее расплывается до неразличимости: тогда возникают оторванные от реалий абстракции и схемы, рождаются метанарративы. «Жизнь-в-пути» проходит на территории между полюсами. Верным спутником «жизни-в-пути» является мышление, дрейфующее между метанарративами и сущим, избегающее как состояния слепоты к сущему, так и растворения в вещах. Если предать это мышление забвению, задвинуть его и «раствориться» в сущем, то рано или поздно болезненный вопрос о человечности человека обязательно возникнет. Он – подлинный вопрос – не появится в пространстве публичности, не будет обсуждаться экспертными советами, но взбудоражит экзистенцию и коснется нашего отношения к бытию [11, с. 27]. Тогда, чтобы хоть как-то ответить на этот вопрос, нам придется отклеить себя от сущего, и отрыв будет болезненным.

1. Francke M.K. van de Minne A.M. Land, Structure and Deprecation // *Real Estate Economics*. 2017. Vol. 45-2. Pp. 415–451.

2. Teymourlouie M. Detecting hidden errors in an ontology using contextual knowledge // *Expert Systems with Applications*. 2018. Vol. 95. Pp. 312–323.

3. Барт Р. Мифологии // *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. М. : Прогресс, 1989. С. 46–130.

4. Будущее образования: глобальная повестка. Сколковский институт науки и технологии, 2013. 212 с.

5. Замятин Е. И. Мы. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения: 04.02.2018).

6. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 04.02.2018).

7. Левков К. Л., Фиговский О. Л. О подготовке инновационных инженеров // *Инженерный вестник Дона*. 2010. № 2. С. 2–11.

8. Панькова А. Н. Функциональный износ, причины возникновения, методы расчета // *Символ науки*. 2016. № 8. С. 168–171.

9. Переслегин С. Б. Инженерная онтология. URL: http://hse.edu.urfu.ru/Projects/ingener2/uploaded/files/77823_42057_EngineerOntology_Pereslegin_2.pdf (дата обращения: 04.02.2018).

10. Стегний В. Н. Исследование качеств инженера в контексте компетентностного подхода // *Высшее образование в России*. 2010. № 5. С. 95–102.

11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие : ст. и выступления*. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

13. Хайдеггер М. Отрешенность / *Разговор на проселочной дороге : сборник*. М. : Высш. шк., 1991. С. 102–111.

14. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академ. проект, 2013. 288 с.

15. Хачин С. В., Кизеев В. М. Инноваторами становаются! URL: <http://www.credo-dialogue.com/getattachment/3ad2f80ff6ca-489e-9f6f-e00a0704e126/Innovations-stanovjatsja.aspx> (дата обращения: 04.02.2018).

16. Щедрин Т. Г. Федор Степун: разговор как форма философской жизни // *Вопросы философии*. 2015. № 10. С. 119–124.

References

1. Francke M.K. (2017) *Real Estate Economics*, vol. 45-2, pp. 415–451 [in Rus].

2. Teymourlouie M. (2018) *Expert Systems with Applications*, vol. 95, pp. 312–323 [in Rus].

3. Bart R. (1989) *Mifologii. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika*. Moscow, Progress, pp. 46–130 [in Rus].

4. Budushhee obrazovaniya: global'naja povestka (2013). Skolkovskij institut nauki i tehnologii, 212 p. [in Rus].

5. Zamjatin E.I. My, available at: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (accessed 04.02.2018) [in Rus].

6. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii, available at: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (accessed 04.02.2018) [in Rus].

7. Levkov K.L. (2010) *Inzhenernyj vestnik Dona*, no. 2, pp. 2-11 [in Rus].

8. Pan'kova A.N. (2016) *Simvol nauki*, no. 8, pp. 168-171 [in Rus].

9. Pereslegin S.B. Inzhenernaja ontologija, available at: http://hse.edu.urfu.ru/Projects/ingener2/uploaded/files/77823_42057_EngineerOntology_Pereslegin_2.pdf (accessed 04.02.2018) [in Rus].

10. Stegnij V.N. (2010) *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 5, pp. 95-102 [in Rus].

11. Hajdegger M. (2003) *Bytie i vremja*. Har'kov, Folio, 503 p. [in Rus].

12. Hajdegger M. (1993) *Vopros o tehnike / Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija*. Moscow, Respublika, pp. 221-238 [in Rus].

13. Hajdegger M. (1991) *Otreshennost' / Razgovor na proselochnoj doroge: sbornik*. Moscow, Vysshaja shkola, pp. 102-111 [in Rus].

14. Hajdegger M. (2013) *Chto takoe metafizika?* Moscow, Akademicheskij proekt, 288 p. [in Rus].

15. Hachin S.V. Innovatorami stanovjatsja! Available at: <http://www.credo-dialogue.com/getattachment/3ad2f80f-f6ca-489e-9f6f-e00a0704e126/Innovations-stanovjatsja.aspx> (accessed 04.02.2018) [in Rus].

16. Shhedrina T.G. (2015) *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 119-124 [in Rus].

For citing: Dydrov A.A.

Thinking of a contemporary man in the context of the innovation race (remarks on the anti-utopia novel "We") // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 83-88.

UDC 130.2

THINKING OF A CONTEMPORARY MAN IN THE CONTEXT OF THE INNOVATION RACE (REMARKS ON THE ANTI-UTOPIA NOVEL "WE")

Dydrov Artur Alexandrovich

South Ural State University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, Lenina St., 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Annotation

The subject of this article is the specificity of the thinking of a contemporary man. It is argued that calculative thinking is inextricably linked with two types of knowledge – knowledge of the surface and the device of things. Thinking, concerned about things, loses something vital – the ability to move between metanarratives and objects. The loss of this ability can have devastating consequences for the human existence. The author illustrates his thesis with quotations from the dystopia of Evgeniy Zamyatin «We».

Key concepts:

education,
innovation,
existence,
storage,
philosophizing,
philosophical practice.

Для цитирования: Май К Да.
Идейные источники
философско-теологической мысли
протестантизма во Вьетнаме //
Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 89–95.

УДК 1

ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИЛОСОФСКО- ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПРОТЕСТАНТИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ

Май К Да,

Российский университет дружбы народов,
аспирант.

Российская Федерация, 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, б.
E-mail: maikda@mail.ru

Аннотация

«Культурная интеграция» считается наиболее важным вопросом философско-теологической рефлексии протестантизма во Вьетнаме в современный период. Она родилась в поисках решений проблемы столкновения этой конфессии с верованиями коренных народов в процессе евангелизации. Прежде чем приступить к анализу основных философско-теологических положений вьетнамского протестантизма, необходимо определить его идейные истоки. В связи с этим в статье анализируются влияние евангеликализма, движение «За три самостоятельности» китайского протестантизма, взгляды на культуру западных философов, опыт культурной интеграции вьетнамского католицизма.

Ключевые понятия:

культурная интеграция,
евангеликализм,
азиатское богословие,
теология культуры,
вьетнамский протестантизм.

Философско-теологические взгляды вьетнамской протестантской церкви подверглись влиянию различных богословских течений, которые проповедовали западные протестантские миссии, в первую очередь речь идет о Христианском миссионерском альянсе (ХМА), который вбирает в себе многие протестантские церкви, повлиявшие на формирование и развитие этой религии во Вьетнаме [11, с. 1]. Из более чем одного миллиона последователей одиннадцати протестантских деноминаций более 80 % принадлежат двум церквям, основанным ХМА. Поэтому, даже несмотря на появление пятидесятничества в структуре протестантской церкви Вьетнама и его влияния на многие другие религиозные течения, все же вьетнамский протестантизм зиждется на более глубоком влиянии именно евангеликализма (evangelicalism) [7, с. 6]. В связи с этим при изучении истоков философских и теологических идей вьетнамского протестантизма необходимо проанализировать влияние евангеликализма Христианского миссионерского альянса. Именно он является первым источником протестантского вероучения во Вьетнаме.

1. Влияние евангеликализма

В конце XIX – начале XX века, когда в Европе по-прежнему господствовал ортодоксальный протестантизм (protestantisme etabli), в Америке начали зарождаться евангеликализм и пятидесятничество (Pentécotisme), они явились выразителями интересов буржуазного общества, в развитии которого произошли резкие изменения, связанные с появлением новой шкалы ценностей, глубокого социального разделения и радикального индивидуализма [5, с. 65]. Что касается евангеликализма, то он начал пестоваться с XVII–XVIII веков и имел наиболее сильные позиции в религиозной жизни США. Это течение протестантизма также получило мощное развитие в Африке, латинской Америке и Азии, в том числе и во Вьетнаме.

Евангеликализм является движением обновления внутри лютеранских, англиканских и реформатских церквей в XVIII–XIX веков, вызванным как сухостью догматики и иерархичностью, сложившейся к этому времени внутри данных церквей, так и атеизмом, деизмом и рационализмом, порождёнными эпохой Просвещения. Это трансденоминационное направление подчёркивает распространение благой вести

через евангелизм и необходимость личностной связи с Богом через веру в Иисуса Христа.

В истории евангеликализма отмечают два периода: период первого великого пробуждения (First Great Awakening, 1730–1740) в Новой Англии, во время которого практиковались проповеди под открытым небом. Основными представителями становления евангеликализма в англоязычном мире были Джон Уэсли (John Wesley, 1703–1791), Джордж Уайтфилд (George Whitefield, 1714–1770) и Джонатан Эдвардс (Jonathan Edwards, 1703–1758). Период второго великого пробуждения (1800–1830) состоялся в Северной Америке, главной фигурой которого был Чарльз Финни (Charles Grandison Finney, 1792–1875), взгляды которого оказали влияние на евангеликализм XX в.

По мнению английского историка Дэвида У. Бейбингтона, для понимания отличительных особенностей евангеликализма необходимо прежде всего уловить специфику «евангельской чувствительности» (*la sensibilité évangélique*). Эта «чувствительность» имеет четыре характерные черты: 1) следование вере (*conversionism*) – чтобы стать праведным христианином, необходимо в своей жизни придерживаться отказа от греха; 2) страстное проповедничество (*activism*) – вкладывать все свои силы в проповедническую деятельность, чтобы сподвигнуть других людей следовать вере; 3) библеизм (всецелая приверженность Библии, *biblicism*) – это означает сконцентрированность на Библии, все духовные истины следует искать в Библии; 4) крестоцентризм (*crucicentrism*) – означает особое внимание к Крестной жертве Христа ради прощения грехов людей и их спасения [3, с. 171–172]. Эти четыре характерные черты евангеликализма, получившие широкую известность под названием «Четырехугольник Бейбингтона» (*Bebbington quadrilateral*), были изложены в исследовании этого английского историка «Евангеликализм в современной Британии: история с 1730-х по 1980-е гг.» (*Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s*) [1, с. 14].

Вышеописанная трактовка религиозной «чувствительности» оказала большое влияние на евангелистов, в том числе и на ХМА. Этот Альянс был основан в 1887 г. в Нью-Йорке А. Б. Симпсоном, который был пастором католической церкви в Канаде. Он принимал в ХМА проповедников, принадлежащих к разным течениям, но для него было важным лишь одно, чтобы они следовали общим принципам деятельности ХМА. Это

было миссионерское общество, объединявшее представителей разных деноминаций, которые придерживались главным образом доктрины кальвинизма. Для этой доктрины были характерны консервативные богословские идеи [11, с. 91].

В теологическом плане Христианский миссионерский альянс по существу находился в орбите североамериканского фундаментализма (*Fundamentals*)¹. Моментом появления североамериканского фундаментализма считается 1920 год, когда была создана Всемирная христианская фундаменталистская ассоциация (*World's Christian Fundamentals Association*). Это важное богословское течение, которое оказало воздействие на многие ветви и деноминации протестантской церкви в США, прежде всего на евангеликализм. Идейные положения фундаментализма отличаются жесткостью и консерватизмом. Это течение отстаивает буквальное и безусловное толкование библейского повествования. Поэтому данное богословское течение выступает решительно против современного взгляда на основные проблемы мироздания: оно против теории эволюции, обновленческих тенденций в протестантизме, толкования и комментирования Библии.

Значительная часть миссионеров ХМА, оказывавшихся во Вьетнаме, придерживалась фундаментализма, что ясно видно из книг и словарей, с которыми они приезжали для проповеди евангеликализма, и из программ подготовки пасторов. Свою миссионерскую деятельность они вели в библейской школе в Дананге (1921) и в свято-библейской семинарии в Нячанге (1960).

ХМА всегда стоял на позициях того, что библейские проповеди являются для христианина источником веры, Библия – это сокровищница веры, которую Господь открывает человеку. Именно Библия обладает высшей властью, а не религиозные традиции, не церковь и не верховный священнослужитель. Все религиозные предписания, культы, а также таинства вторичны, так как у каждого верующего есть способность к проведению ритуалов и основании церковного сообщества. Протестантские миссионеры усердно разъясняли различия между своим

¹ Фундаментализм (*fundamentals*): межконфессиональное движение среди консервативных евангеликов конца XIX – начала XX века, возникшее как реакция на распространение христианского модернизма и либерального богословия. Название «фундаментализм» произошло от издаваемой в 1910–1915 годы представителями этого движения серии брошюр «Основы: свидетельство истины» (*The Fundamentals: A Testimony to The Truth*).

и католическим вероучениями, целенаправленно продвигали свои идеи во Вьетнаме.

В 60-е гг. XX века распространение протестантизма во Вьетнаме также получило заметное развитие. В то время вместо движения «самых общих основ и принципов протестантской церкви» Североамериканское пастырство за рубежом (North American Protestant Ministries Overseas) усилило распространение евангеликализма, делая упор на три положения: углубление теории евангеликализма (Evangelism in Depth), развитие церкви (Church Growth) и расширение богословского образования (Theological Education in Extension) [2, с. 6–9]. Эти идеи были восприняты вьетнамской протестантской церковью и нашли отражение в ее Уставе и Своде церковных канонных. Однако до 1975 года почти не было ни одной богословской книги, в которой бы обстоятельно говорилось о трех крупных великих призывах протестантизма в целом и евангеликализма в частности. Но благодаря последовательному ориентированию на «Чистое Евангелие» миссионеры ХМА заложили прочную богословскую базу для вьетнамской протестантской церкви.

Анализируя влияние американского евангеликализма на протестантскую общину во Вьетнаме, необходимо также упомянуть и о таком далеком от него идейном источнике, как французский евангеликализм. Попытки его распространения во Вьетнаме оказались неудачными, но он, тем не менее, поставил немало злободневных богословских вопросов перед современной вьетнамской протестантской церковью. Давнее наследие французского евангеликализма вкупе с более современным достоянием ХМА явились основными источниками и важнейшей основой для философских и теологических идей вьетнамской протестантской общины на современном этапе.

2. Идейное содержание движения «За три самостоятельности» в китайском протестантизме

Если богословские идеи евангеликализма, которые проповедовал ХМА, стали важнейшим теологическим источником современного вьетнамского протестантизма, то опыт решения проблемы противостояния протестантизма в Азии местным культурам явился существенным фактором непосредственного влияния на теологическое направление в развитии вьетнамского протестантизма.

В отличие от католических миссионеров, протестантские проповедники с самых ранних времен своей деятельности считали исключительно важным делом перевод Священного Писания на местные языки. Более того, протестанты не придерживались такого мнения, что вероучение является лишь проблемой Европы, так как народы, проживающие за ее пределами, могут иметь свое собственное богословие. В регионах Северо-Восточной и Южной Азии имел место процесс формирования своих вероучений: в Южной Корее зародилось богословие Миньонга (Minjung Theology), в Индии теология переплелась с культурой [13, с. 6]. Общей особенностью азиатского богословия было следующее: проявление внимания к проблеме бедности и нищеты, интеграция культур, межрелигиозный диалог. Говоря иными словами, наблюдалось стремление «смоделировать» лик азиатского Иисуса Христа [6, с. 65].

В этой обстановке вьетнамский протестантизм испытал на себе влияние в первую очередь протестантских идей Китая – соседнего с Вьетнамом государства, с которым у Вьетнама в прошлом было много общего в культуре, религии, истории, и с которым на современном этапе объединяет то, что культура обеих стран носит социалистический характер. Более того, Китай оказался одним из тех стран, через которые протестантизм пришел во Вьетнам. Поэтому богословские размышления китайских протестантов, главным образом об интеграционных процессах между протестантизмом и местной культурой, местными религиями Китая, бесспорно, стали наиболее ценным практическим уроком для вьетнамского протестантизма.

В Китай протестантизм проник в 1807 году, то есть более чем на столетие раньше, нежели во Вьетнам. Общим для китайского и вьетнамского протестантизма было то, что его распространение в обеих странах натолкнулось на мощное сопротивление со стороны традиционной восточно-азиатской культуры, главные «батальи» развернулись вокруг проблемы культа предков. Отличие же китайского протестантизма от вьетнамского заключается в том, что у китайских протестантов были запутанные отношения с вооруженными силами западных агрессоров, а также в том, что протестанты содействовали подписанию неравноправного договора для китайцев. Именно поэтому протестантизм в сознании китайцев – это «религия европейцев», а приверженец протестантизма – не кто иной, как «раб европейцев». В то же время протестантизм во Вьетнаме почти всегда был вне политики.

У протестантизма во Вьетнаме конфликты возникали исключительно в культурной плоскости [12, с. 51].

Китайскому протестантизму было свойственно стремление к самостоятельности, китаизированию протестантской церкви и сведению на нет ее западного колорита. Это делалось ради того, чтобы лишить протестантизм образа «западной религии». Но путь в этом направлении не были успешным. В 1950 г. возникло движение «За три самостоятельности», инициатором которого выступил У Яоцзун (Wu Yaozong, 吳耀宗). Он призвал создать самостоятельную церковь, ориентироваться на независимое вероучение китайского протестантизма. По замыслу основателя этого течения, новая китайская церковь должна опираться на идею независимости от внешнего влияния. Был выдвинут призыв к «самоуправлению, самообеспечению и самостоятельной проповеди». Одновременно предпринимались усилия для развития идей «Трех самостоятельности» в «Три блага» (благое управление, благое развитие, благая проповедь) [4, с. 62].

Движение «За три самостоятельности» стало яркой иллюстрацией к процессу интеграции и развитию китайского протестантизма. Идеи и модель этого движения в определенной степени повлияли на то, что и во вьетнамском протестантизме были предприняты попытки создать независимую церковь. В действительности, Христианский миссионерский альянс издавна проводил политику «Автохтонной церкви». Начиная с 1940-х годов, когда вьетнамская протестантская церковь стала постепенно становиться независимой от «материнской церкви», все более актуальное звучание приобретал вопрос о «самостоятельном богословии» [9, с. 303]. В 1955 году на обсуждение азиатской конференции ХМА был выдвинут вопрос о передаче имущества в собственность местным независимым церквам и о расширении их обязанностей.

Интерес к идеям создания самостоятельной церкви и собственного богословия возник при таких вьетнамских пасторах, как Ле Ван Тхай (вьет. Lê Văn Thái) и Ле Динь Тьюй (вьет. Lê Đình Tươi). Однако наиболее видным представителем этого течения явился пастор Ле Хоанг Фу, автор работы «История Евангелической церкви Вьетнама (1911–1965)». В своей докторской диссертации он, помимо того, что дал глубокий анализ трем принципам создания самостоятельной, самоуправляющейся церкви, которые были выдвинуты ХМА, – само-

обеспечение (self-support), самоуправление (self-government) и самораспространение (self-propagation), также развил еще два других принципа: самообразование/автоτροφность (self-nature) и самовыражение (self-expression) [9, с. 392]. Идеи Ле Хоанг Фу оказали решающее влияние на богословское направление вьетнамского протестантизма.

3. Взгляды на культуру и религию Макса Вебера, Ричарда Нибура и Пауля Тиллиха

Являясь религией, которая придает большое значение своему универсальному и глобальному характеру (universal), протестантизм и сейчас, несмотря на целый век присутствия во Вьетнаме, продолжает считаться в этой стране чем-то «чуждым, инородным». Многие вьетнамские протестанты сами осознают и критически воспринимают проблему «конфликта с национальной культурой и другими религиями, распространенными во Вьетнаме». В первую очередь речь идет о буддизме, конфуцианстве и культе предков. Стремление найти свое направление в богословии подталкивает вьетнамских протестантов к тому, чтобы обратить свой взор на современные идейные источники. В этой ситуации активно используется наследие таких известных философов и теологов, как Макс Вебер, Х. Р. Нибур и особенно Пауль Тиллих.

За последнее время на вьетнамский язык переведены и получили широкое распространение многие труды Макса Вебера, в том числе его самое выдающееся сочинение «Протестантская этика и дух капитализма». Исследователи стали проявлять внимание к нравственным аспектам протестантизма и говорить о его современности. Макс Вебер также проанализировал восточные религии, взглянув на них под разными углами зрения.

Теолог Ричард Нибур в своем произведении «Христос и культура» углубился в самый основной вопрос, а именно – в проблему христианской веры и культуры в современном мире [15, с. 63]. Ричард Нибур, размышляя над современным состоянием человечества, приходит к выводу, что «наибольшее значение имеет теперь проблема веры» [14, с. 227]. Разработанная им модель пяти состояний в отношениях между христианством и культурой (Christ against Culture; Christ of Culture; Christ above Culture; Christ and Culture in Paradox; Christ the Transformer

of Culture) служит исключительно ценной идейной базой для решения проблем взаимоотношений между христианами и обществом.

Высказывание П. Тиллиха «Христос как глубина культуры» глубоко созвучно вьетнамскому протестантизму, его особому интересу к такому аспекту, как отношение протестантизма к местной культуре. Исходя из этого, во Вьетнаме уделяется большое внимание богословским идеям П. Тиллиха о культуре. По мнению П. Тиллиха, в протестантизме есть своя «культура». Среди ее положений важнейшим является следующее утверждение: «Культура в сущности – религия, а религия в своих формах проявления – культура» [10, с. 21]. На основе теологии культуры Тиллих разработал способы соединения христианства с мирской культурой.

Идейные воззрения Нибура и Тиллиха имели большое значение для расширения арсенала способов и методов решения проблемы, связанной со столкновением христианства с местной культурой во Вьетнаме. Их идеи были восприняты некоторыми вьетнамскими протестантами, занимающимися научными исследованиями, наиболее заметная фигура из них – пастор Ле Ван Тхиен. Он провел глубокий анализ культурной интеграции протестантизма и вынес следующее суждение: «Произшедшая культурная интеграция протестантского вероучения, с одной стороны, позволила евангеликализму дать человеку ответы на вызовы в разных областях его жизни и деятельности – религиозной, социальной, экономической, политической, культурной, а с другой стороны, облегчила возможность для “просачивания” евангеликализма в новые регионы и для его влияния на все грани местной культуры» [8, с. 128].

4. Опыт культурной интеграции католицизма во Вьетнаме

При постановке проблемы культурной интеграции протестанты во Вьетнаме не могут игнорировать опыт вьетнамского католицизма в решении вопроса выстраивания отношений между христианством и местной культурой. Проникнув во Вьетнам на четыре столетия раньше протестантизма, католицизм также оказался в состоянии острого конфликта с местной культурой. Столкновение католицизма с местной восточноазиатской культурой в основном проявилось в двух аспектах. Во-первых, ка-

толицизм, как монотеистическая религия, всегда требовал понимания, что в «Боге три лица», учил о «триединстве» Бога. Важнейшими пунктам в этой концепции являются «единое, как неделимое», «и слово стало плотью». Это не соответствовало понятию Бога во вьетнамской культуре, в которой Небо – это безличная сверхъестественная созидательная сила. Император понимается в значении «сын Неба». Это ключевой пункт, по которому Ватикан вел «столетний спор о китайских ритуалах». В результате был положен конец усилиям иезуитского ордена осуществить культурную интеграцию. Во-вторых, ритуалы католической церкви и образ жизни, который диктует эта религия, регламентируются каноническим правом римской католической церкви. Его нормы вытекают из европейских реалий и оторваны от жизни в азиатских странах. Католической церкви во Вьетнаме потребовалось несколько веков, чтобы войти в согласие с восточноазиатской культурой. Кардинально эта проблема была решена только благодаря Второму Ватиканскому собору.

Учитывая, что католицизм и протестантизм имеют общие теологические основы, как два направления в христианстве, столкновение протестантской церкви с культурой коренных народов носило такой же острый характер, как и подобное противостояние католической церкви. Но у протестантизма больше преимуществ, чем у католицизма, так как оно является более современным религиозным направлением и предполагает более простые обряды и ритуалы для своих последователей. Кроме того, опыт католической церкви в решении проблемы культурной интеграции является практическим уроком для протестантов в их теологических поисках, нацеленных на учет интересов протестантской церкви и особенностей современного Вьетнама.

Наследие евангельского богословия, идеи «трех самостоятельности» китайского протестантизма, размышления о теологии культуры современных идеологов протестантской церкви и опыт решения проблемы интеграции вьетнамского католицизма – всё это является теоретической базой и практической основой для вьетнамских протестантов в их стремлении расширить свои теологические горизонты, чтобы самым кардинальным образом решить одну из главных проблем протестантского богословия во Вьетнаме – проблему культурной интеграции.

1. Carl Trueman. The Real Scandal of the Evangelical Mind. Chicago: Moody Publishers, 2011.

2. Herbert Kane J. A Brief History of North American Overseas Missions in Mission Handbook: North American Protestant Ministries Overseas. 10th ed. NewYork : MARC Publisher, 1973.

3. Jean Paul Willaime. Les recompositions internes au monde protestant: protestantisme "établi" et protestantisme "évangélique" in La globalisation du religieux / ed. L'Harmattan. Paris : Harmattan, 2001.

4. Ву Тхи Тху Ха. Движения «За три самостоятельности» в китайском протестантизме в период до культурной революции // Религиоведение. 2008. № 2. С. 59–65 (Vũ Thị Thu Hà. Tìm hiểu phong trào tam tự của Tin Lành Trung Quốc giai đoạn trước cách mạng văn hóa // Tạp chí Nghiên cứu tôn giáo. 2008. № 2. Tr. 59–65).

5. До Куанг Хынг. Особенности американского протестантизма // Религиоведение. 2003. № 1. С. 60–70 (Đỗ Quang Hưng. Vài nhận biết về Tin Lành Mỹ // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2003. № 1. Tr. 60–70).

6. До Куанг Хынг. Протестантизм в Северо-Восточной Азии: проблема решения конфликтов с коренными культурами // Социальные науки. 2013. №. 5 (177). С. 1–13.). (Đỗ Quang Hưng. Đạo Tin Lành ở Đông Bắc Á: Những kịch bản giải quyết xung đột với văn hóa bản địa // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2013. № 5 (177). Tr. 60–71)

7. До Куанг Хынг. Реконфигурация религиозной жизни во Вьетнаме в настоящее время: правовой аспект // Религиоведение. 2012. № 6. С. 3–10. (Đỗ Quang Hưng. Tái cấu hình đời sống tôn giáo ở Việt Nam hiện nay: Những thách thức về mặt pháp lý. Nghiên cứu tôn giáo. 2012. № 6. Tr. 3–10).

8. Ле Ван Тхиен. Евангелие и культура. Ханой : Религия, 2010 (Lê Văn Thiện. Phúc Âm và Văn hóa. Hà Nội : Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010).

9. Ле Хоанг Фу. История Евангелической церкви Вьетнама (1911-1965). Ханой : Религия, 2010 (Lê Hoàng Phu. Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911–1965). Hà Nội : Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010).

10. Нгуен Куанг Хунг. Взгляды на культуру и религию Пауля Тиллиха (ч. 1) // Религиоведение. 2016. № 1 (127). С. 14–27 (Nguyễn Quang Hưng. Quan niệm của Paul Tillich về tôn giáo và văn hóa (phần 1) // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2014. № 01 (127). Tr. 14–29).

11. Нгуен Суан Хунг. О христианском и миссионерском Альянсе // Религиоведение.

2015. № 10 (184). С. 89–109 (Nguyễn Xuân Hùng. Về hội truyền giáo tin Lành CMA // Tạp chí Nghiên cứu tôn giáo. 2015. № 10 (184). Tr. 89–109).

12. Нгуен Суан Хунг. Распространение протестантизма во Вьетнаме и его последствия // Религиоведение. 2000. № 1. С. 47–53 (Nguyễn Xuân Hùng. Tìm hiểu những hệ quả của việc truyền giáo Tin Lành với văn hóa truyền thống và tín ngưỡng tôn giáo tại Việt Nam. Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2000. Số 1. Tr. 47–53).

13. Нгуен Фу Лой. Аспекты азиатского богословия // Религиоведение. 2016. № 4. С. 3–14 (Nguyễn Phú Lợi. Vài nét về thần học Á châu // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2016. № 4. Tr. 3–14).

14. Нибур Р. Радикальный монотеизм и западная культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М. : Юрист, 1996.

15. Нижников С. А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии. М. : ИНФРА-М, 2012.

References

1. Carl Trueman (2011). The Real Scandal of the Evangelical Mind. Chicago: Moody Publishers [in Rus].

2. Herbert Kane J. (1973) A Brief History of North American Overseas Missions in Mission Handbook: North American Protestant Ministries Overseas. 10th ed. NewYork, MARC Publisher [in Eng].

3. Jean Paul Willaime (2001). Les recompositions internes au monde protestant: protestantisme "établi" et protestantisme "évangélique" in La globalisation du religieux. Paris, Harmattan [in France].

4. Vu Thi Thu Ha (2008). *Religiovedenie*, no. 2, pp. 59–65 (Vũ Thị Thu Hà. Tìm hiểu phong trào tam tự của Tin Lành Trung Quốc giai đoạn trước cách mạng văn hóa // Tạp chí Nghiên cứu tôn giáo, 2008, no. 2, tr. 59–65) [in Rus].

5. Do Kuang Hynг (2003). *Religiovedenie*, no. 1, pp. 60–70 (Đỗ Quang Hưng. Vài nhận biết về Tin Lành Mỹ // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2003. no. 1, tr. 60–70) [in Rus].

6. Do Kuang Hynг (2013). *Social'nye nauki*, no. 5 (177), pp. 1–13. (Đỗ Quang Hưng. Đạo Tin Lành ở Đông Bắc Á: Những kịch bản giải quyết xung đột với văn hóa bản địa // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2013, no.5 (177), tr. 60–71) [in Rus].

7. Do Kuang Hynг (2012). *Religiovedenie*, no. 6, pp. 3–10 (Đỗ Quang Hưng. Tái cấu hình đời sống tôn giáo ở Việt Nam hiện nay: Những thách thức về mặt pháp lý. Nghiên cứu tôn giáo. 2012. no. 6, tr. 3–10) [in Rus].

8. Le Van Thien (2010). *Evangelie i kul'tura. Hanoj, Religija* (Lê Văn Thiện. Phúc Âm và Văn hóa. Hà Nội, Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010) [in Rus].

9. Le Hoang Fu (2010). *Istorija Evangelicheskij cerkvi Vjetnama (1911–1965). Hanoj, Religija* (Lê Hoàng Phú. Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911–1965). Hà Nội, Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010) [in Rus].

10. Nguen Kuang Hung (2016). *Religiovedenie*, no. 1 (127), pp. 14–27 (Nguyễn Quang Hưng. Quan niệm của Paul Tillich về tôn giáo và văn hóa (phần 1) // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2014. no. 01 (127), tr. 14–29) [in Rus].

11. Nguen Suan Hung (2015). *Religiovedenie*, no. 10 (184), pp. 89–109 (Nguyễn Xuân Hùng. Về hội truyền giáo tin Lành CMA // Tạp chí Nghiên cứu tôn giáo. 2015. no. 10 (184), tr. 89–109) [in Rus].

12. Nguen Suan Hung (2000). *Religiovedenie*, no. 1, pp. 47–53 (Nguyễn Xuân Hùng. Tìm hiểu những hệ quả của việc truyền giáo Tin Lành với văn hóa truyền thống và tín ngưỡng tôn giáo tại Việt Nam. Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2000. Số 1, tr. 47–53) [in Rus].

13. Nguen Fu Loj (2016). *Religiovedenie*, no. 4, pp. 3–14 (Nguyễn Phú Lợi. Vài nét về thần học Á châu // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2016. no. 4, tr. 3–14) [in Rus].

14. Nibur R. (1996) *Radikal'nyj monoteizm i zapadnaja kul'tura // Hristos i kul'tura. Izbrannye trudy Richarda Nibura i Rajnhol'da Nibura. Moscow, Jurist'* [in Rus].

15. Nizhnikov S.A. (2012) *Problema duhovnogo v zapadnoj i vostochnoj kul'ture i filosofii. Moscow, INFRA-M* [in Rus].

For citing: Mai K Da.

Ideological sources of philosophic-theological thought of Protestantism in Vietnam // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 89–95.

UDC 1

IDEOLOGICAL SOURCES OF PHILOSOPHIC-THEOLOGICAL THOUGHT OF PROTESTANTISM IN VIETNAM

Mai K Da,

Peoples' Friendship University of Russia, Post-graduate student, The Russian Federation, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya Street, 6. E-mail: maikda@mail.ru

Annotation

“Cultural integration” is considered to be the most important aspect of philosophic-theological reflection of Protestantism in Vietnam in modern times. It appeared in the search of ways to solve the problem of this confession contradiction with the beliefs of indigenous people in the process of Evangelization. Before starting to analyze the main philosophic-theological postulates of Vietnamese Protestantism it is necessary to define its ideological sources. In this regard the author analyzes the influence of evangelicalism, movement “For three self-dependences” of Chinese Protestantism, western philosophers' views on culture, experience of cultural integration of Vietnamese Catholicism.

Key concepts:

cultural integration, evangelicalism, Asian theology, culture theology, Vietnamese Protestantism.

Для цитирования: Баркова В. В., Цилицкий В. С. Становление концепта «тьюторская деятельность» в философии образования Средних веков // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 96–102.

УДК 101

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТЮТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Баркова Валентина Васильевна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Цилицкий Виталий Сергеевич,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, аспирант кафедры педагогики и психологии. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: tsilitskyvs@mail.ru

Аннотация

Предмет статьи – историко-философский подход к анализу социокультурных потребностей, способствующих возникновению философии тьюторской деятельности в образовательном пространстве эпохи Средних веков. Определены особенности этой деятельности и отличие её от других форм вспомогательной работы с обучающимися.

Ключевые понятия:

тьютор, тьюторская деятельность, карта образовательного интереса, человек реальный, человек возможный.

Процесс вrastания человеческой мыслительной деятельности в средневековые особенности социальной жизнедеятельности проходил в истории становления цивилизации Средних веков по двум магистральным линиям. Во-первых, через наличие единого античного наследия для Европы. Вторая линия была связана с интенсивным строительством национальных государств, экономических стратегий их независимого развития, формированием национальных языков, корпоративности, коммуникативных каналов, образовательной деятельности и т. д. Ведущим мотивом всех этих шагов стал не только поиск и разработка технологий социального переустройства европейского пространства, но и этническая индивидуализация человека, обеспечивающая интеллектуальное и духовно-христианское вхождение его в мир средневековой повседневности.

Концепт «тьюторская деятельность» рассматривается нами как вид социальной деятельности, проявивший своё бытие в целостности и многообразии собственной феноменологии в предметном поле философии образования Средних веков. Тьюторская деятельность как социокультурное явление отражала дискретную целостность смыслов человеческого бытия, возникающих и существующих в культурно-образовательном пространстве эпохи и предрасположенных к трансляции из одной предметной области в другую, функционируя в режиме понимания-объяснения. Тьюторство как оригинальная педагогическая позиция философии организации образовательного процесса зародилось в средневековых европейских университетах XII–XIV веках. Но только в XX–XXI веках оно получило широкое признание и востребованность, возродившись во всех сферах образовательных практик цивилизованных сообществ, в том числе и РФ. Однако для многих педагогов философия тьюторской деятельности до сих пор остаётся «тайной за семью печатями» и прежде всего по позициям: чем философия этой деятельности отличается от учительского труда, деятельности педагога-психолога, социального работника, что, собственно, и делает тему данной статьи актуальной.

Теоретико-методологическую базу анализа смыслов концепта «тьюторская деятельность» заложили работы Р. Агриколы, Ф. Бэкона, Дж. Локка, Я. О. Каменского, Р. Веста, Е. К. Грачёвой, Н. А. Рау, К. И. Мая, Ю. И. Турчанинова, А. В. Калиниченко, П. Г. Щедровицкого, Т. М. Ковалёвой,

Г. Н. Прокументова, И. Д. Проскуровской, К. Т. Багдуевой, Л. А. Дружининой, И. В. Карпенковой, А. Маслоу, Н. В. Бочкина, Т. Е. Исаева, П. И. Пидкасистого, Т. Д. Речкина и т. д. В качестве методологических опор для выстраивания логики изложения материала были использованы принцип историзма, восхождение от абстрактного к конкретному, принцип единства формы и содержания, соответствия, дополнительно, системности, холизма и др.

Как известно, средневековое европейское сообщество складывалось в результате взаимодействия античного наследия, феодального способа производства, варварского мира барбаросов, а также христианского вероучения, сыгравшего роль духовной скрепы для вступивших в неизведанный виток цивилизационного развития народов Европы. Процесс Великого переселения народов вплоть до VI–VII веков был тем плавающим тиглем, в котором историческое перекрёстное взаимопроникновение указанных событий, создавая разнообразные внутривидовые комбинации в их взаимодействии, формировали условия для перекраивания и «сшивания заново» из живой материи этнических сообществ иные социально-экономические, политические формирования европейских народов. Кристаллизация таких социальных структур и связей создавала бифуркационные «коридоры перехода» по мере преодоления которых в реальном мире европейской жизнедеятельности появлялись социальные макросистемы, способные конфигурировать процессы развития новых цивилизационных реальностей, их онтологических модусов, новых смыслоформирующих отношений сознания человека к миробытию. Исследование этих вопросов нашло отражение в работах К. Д. Авдеевой, А. А. Анисимова, Ф. Броделя, М. В. Винокуровой, В. В. Ермолаева, В. В. Зайцевой, А. А. Кириллова, Л. П. Репиной, М. Е. Карпычевой, Я. А. Левицкого, Т. А. Леоновой, А. А. Макаровой, С. Т. Минакова, А. М. Савина, Н. А. Сидоровой, А. А. Сванидзе, Г. М. Тушиной, Н. Ф. Ускова, Л. Н. Чернова и т. д. В трудах зарубежных коллег П. Монсо, А. Губермана, А. Амаруччи, Г. Барди, О. Сальваторелли, М. Пеллегрини, К. Маркези, Е. Параторе и т. д. [1; 2; 4; 11].

В Новозаветном писании говорится, что Христос заповедовал своим ученикам и тем, кто идёт за ними, быть «солью земли», «светом миру» и не гнущаться мира. Эти установки стали скрепой взаимоотношений христианства с «градом земным» и его насельниками в социальном пространственно-

временном континууме эпохи. А. Блаженный в «Исповеди» предназначение философии образовательной деятельности в жизни человека видел в научении его праведным «способам жить», приобретении духовного опыта, в котором человек открывал бы для себя глубины Божественного, утверждая «мудрость в себе», способах очищения от бремени греховных страстей человеческих, освещении процессов идентификации себя в качестве «венца» Творения и осмыслении личного бытия через призму собственной «присущности» [10]. Ф. Аквинский – теологический лидер средневековой церкви – утверждал, что «предметными полями» философских образовательных рефлексий эпохи должны стать только дозволенные Церковью темы миробытия в строгих рамках канонического мышления.

Христианская церковь, стараясь реализовать наставления церковных авторитетов, повсеместно организовывала образовательные учреждения как в городах, так и деревенских поселениях. В VIII веке, названном Королинским Возрождением, император Карл Великий и его учёная дружина: Алкуин, Теодульф и другие учёные – при его дворе создали школу, в которой преодолел безграмотность сам император, его чада и придворные. По его распоряжению регулировалась работа монастырских, церковно-кафедральных и приходских школ. Во главе учебных заведений стояли видные богословы – Р. Бэкон, А. Великий, Ф. Аквинский [11].

Развитие образовательной практики дало мощный импульс развитию философии образования и педагогической деятельности в эпоху Средних веков. Потребность в этом была вызвана нуждами государств, их социально-экономическими, идеологическими мотивами, ростом городов, увеличением числа населения, что привело к возникновению светских частных и муниципальных школ. В них учились школяры – ваганты, голиарды, происходившие из городской и рыцарской среды, низшего клира, чужеземцы. К X веку система западноевропейского образования окончательно сложилась в три ступени: начальную, среднюю, высшую. Высшей ступенью развития системы образования западноевропейской средневековой цивилизации стали университеты – детище её философии образования. Первые университеты возникли на базе епископских школ, имевших штат профессоров богословия, или как результат объединения частных преподавателей – специалистов по философии, римскому праву, медицине, естествознанию.

Деятельность средневековых университетов открыла миру инновационные принципы в организации социокультурного образовательного пространства Европы [2]. Во-первых, появилось профессиональное сословие ученых. Во-вторых, университетское школярское братство не признавало этнических и сословных различий. В-третьих, в рамках университетов оформляется установка на толерантное примирение разума и веры, понимание значимой роли этих феноменов в социально-экономическом и культурном развитии народов Европы и мира. Именно в это время востребованным становится тьюторское сопровождение образовательного процесса в Оксфорде, позже в Кембридже.

Тьютор – «tutor» – в переводе с английского – педагог-наставник. Современный «Оксфордский словарь английского языка» определяет тьютора в качестве лица, имеющего ученую степень, которому вверен надзор за студентом (undergraduate). Последний называется его подопечным «pupil». Тьюторство предложило университетскому братству новую идеологию организации образовательного пространства, выстроенную с учётом лично-ценностных предпочтений школяра, что породило у педагогов потребность освоить новую для себя роль, осознать важность иной философии собственного педагогического поведения в открытом образовательном пространстве, направленного на создание условий и возможностей реализации философии индивидуализации образовательного процесса [4]. Путь к научному познанию изначально воспринимался как уникальный, пройти который дано не всем, следовательно, и движение в этом направлении должно быть индивидуально по способу и скорости для каждого обучающегося [1].

Университеты Средневековья представляли собой организованное братство молодых людей, одержимых тягой к знаниям, исповедовавших совпадающие смысло-жизненные ценности, общающихся на одном языке и признающие единые научные авторитеты [13]. Университетская администрация не контролировала, какие курсы лекций посещает студент, лекциям каких профессоров он отдаёт предпочтение. Обучаясь в одном колледже, он мог посещать любые лекции учёных мужей из других колледжей. Ему предстояло самостоятельно делать выбор, занятиям каких преподавателей он отдаст своё предпочтение и какие предметы станет изучать, чтобы подняться на тот уровень знаний, который необходим для получения степени. Университет обозначал

свои требования к состоянию готовности студента к интеллектуальным испытаниям только перед экзаменами. Если учесть, что первые постоянные кафедры появились в университетах только в начале XVI века, то в таких условиях школярам была необходима помощь в организации и ориентации своего обучения в предельно свободном образовательном пространстве. Поэтому вначале школяру необходимо было выбрать себе тьютора. В течение первого года университетской жизни консультации с тьютором являлись обязательными для каждого студента. Они еженедельно отчитывались перед ним за проведённую работу. Встречи студентов с тьюторами проводились по расписанию, а также во внеучебное время. Л. А. Богданович выделяет три направления тьюторской деятельности в университетах Средневековья: учебное, воспитательное и досуговое.

Тьюторы, осуществляя коммуникативные функции между свободными профессорами и свободными школярами, соединяли на практике личностные смысло-жизненные искания и ожидания студентов с содержанием обучения и академическими идеалами. При этом тьютор-наставник воспринимался школяром как фасилитатор, выступая неким посредником между преподавателем и обучаемым, помогающим в вопросах обучения, способным создать благоприятные условия в образовательной среде для его самостоятельного осмысленного учения и осуществлять достижение образовательной цели. В этом плане успешность тьюторанта прямо зависела от умения тьютора придать соответствующий эмоциональный тонус процессу обучения. В тысячелетнем мире Средних веков, характеризующихся постоянными непредсказуемыми масштабными изменениями, сама историческая необходимость требовала перенос акцента в обучении с преподавания на учение, т. е. организацию преподавания не как трансляцию информации, а как фасилитацию процессов самостоятельного осмысления материала, т. е. управление процессом обучения, направленным на достижение образовательной цели. Такие изменения практики обучения в философии образования Средних веков стали инновационным открытием нового стиля педагогического мышления и подлинной реформой образования, отвечающей духу времени.

Процесс самообразования школяров постоянно находился под бдительным оком тьюторского сопровождения. Тьютор передавал свой личный опыт самообразования

студентам, при этом продолжал вести собственные полноценные научные исследования. К концу XVI века тьютор становится центральной фигурой в европейском образовательном пространстве, отвечая за своих подопечных, помогая им постигать и использовать весь потенциал богатой университетской среды. Я. А. Коменский писал, что необходимо одновременно учить людей чтению и письму, и учить, и обучать тому, что усвоено. Именно он сформулировал принцип: «Всё, что усвоено, в свою очередь должно быть передаваемо другим и для других. Как можно больше спрашивать, спрошенное – усваивать, тому, что усвоил – обучать. Эти три правила дают возможность ученику побеждать учителя». Я. А. Коменский уже тогда понимал, что реализовать эту цель возможно только за счет специальных педагогических средств – форм и методов обучения, которые нужно подбирать адекватно к каждому ученику [14]. Не случайно тьюторами становились те, кто обладал способностями к рефлексии своего опыта самообразования и изобретал способы его передачи.

Тьютор, понимая и принимая внутренний мир своих подопечных, создавал необходимые условия для обеспечения и фасилитации их осмысленного учения и личностного развития в целом. Он, как навигатор, указывал студенту маршрут познавательной деятельности, помогал осознать направленность выбранных шагов до пункта назначения, т. е. обозначал контуры совместно формируемой индивидуализированной образовательной программы. Включаясь в личностно-ориентированную работу, он прежде всего старался понять, откуда и в какую область знаний его тьюторант стремится попасть, понять именно мотивацию его желаний. Он начинал с прояснения интересов, стремлений, вариантов образовательного запроса школяра, анализировал, насколько тьюторант осознает свой выбор, прочна ли в этом выборе его субъектная позиция, искренне ли его желание выразить и реализовать себя в ней. Как говорил М. К. Мамардашвили, «человек всегда находится в стадии становления, и всякая история может быть определена как история его усилия стать человеком. Человек всегда стоит перед опасностью затеряться в неподлинном, мнимом существовании» [15]. Самое известное и впечатляющее изображение этого – хайдеггеровское представление о мире, где господствует *das Man*: где я одеваюсь, как одеваются, живу, как живут, думаю, как думают, и решаю, как решают [6].

Поэтому тьютор помогал тьюторанту верифицировать свое «Я», проявить свое субъективное. Он предоставлял ему веер образовательных программ, причём так, чтобы были видны отношения между вариантами направлений образовательных предпочтений. Одним словом, тьютор выстраивал карту образовательных запросов, интересов и устремлений своего подопечного. Ответы на них студент искал самостоятельно или получал на свободных кафедрах профессуры, коллегальных лекциях. За ним всегда оставалось право выбора соответствующих его интересам лекций профессоров, семинаров, дискуссий.

Любая тема беседы тьютора и его подопечного по поводу изучаемого материала осуществлялась в форме вопросов. Алан Райн в исследовании «Свободное обучение» описывает метод вопросов, сложившийся в технологии тьюторства в Средние века: «Что может удивить студента, так это то, что тьютор разговаривает лишь вопросами. Это обучение вопросами. И неважно при этом, насколько глубокими и точными будут ответы студента. Цель этой работы сделать так, чтобы студент научил себя сам понимать, как выбраться из паутины вопросов: “Если ты думаешь, что тогда что ты можешь сказать о?..”» [21]. В работах Дж. Скелтона, Дж. Де Вивеса, Т. Мора, Р. Ашама, Т. Элиота, Дж. Чейка и других тьюторов-теоретиков зафиксированы эффективные приёмы работы и опыт по реализации программ социально-индивидуализированного обучения.

Философия образования Средних веков в результате тьюторской деятельности актуализировала интерес к изучению природы человека, его духовного мира, смысла жизни, к технологиям познания и профессиональному обучению. Исследуя исторический опыт трансляции знания предшествовавшими поколениями, философия образования Средних веков в лице тьюторской практики вышла на иные формы и способы культурного развития образовательного пространства, чем это делали мыслители в прежние времена. Примиряя веру и разум, философия образования Средних веков подготовила мировосприятие людей к принятию новых стилей жизни, сфер деятельности, образа мышления. Сформировав университеты и новую парадигму мышления – дисциплинарную структуру познания, без которой была бы невозможна современная наука, философия образования Средних веков официально признала тьюторскую систему эффективной для реализации образовательно-педагогических целей.

По сей день в старейших университетах Европы она занимает центральное место в обучении. Лекционная система служит лишь дополнением к ней.

В тьюторском сопровождении педагогический фокус образовательного процесса смещён в сторону самостоятельной разработки тьюторантом приемлемых для него норм усвоения материала, которые обсуждаются с тьютором как возможные варианты его движения в открытом образовательном пространстве. Безусловно, тьюторант сам совершает «образовательные пробы», результаты которых после их совместного анализа с тьютором определяют дальнейшие приёмы и способы работы с подопечным. В образовательной деятельности принцип индивидуализации часто отождествляют с индивидуальным подходом в обучении [4]. Дело в том, что индивидуальный подход – это доработка с реальным школяром того материала, который им недопонят. Это работа на единый результат группы, класса в усвоении конкретной темы. Индивидуализация – это работа с человеком возможным, это своего рода процесс проектирования личностных качеств через создание среды, условий, обстоятельств, личного результата. Отсюда и главная базовая функциональная обязанность тьютора – создание индивидуализированной образовательной программы, которая постоянно уточняется и корректируется, что, собственно, и определяет индивидуализацию обучения. Говоря о технологиях тьюторского сопровождения индивидуализированного образовательного процесса, следует отметить, что они включают в себя методики, помогающие тьютору организовать работу с личным интересом учащегося и инициировании его конкретной деятельности. Понимая непредсказуемость и нелинейность своего общения с подопечным, тьютор всегда стремился делал акцент на необходимость развития импровизационной когнитивистики, находясь в состоянии готовности творить, искать наилучшее решение познавательной ситуации для своего подопечного.

Эти задачи уже в те времена эффективно решались с помощью технологий проектирования, исследовательских методов, дебатов, образовательных поездок, развития критического мышления, творческих мастерских, игр и т. д. Но в портфолио тьютора имеется инструментарий, который используется в педагогической психологии – вопросно-ответные методики, рефлексивные сессии, технологии активного слушания, модерации. Дело в том, что пси-

холог использует эти технологии в направлении изучения особенностей психических процессов в мыследеятельности учащихся, тогда как тьютор при реализации программы индивидуализации образовательного пространства конкретного школяра пользуется вопросной методикой и умением с ней работать. Таким образом, в общепедагогическом формате тьюторское сопровождение направлено на организацию сознательной активности школяра в открытом образовательном пространстве, которое строится на постоянном рефлексивном соотношении его достижений с интересами и устремлениями в будущее самого себя. Если говорить о деятельности социального работника, то он, как правило, помогает школярам в студенческой среде комфортно организовать течение повседневной жизни, соответствующей социальным нормам и отношениям, участвует в снятии экзистенциальных переживаний, возникающих во взаимоотношениях с близкими людьми, семьёй и т. д.

Закрепление в философии образования Средних веков тьюторских практик было обусловлено повсеместно растущим запросом на услуги индивидуализации обучения на всех уровнях: в начальном, среднем, высшем образовательных звеньях. Тьюторская деятельность помогала подопечным на всех уровнях реализации индивидуализированных образовательных практик удерживать и не терять интерес к целям образования, своим личным результатам и достижениям, всегда помнить о своём предназначении в «граде земном». Формируя в субъективной реальности своих школяров понимание значимости смысловых ценностей общекультурных и профессиональных компетенций, полученных в процессе обучения, тьютор одновременно учил их искусству распределчивать и опредмечивать знания в повседневной жизни Средневековья для других, опираясь на авторитет знаний, создавать в мировоззрении других позитивное и целостное восприятие конструктивной природы неустойчивого мира Средневековья, в лагунах которого каждый способен реализовать своё предназначение, как он его понимает согласно своему конкретному вероисповедованию.

Таким образом, индивидуализированная образовательная программа не просто готовила человека к жизни – её можно рассматривать как управленческий механизм на пути становления открытых образовательных систем, модернизации системы образования и социума в целом. В. И. Слободчиков высказал мнение, что возникновение

тьюторских практик в Средневековье можно рассматривать как антропологическую миссию философии образования [20].

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 26–43.

2. Барбарига А. А., Федорова И. В. Британские университеты : учеб. пособие для пед. ин-тов. М. : Высш. шк., 1979.

3. Баркова В. В. Монастыри как институты практической нравственности (истoki и начала). Челябинск : Урало-Сибир. Дом эконом. и науч.-техн. пропаганды О-ва «Знание» России, 1992. 32 с.

4. Баркова В. В., Цилицкий В. С. Социальная индивидуализация как базис тьюторского сопровождения: социально-философский аспект проблемы // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 107–112.

5. Баркова В. В. Философский лик метафоры «Экология души» // Социум и власть. 2013. № 5. С. 101–106.

6. Борисов С. В. Экспозиция или «Философский глаз» для науки // Философские исследования. 2013. № 7. С. 1–99.

7. Борисов С. В. Философия образования современного общества: проблемы и перспективы // Образовательные технологии и общество. 2010. № 3 (13). С. 491–496.

8. Борисов С. В. Философская практика как опыт «заботы о себе» // Наука ЮУрГУ : материалы 68-й науч. конф. Секция соц.-гуманит. наук. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ. 2016. С. 457–465.

9. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с самим собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т (РГУ), 2000. 1005 с.

10. Блаженный А. О граде Божиим. Т. 4. Кн. 18–22. М., 1994. 351 с.

11. Гордон Э. Столетия тьюторства / пер. с англ. под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Д. Ю. Гребенкина. Ижевск : ERGO, 2008. 351 с.

12. Гусинский А. А., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. М., 2003. 248 с.

13. Ковалева Т. М., Кобыща Е. И., Попова (Смолик) С. Ю., Теров А. А., Чередилина М. Ю. Профессия «тьютор». М. ; Тверь : СФК-офис, 2012. 246 с.

14. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: великая дидактика / под ред. А. А. Красновского ; пер. с лат. Д. Н. Королькова. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 320 с.

15. Мамардашвили М. К. Современная европейская философия (XX век) // Логос. 1991. № 2. С. 109–130.

16. Пилипчевская Н. В. Тьюторская деятельность: теория и практика. Красноярск, 2009.

17. Проскуровская И. Д. Опыт реконструкции исторических оснований тьюторства (на материале истории английских университетов) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2 (6). С. 71–81.

18. Розин, В. М. Конституирование и прихода индивидуализации. М. ; Тверь : СФК-офис, 2014. 290 с.

19. Рыбалкина Н. В. Размышления о тьюторстве. М. ; Тверь : СФК-офис, 2016. 188 с.

20. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 14–22.

21. Ruan A.A. Liberal Education: and that includes the Sciences! // The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". Oxford : OxCHEPS, 2001.

References

1. Ar'es F. (1999) Rebenok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo. universiteta, pp. 26–43 [in Rus].

2. Barbariga A. A., Fedorova I. V. (1979) Britanskije universitety. Moscow, Vysshaja shkola [in Rus].

3. Barkova V.V. (1992) Monastyri kak instituty prakticheskoj npravstvennosti (istoki i nachala). Cheljabinsk, Uralo-Sibirskij Dom jekonomicheskoi i nauchno-tehnicheskoi propagandy obshhestva «Znanie» Rossii, 32 p. [in Rus].

4. Barkova V.V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 2 (64), pp. 107–112 [in Rus].

5. Barkova V.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 101–106 [in Rus].

6. Borisov S.V. (2013) *Filosofskie issledovanija*, no. 7, pp. 1–99 [in Rus].

7. Borisov S.V. (2010) *Obrazovatel'nye tehnologii i obshhestva*, no. 3 (13), pp. 491–496 [in Rus].

8. Borisov S.V. (2016) *Filosofskaja praktika kak opyt «zaboty o sebe»* // Nauka JuUrGU: Materialy 68-j nauchnoj konferencii. Sekcii social'no-gumanitarnyh nauk. Cheljabinsk, Izdatel'skij centr JuUrGU, pp. 457–465 [in Rus].

9. Batkin L.M. (2000) *Evropejskij chelovek naedine s samim soboj. Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovanijah i predelah lichnogo samosoznaniya*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet (RGU), 1005 p. [in Rus].

10. Blazhennyj A. (1994) O grade Bozhiem. Moscow, t. 4, kn. 18–22. 351 p. [in Rus].

11. Gordon Je. (2008) Stoletija t'jutorstva. Izhevsk, ERGO, 351 p. [in Rus].

12. Gusinskij A.A., Turchaninova Ju.I. (2003) Vvedenie v filosofiju obrazovanija. Moscow, 248 p. [in Rus].

13. Kovaleva T.M., Kobysheva E.I., Popova (Smolik) S.Ju., Terov A.A., Cheredilina M.Ju. (2012) Professija «t'jutor». Moscow, Tver', SFK-ofis, 246 p. [in Rus].

14. Komenskij Ja.A. (1939) Izbrannye pedagogicheskie sochinenija: velikaja didaktika. Moscow, Gosudastvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 320 p. [in Rus].

15. Mamardashvili M.K. (1991) *Logos*, no. 2, pp. 109–130 [in Rus].

16. Pilipchevskaja N. V. (2009) T'jutorskaja dejatel'nost': teorija i praktika. Krasnojarsk [in Rus].

17. Proskurovskaja I.D. (2009) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (6), pp. 71–81 [in Rus].

18. Rozin V.M. (2014) Konstituirovanie i priroda individualizacii. Moscow, Tver', SFK-ofis, 290 p. [in Rus].

19. Rybalkina N.V. (2016) Razmyshlenija o t'jutorstve. Moscow, Tver', SFK-ofis, 188 p. [in Rus].

20. Slobodchikov V.I. (1986) *Voprosy psihologii*, no. 6, pp. 14–22 [in Rus].

21. Ruan A.A. (2001) Liberal Education: and that includes the Sciences! The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". Oxford, OxCHEPS [in Eng].

For citing: Barkova V.V., Tsilitsky V.S. Formation of the concept "tutor activity" in the education philosophy of the Middle Ages // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 96–102.

UDC 101

FORMATION OF THE CONCEPT "TUTOR ACTIVITY" IN THE EDUCATION PHILOSOPHY OF THE MIDDLE AGES

Barkova Valentina Vasilyevna,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Professor of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor. The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Lenina St., 69. E-mail: barkova.vv@yandex.ru

Tsilitsky Vitaly Sergeevich,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Post-graduate Student of the Department Chair of education and Psychology, The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Lenina St., 69. E-mail: tsilitskyvs@mail.ru

Annotation

The subject matter of the article is historical and philosophic approach to analyzing social and cultural needs, giving rise to the philosophy of tutor activity in educational system of the Middle Ages. The authors define peculiarities of this kind of activity and its differences from other forms of complimentary activity with students.

Key concepts:

tutor,
tutor activity,
card of educational interest,
actual person,
potential person.

Для цитирования: Борисов С. В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 103–110.

УДК 101.9

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД¹

Борисов Сергей Валентинович,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Проблемой нашего исследования является комплекс вопросов, связанных с культурно-историческими, теоретико-методологическими и институциональными аспектами возникновения и распространения такого нового направления современной философии, как философская практика (философское консультирование). Исследование посвящено разработке теории для обобщения, систематизации и интерпретации обширного эмпирического материала, накопленного за тридцатилетнюю историю существования этого философского направления. На основе этой теории появится возможность историко-философского видения данного направления. Ключевым условием исследования является использование компаративистского подхода, устанавливающего четкие критерии сравнительного анализа философских концепций, базовых понятий, форм и способов философствования, используемых в философской практике. Наше исследование дает возможность определить основные принципы, построить типологию идей, подходов, школ и течений философской практики. Это первое комплексное исследование по выявлению роли и места философской практики в современной культуре, которое может стать заделом для новых междисциплинарных философских исследований в этой области.

Ключевые понятия:

философия, философствование, философская практика, компаративистский подход, экзистенциализм, феноменология, психотерапия.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758. 2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Введение

Философия как интеллектуальная практика представлена прежде всего в классических философских произведениях. Почти во всех диалогах Платона показано практическое использование философствования (майевтика Сократа). С одной стороны, в философствовании присутствует «наивность» удивления и вопрошания, а с другой стороны – метафизическая глубина поставленных вопросов и рефлексия над ними. Согласно П. Адо, первоначальный статус философии в культуре – это система духовных упражнений и духовная практика, дающая возможность выработки целостного мировоззрения и осознанной (благой) жизни [15]. «Наивной» по форме, но глубокой по содержанию является позиция Николая Кузанского, который формирует представление о философских проблемах как «ученом незнании». В частности, Николай Кузанский создает «Книги простеца» [8]. Философская реабилитация «простеца» выступает здесь как возврат к античной традиции. Философская практика, в противовес «школьному», академичному философствованию, активно проявляет себя в жанре эссеистики (афоризмы, максимы, размышления). Она выступает как сумма житейской мудрости, здравого смысла, мудрствования, определяющая «практическую философию» жизни индивида (М. Монтень, Б. Паскаль, Ф. Ларошфуко, Ж. Лабрюйер).

Особого внимания заслуживает традиция классической философской пропедевтики XIX века, которую реформировала эпистемология прагматизма. Прагматизм, по мнению Д. Дьюи, осуществил коперниканский переворот в философской традиции, перейдя от изучения проблем самих философов к постижению человеческих проблем [6]. В «Реконструкции в философии» Дьюи выдвигает следующие требования к философствованию: инструментализм – философские идеи ориентируются на практические задачи; экспериментализм – философии необходима опытная проверка и самокритика; генетический подход к предмету философии как процессу – происхождение и особенности развития философии могут пролить свет на ее сегодняшние проблемы; контекстуализм – содержание философии следует рассматривать как элемент социальной и культурной ситуации.

Современная философская пропедевтика пристальное внимание уделяет специфике детского мышления, включая тем самым в сферу философской практики интеллекту-

альную деятельность детей и подростков. Что касается философской практики взрослых, то все ее многочисленные течения можно условно разделить на два концептуальных подхода: «терапевтический» и «развивающий».

Начиная с 1994 года с периодичностью примерно раз в два года проходят международные конференции по философской практике, ежегодно проходят международные семинары, организуемые представителями различных направлений философской практики. Материалы конференций и семинаров служат теоретической и практической базой, чтобы проследить все тенденции обмена и развития ключевых идей, дать характеристику основным персоналиям, школам и течениям этого философского направления [18]. Следует отметить, что накопившийся за 30 лет богатый теоретический и эмпирический материал требует глубокого изучения и систематизации, что позволит предложить широкой общественности грамотные, опирающиеся на научный критерии ориентации в этом новом философском направлении, для того чтобы четко различать все, что имеет к нему отношение от того, что представляет собой квазинаучный и квазифилософский продукт современной массовой культуры.

Методы

Используемый нами компаративистский подход предполагает тщательный учет существенных культурно-исторических, теоретико-методологических и институциональных факторов и условий, оказавших влияние на возникновение и развитие философской практики (консультирования), для того чтобы выделить и оценить варианты построения теоретического обобщения эмпирического материала. Сравнительно-исторический метод является основой для работы со статьями и книгами по философской практике, сайтами, материалами конференций, а также записями интервью и стенограммами консультаций. В центре нашего внимания находится философствование как онтогенетический процесс, поэтому эпистемология является именно методологией нашего научного поиска. Феноменологический анализ начал философствования, коренящиеся в структуре обыденно-практического знания, и дает нам возможность интерпретации теоретического содержания и способов философской практики (консультирования). Данные интерпретации осуществляются с точки зрения онтологической гер-

меневтики. Философствование в этом ключе рассматривается как способ бытия, которое осуществляется в процессе понимания. Исходя из этого появляется возможность устанавливать различия и сходства в системах философской практики. Способы и формы философской практики (консультирования), способствующие процессу порождения и завершения идей, рассматриваются нами в контексте той или иной культурно-философской традиции. Эмпирический базис нашего исследования наряду с перечисленными выше источниками также составляет виртуальная критическая дискуссия между различными идеями, методами, персоналиями, школами и течениями философской практики, которая благодаря компаративистскому подходу дает целостное представление об изучаемом философском направлении.

Типология современной философской практики

Анализ различных подходов, укоренившихся в современной философской практике, позволяет нам разделить их на три основные группы [19, р. 22–23]. Во-первых, существуют такие методы, которые можно обозначить как «Подход, ориентированный на решение проблем» (*Problem-Solving Approach*). Эти методы помогают людям решать конкретные проблемы своей жизни и преодолевать их: неудовлетворенность работой, семейными отношениями, низкую самооценку и т. д. В этом плане они похожи на методы психотерапии. Другой связанный с этим подход помогает людям развить навыки мышления, с помощью которых они могли бы справляться в будущем с личными проблемами и трудностями. Акцент в этом «Подходе, ориентированном на мыслительные навыки» (*Thinking Skills Approach*), делается на совершенствование инструментов мышления, а не на решение конкретных проблем. Третья группа философских практик, которая может быть обозначена как «Подход, ориентированный на саморазвитие» (*Development Approach*), направлена на обогащение жизни смыслом и мудростью, глубиной и полнотой.

По «технологии» реализации этих подходов мы выделяем еще две группы. Во-первых, существуют философские практики, в которых превалирует критическое мышление. Сторонники этого «Подхода, базирующегося на критическом мышлении» (*Critical Thinking Approach*), считают, что вся философия – это, по сути, стремление к рациональному анализу. В связи с этим, методы

философского консультирования должны основываться исключительно на инструментах логического мышления, таких как аргументация, логическая состоятельность, анализ понятий, выявление скрытых предпосылок и т. д. Альтернативой критическому мышлению является то, что можно назвать «Подходом, базирующимся на мудрости» (*Wisdom Approach*). Здесь основное внимание уделяется не критическому мышлению (хотя это тоже важно), а глубине философских идей. Его главная задача – не анализировать идеи, а «завершать» их для более глубокого понимания жизни.

Философское консультирование. Это форма индивидуальной или групповой работы, представляющая собой серию встреч, организуемых и направляемых философом-консультантом. Внешне это может напоминать одну из разновидностей психотерапии, в частности экзистенциальную психотерапию (или даэйн-анализ). Философская «начинка» этой терапии в том, что, во-первых, ее основу, дающую представление о структуре личности, составляют онтологические принципы экзистенциальной философии, а не биомедицинские или психометрические характеристики личности, используемые в психологической науке. Во-вторых, сама процедура консультирования предполагает работу с философскими категориями, в свете которых и происходит осмысление тех или иных мировоззренческих проблем клиента [3]. Зачастую материалом для работы служат те или иные философские тексты, помогающие клиенту осуществить необходимую рефлексию над конкретными и частными проявлениями своей «философской болезни». Словосочетание «философская болезнь» – это не метафора, это реальное состояние человеческого существования в мире повседневности, характеризующаяся острой чувствительностью к «зову бытия», сопряженного со страхом смерти, социальной изоляции, свободы и бессмысленности жизни [16]. Таким образом, вполне резонно предположить, что «философская болезнь» лечится философскими методами, представляющими собой подбодие античных практик «заботы о себе», «собираания себя» в условиях близких структур повседневности.

Философское партнерство. Эта форма философской практики представляет собой группу партнеров, осуществляющих совместное философское созерцание тех или иных аспектов мировоззренческих проблем методом феноменологической редукции. Главное условие философского партнерства – глубокое сосредоточение на

том «чистом» опыте, который можно получить, исходя из медитативного состояния, выносящего «за скобки» все автоматизмы мысли и речи внешнего повседневного опыта. Концентрация на этом опыте осуществляется методом медленного чтения фрагментов тех или иных философских текстов, содержащих в себе законченные идеи по созерцаемой проблеме. Высказывание собственных идей осуществляется в унисон с прочитанным текстом, выделяются его главные понятия, из которых совместными усилиями группы конструируется общая «карта идей», дополняемая концептами или образами, возникающими в пространстве «чистого» опыта каждого участника группы. Данное философское партнерство – это не интеллектуальный клуб и не научное сообщество. Целью групповой работы является коллективная помощь в прояснении философских идей за счет совместных усилий, а не соревновательные процедуры интеллектуальных споров и научных диспутов. Работа членов группы напоминает действия музыкантов в едином оркестре, добивающихся созвучия и чистоты исполнения и красоты гармонии [17].

«Терапевтический подход» в современной философской практике

«Терапевтический подход» акцентирует свое внимание на работе с той или иной психологической проблемой, которая становится предметом индивидуального или группового консультирования. В рамках этого подхода имеется обширный эмпирический материал, требующий своего обобщения, анализа и систематизации, позволяющий говорить о тенденциях синтеза философской практики и психотерапии. Как правило, такими синтетическими зонами являются научные исследования и практика в области гуманистической психологии, экзистенциальной психотерапии, гештальт-терапии, различных форм арт-терапии и коучинга. В этой связи наибольший научный интерес представляют исследования Г. Ахенбаха [10–12] и деятельность Международной ассоциации философской практики (IGPP) Германии, Австрии и Швейцарии. Следует отметить также деятельность и издательские проекты Л. Мариноффа [21–23] и «Американской философской ассоциации практиков» (APPA), деятельность «Общества практической философии» (SPP) Великобритании и российской ассоциации психологов и философов «Экзистенциальная

и гуманистическая психология» (Р. Кочюнас, И. Глухова, Т. Щитцова, В. Каган, В. Андришин).

Во-первых, философы-практики в рамках данного подхода говорят о том, что повседневная жизнь остается на поверхностном уровне, который не отражает всю полноту человеческого существования. Во-вторых, по мнению этих философов-практиков, существует альтернативный способ человеческого бытия. В-третьих, они свидетельствуют, что очень нелегко перейти от нашего поверхностного состояния к состоянию полноты бытия. Наши естественные тенденции не приводят нас к этому автоматически, преодоление этих тенденций – большая проблема. Необходима полная трансформация, которая преобразит каждый аспект нашего существования – наши эмоции, поведение, мысли и отношения, от самых мелких до самых значительных.

Учитывая принятое выше положение, мы пришли к выводу, что для анализа истинности этих подходов необходимо использовать экзистенциалистскую концепцию истины, где истина выступает как глубокое, преобразующее личностное психическое переживание. Например, шизотипическая личность, взятая в онтоантропологическом плане, в аспекте своих позитивных симптомов, самоактуализируясь через более качественное восприятие «метафизических» граней реальности, может достигать аутентичности, проявляющейся в собственном экзистенциальном переживании истины [9].

Данные философские практики актуализируют также новое понимание аскезы для современной культуры, как способа заботы о себе [2]. Волевой тренинг ведет к высвобождению духовной энергии, дающей человеку не только власть над своими желаниями, но также способность сопротивляться всем проявлениям современной потребительской, гедонистической по своей сути культуры. В современном обществе, где желания человека обретают коммерческую направленность, философская аскеза служит действенным способом борьбы с искусственно навязываемыми потребностями. Массовое общество как бы выносит человека на поверхность культуры, скрывая истинные ценности и существенно деформируя «естественный» процесс становления личности. Господствует опасная тенденция отождествления человеческого «Я» с тем, что является знаком социального успеха: уровнем дохода и высоким социальным положением. Однако данные знаки-симулякры скрывают истинное содержание общественной жизни.

Потребление знака, отождествление себя с ним в силу его открытости, доступности и внешней привлекательности создает иллюзию «легкости» жизни, скрывает истинные механизмы социальных отношений. Вместо налаживания действительно продуктивных и адаптивных социальных взаимодействий, требующих раскрытия духовного и экзистенциального потенциала личности, индивид просто «потребляет» социальные отношения, симулирует их, примеряя на себя те или иные социальные маски, не задумываясь о собственном жизненном призвании. В этом случае аскетизм может стать практикой утверждения личной свободы, практикой аутентичности.

Недовольство собой – это также результат внутриличностного конфликта между «Я-реальным» и «Я-идеальным». В условиях массового общества «Я-идеальное» заменяется совокупностью социальных стереотипов и предубеждений о том, каким должен быть успешный человек. Практика философской аскезы помогает человеку разобраться в себе, соотнести свои возможности с фактическим положением дел, соотнести свои требования к жизни с требованиями к себе. В этом случае отказ от потребностей и чрезмерных желаний, которые невозможно удовлетворить, является действенной стратегией обретения духовной зрелости. Таким образом, в аскетической практике господство над желаниями и страстями, привязывающими к «поверхности» жизни, – это только средство для достижения конечной цели – внутренней гармонии, душевного спокойствия, бесстрашия.

Компаративистский анализ практик самопознания позволяет обнаружить общие корни феноменологической редукции как в восточной, так и в западной философской традиции [1]. Особенностями данной философской практики является работа с интенцией сознания, созерцание «чистых» идей или феноменов путем «расширения» сознания. Созерцательное отношение предполагает полное отрешение от всего, чем располагает привычное индивидуальное и социокультурное «я». Однако, практикуя такого рода интроспекцию, нам необходимо также совершенствовать методологию познания, преодолевать ее ограниченность. Хотя сознание мыслит, оно само не всегда может быть помыслено, поскольку для рассудка открывается только та или иная область сущего, но не бытие в целом. Прорыв к бытию, к реальности осуществляется интуитивно, а, как известно, интуитивный познавательный опыт нельзя свести

к формальным методическим рекомендациям. Для поддержания интуитивной направленности требуется постоянное напряжение экзистенциального потенциала. Поэтому в методологическом плане для философской практики необходимо наряду с эпистемологическими критериями выработать целый ряд аксиологических критериев этой деятельности.

«Развивающий подход» в современной философской практике

«Развивающий подход» акцентирует свое внимание на достижении понимания и завершения идей о жизни, проверке их на состоятельность с помощью разнообразных интеллектуальных средств и построении траектории дальнейшего духовного роста. То есть, в общем и целом, индивидуальная и групповая работа ведется не с теми или иными психологическими проблемами и жизненными ситуациями, а с идеями о жизни, анализируются и расширяются возможности построения целостного мировоззрения. В рамках этого подхода требуется теоретического обобщения материал Института философской практики под руководством О. Бренифье (Франция) [14; 25]. Данные философские практики направлены на формирование навыков критического мышления, умение выражать свои мысли, аргументировать. Следует также отметить иную тенденцию, наметившуюся в рамках «развивающего подхода», связанную с деятельностью сообщества Philo-Practice Agora (Р. Лахав, К. Завала) [17], суть которой в достижении принципов философского партнерства, переживания индивидуального или совместного опыта мировоззренческой трансформации и завершенности идей.

«Развивающий подход» в философской практике, как правило, именуется подходом критического мышления (*critical thinking approach*). Данный подход предусматривает множество форм в самых различных сферах, в частности, пользуется популярностью бизнес-коучинг. Так, французский философ-практик О. Бренифье активно работает с персоналом ряда крупных российских госкорпораций [4]. В практике высшего образования в отличие от британских и американских университетов, где существует курс *critical reasoning*, в России не предусматривается специального курса, непосредственно направленного на развитие критического мышления, что может быть компенсировано при исполь-

зовании методов философской практики в рамках преподавания базового курса философии. Например, такой подход в России реализуется в Волгоградском государственном университете философом-практиком А. И. Макаровым, использующим для этого метод сократического диалога [7].

В основу этой формы философской практики положены принципы работы с внутренней и внешней речью. Философы прекрасно понимают, что внешняя речь человека не всегда соответствует тому, о чем он думает, более того, поскольку внешняя речь большей частью автоматична, во-первых, те или иные высказывания человека могут вообще не выражать никакой мысли, а целиком и полностью относиться к проявлениям его эмоционального состояния; во-вторых, зачастую человек прибегает к внешней речи с целью замаскировать, скрыть реальные мысли о себе, об окружающих или о ситуации, невольно вводя в заблуждение себя и других. Поэтому задачей философа является «примирить» собеседника с его собственной речью, т. е. открыть для него рефлексивный план анализа своих речевых высказываний для обнаружения тех скрытых мыслей, которые маскирует внешняя речь. Данная философская практика оказывается весьма эффективной как для прояснения смысла понятий, используемых во внешней речи, так и для прояснения смысла проблем, возникающих в тех или иных ситуациях, мешающих человеку в решении определенных жизненных задач.

Нами было выявлено, что философская практика в рамках «развивающего подхода» дает также новое понимание экологической проблематики [5]. Философская практика побуждает конкретное «вот-бытие» обращаться к самим своим основаниям. Если у законодателей, например, существуют инструменты для оценки полезности и индикаторы эффективности применяемых мер (статистика, рост или снижение преступности и др.), то у философов-практиков такого мерительного инструментария нет. Следовательно, эффективность философской практики показывается и доказывается каждым конкретным «вот-бытием». Философ может лишь обратиться к другому и предложить ему поучаствовать в совместном создании наброска одного из «возможных миров». Корни экологической проблематики потаены в присутствии человека и в его отношении к миру. М. Хайдеггер выделяет два рода мышления – калькуляцию и осмысляющее раздумье. Калькулирующее мышление неразрывно связано с планированием

и проектированием. Вручая себя будущему, человек жертвует настоящим и теми условиями, в которые он помещен. Калькулирующее мышление относится к среде как средству. Отношение к окружающей среде определяется ее полезностью для реализации поставленных задач. В качестве средства окружающая среда «состоит-в-наличии» и интегрируется в производственные процессы, служит цели. Философская практика побуждает бытие-присутствие обратиться к самому себе. Изменить способ своего бытия в мире можно только в результате осознания падения присутствия и несостоятельности собственных убеждений. Для того чтобы осознать падение присутствия, нужно слышать философию и говорить с ней.

Синтез подходов философского консультирования и практики образования детей и взрослых

Авторы и адепты завоевавшей всемирную известность программы «Философия для детей» (М. Липман, Э. Шарп) считают, что «детское философствование» – это прежде всего эффективный рычаг для развития критического, рефлексивного, исследовательского мышления. Они также полагают, что ребенок способен мыслить абстрактно, а перцептивное и аффективное восприятие мира невозможно без «мышления высшего порядка», поэтому философские рассуждения вполне доступны мышлению детей [20]. Американский исследователь Г. Б. Метьюз считает, что наивное философствование детства помогает глубже понять суть самой философии [24].

Нами была проведена апробация возможности синтеза подходов философского консультирования и практики образования детей и взрослых. В ходе анализа материалов группового философского консультирования детей, которые учатся в Мотессори-центре «Школа разума», мы установили, что если с должным вниманием подходить к детским интерпретациям повседневной жизни, то можно обнаружить некие универсальные основания философствования, встроенные в процесс освоения (присвоения) ребенком символической реальности культуры [13]. Наивное философствование детства представляет собой основополагающий мыслительный и экзистенциальный опыт человека.

Теперь, что касается практики образования взрослых. Систематизация материала ознакомительных курсов «Теория и практика философского консультирования», которые проводились нами для работников образо-

вания, его критический анализ позволили нам выработать рекомендации об особенностях, возможностях и перспективах использования опыта философской практики. В деле приобщения к философской традиции следует руководствоваться простым принципом, как в шахматной игре: «белыми» будет играть не преподаватель, а студент. То есть не преподаватель, а студент будет обладать инициативой и делать первый ход в виде его собственных, очень конкретных и частных мировоззренческих проблем и жизненных вопросов, которые волнуют его лично. Задачей же философа-преподавателя будет «вывести» эти проблемы на философский уровень, с тем чтобы показать, как можно работать с ними в сфере абстрактного, для того чтобы понять смысл и суть того конкретного, что волнует студента «по жизни». Осуществив такую работу, преподаватель поможет студенту занять философскую позицию по отношению к своей мировоззренческой проблеме, которая, возможно, и послужит моментом ее диалектического снятия, откроет для него новую жизненную перспективу и, несомненно, станет значимым фактором приобщения к философской традиции.

Результаты

Таким образом, результатами нашего исследования являются: сравнительно-исторический анализ направлений и школ философской практики, построение типологии философской практики; сравнительно-исторический анализ российского и мирового опыта философской практики; выявление особенностей философской практики применительно к каждому подходу, представленному в нашей типологии, на основе анализа литературы, а также на основе интервью или личного участия в индивидуальном или групповом консультировании представителей той или иной школы или направления философской практики; апробация возможности синтеза подходов философского консультирования и практики образования детей и взрослых, а также практики экзистенциальной психотерапии и гуманистической психологии.

1. Богданова В. О. Практика феноменологической редукции в философском осмыслении сознания: компаративистский подход // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 128–133.

2. Богданова В. О. Философская практика одиночества: экзистенциальное расширение

границ сознания // Философская мысль. 2017. № 10. С. 126–138.

3. Борисов С. В. Философская практика и экзистенциальная психотерапия: точки соприкосновения // Случевские чтения: феноменология и экзистенциальная психотерапия. СПб. : Коста, 2016. С. 88–102.

4. Бренифье О. На семинарах необходимо задавать ритм мышления // Event-Маркетинг. 2013. № 3. С. 218–223.

5. Дыдров А. А. Экологическая проблематика в контексте футуризации образования: философский ракурс // Бытие человека: проблема единства в многообразии современного мира. Челябинск : Цицеро, 2017. С. 146–151.

6. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М. : Республика, 2003. 494 с.

7. Макаров А. И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия, социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 121–125.

8. Кузанский Николай. Книги простецы // Николай Кузанский. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1979.

9. Резвущин К. Е. Шизотипическая личность в онтоантропологическом аспекте: к проблеме аутентичности в патологии // Личность в норме и патологии. Челябинск : Печатный двор, 2017. С. 184–186.

10. Achenbach G.B. Die Philosophische Praxis und die Zukunft der Psychotherapie // Psychotherapie Forum. 2006. No 14. S. 131–135.

11. Achenbach G.B. Philosophische Praxis. Vorträge u. Aufsätze. Köln : Dinter, 1984.

12. Achenbach G.B. Zur Einführung der Philosophischen Praxis: Vorträge, Aufsätze, Gespräche und Essays, mit denen sich die Philosophische Praxis in den Jahren 1981 bis 2009 vorstellte. Eine Dokumentation. Köln : Dinter, 2010.

13. Borisov S. Naive philosophizing in the life of a child // NB: Philosophical researches. 2013. No 11. P. 184–193.

14. Brenifier O. The Art of Philosophical Practice: Philosophical Attitudes // *Socium i vlast*. 2018. No 1 (69). P. 73–79.

15. Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault. Malden ; MA : Blackwell, 1995.

16. Holzhey-Kunz A. Leiden am Dasein. Die philosophische Dimension psychischen Krankseins // Философия и психотерапия. СПб. : Анатолия, 2014. С. 16–30.

17. Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick, Vermont : Loyev Books, 2016.

18. Lahav R. Philosophical Practice – Quo Vadis? // *The Philosophy Clinic*. London : Cambridge Scholars Press, 2016.

19. Lahav R. Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation. Hardwick ; Vermont: Loyev Books, 2016.

20. Lipman M. Brave old subject, brave new world // *History, Theory and Practice of Philosophy for Children: International Perspectives*. London ; New York : Taylor and Francis, 2017. Pp. 12–17.

21. Marinoff L. Philosophical practice. San Diego : Academic Press, 2002.

22. Marinoff L. Plato, not prozac! Applying philosophy to everyday problems. New York : Harper Collins, 1999.

23. Marinoff L. Thus spake settembrini: A meta-dialogue on philosophy and psychiatry // *Philosophy and Psychiatry*. Berlin : De Gruyter, 2004. P. 27–49.

24. Matthews G.B. The Philosophy of Childhood. London : Harvard University Press, 1994.

25. Philosophy a School of Freedom: Teaching philosophy and learning to philosophize. Paris : UNESCO Publishing, 2007.

References

1. Bogdanova V.O. (2017) *Socium i vlast'*, no. 5 (67), pp. 128–133 [in Rus].

2. Bogdanova V.O. (2017) *Filosofskaja mysl'*, no. 10, pp. 126–138 [in Rus].

3. Borisov S.V. (2016) *Filosofskaja praktika i jekzistencial'naja psihoterapija: točki soprikosnovenija* // *Sluchevskie chtenija: fenomenologija i jekzistencial'naja psihoterapija*. St. Petersburg, Kosta, pp. 88–102 [in Rus].

4. Brenif'e O. (2013) *Event-Marketing*, no. 3, pp. 218–223 [in Rus].

5. Dydrov A.A. (2017) *Jekologicheskaja problematika v kontekste futurizacii obrazovanija: filosofskij rakurs* // *Bytie cheloveka: problema edinstva v mnogoobrazii sovremennogo mira*. Cheljabinsk, Cicero, pp. 146–151 [in Rus].

6. D'jui D. (2003) *Rekonstrukcija v filosofii. Problemy cheloveka*. Moscow, Respublika, 494 p. [in Rus].

7. Makarov A.I. (2012) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija, sociologija i social'nye tehnologiju*, no. 3, pp. 121–125 [in Rus].

8. Nikolaj Kuzanskij (1979). *Knigi prosteca* // Nikolaj Kuzanskij. *Sochinenija: v 2 t. T. 1*. Moscow, Mysl' [in Rus].

9. Rezvushkin K.E. (2017) *Shizotipicheskaja lichnost' v ontoantropologicheskom aspekte:*

k probleme autenticnosti v patologii / Lichnost' v norme i patologii. Cheljabinsk, Pechatnyj dvor, pp. 184–186 [in Rus].

10. Achenbach G.B. (2006) *Psychotherapie Forum*, no. 14, pp. 131–135 [in Eng].

11. Achenbach G.B. (1984) *Philosophische Praxis. Vorträge u. Aufsätze*. Köln, Dinter [in Germ].

12. Achenbach G.B. (2010) *Zur Einführung der Philosophischen Praxis: Vorträge, Aufsätze, Gespräche und Essays, mit denen sich die Philosophische Praxis in den Jahren 1981 bis 2009 vorstellte. Eine Dokumentation*. Köln, Dinter [in Germ].

13. Borisov S. (2013) *NB: Philosophical researches*, no. 11, pp. 184–193 [in Eng].

14. Brenifier O. (2018) *Socium i vlast*, no. 1 (69), pp. 73–79 [in Eng].

15. Hadot P. (1995) *Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault*. Malden, MA, Blackwell [in Eng].

16. Holzhey-Kunz A. (2014) *Leiden am Dasein. Die philosophische Dimension psychischen Krankseins // Filosofija i psihoterapija*. St. Petersburg, Anatolija, pp. 16–30 [in Eng].

17. Lahav R. (2016) *Handbook of Philosophical Companionships*. Hardwick, Vermont, Loye Books [in Eng].

18. Lahav R. (2016) *Philosophical Practice – Quo Vadis? // The Philosophy Clinic*. London, Cambridge Scholars Press [in Eng].

19. Lahav R. (2016) *Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation*. Hardwick, Vermont, Loye Books [in Eng].

20. Lipman M. (2017) *Brave old subject, brave new world // History, Theory and Practice of Philosophy for Children: International Perspectives*. London, New York, Taylor and Francis, pp. 12–17 [in Eng].

21. Marinoff L. (2002) *Philosophical practice*. San Diego: Academic Press [in Eng].

22. Marinoff L. (1999) *Plato, not prozac! Applying philosophy to everyday problems*. New York, Harper Collins [in Eng].

23. Marinoff L. (2004) *Thus spake settembrini: A meta-dialogue on philosophy and psychiatry // Philosophy and Psychiatry*. Berlin, De Gruyter, pp. 27–49 [in Eng].

24. Matthaws G.B. (1994) *The Philosophy of Childhood*. London, Harvard University Press [in Eng].

25. *Philosophy a School of Freedom: Teaching philosophy and learning to philosophize*. Paris, UNESCO Publishing, 2007 [in Eng].

For citing: Borisov S.V.

Theory and practice of philosophic consulting: comparative approach // *Socium i vlast'*. 2018. № 2 (70). P. 103–110.

UDC 101.9

THEORY AND PRACTICE OF PHILOSOPHIC CONSULTING: COMPARATIVE APPROACH

Borisov Sergey Valentinovich,

South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, Lenina St., 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The problem of the research is a set of issues connected with cultural and historical, theoretical-methodological and institutional aspects of rising and developing of such a new direction in modern philosophy as philosophic practice (philosophic consulting). The research is devoted to working out the theory for summarizing, systematizing and interpreting a large amount of empiric material, gathered for the thirty-year history of this philosophic direction existence. On the basis of this theory there will appear a possibility of historic-philosophic view of the direction. The key condition for the research is the use of comparative approach setting strict criteria for comparative analysis of philosophic conceptions, basic notions, forms and ways of philosophizing used in philosophic practice. Our research gives the opportunity to define the basic principles, build up typology of ideas, approaches, schools and sects of philosophic practice. It is the first complex study aimed at bringing to light the role and place of philosophic practice in modern culture, which may become the starting point for new inter-disciplinary philosophic researches in this sphere.

Key concepts:

philosophy,
philosophizing,
philosophic practice,
comparative approach,
existentialism,
phenomenology,
psychotherapy.

Для цитирования: Товбин К. М.,
Аторин Р. Ю. Кожурин К. Я.
Старообрядоведение
в культуротворческом ракурсе //
Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 104–122.

УДК 111-141.2-130.2

СТАРООБРЯДОВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОМ РАКУРСЕ¹

Товбин Кирилл Михайлович,

Сахалинский государственный университет,
доцент, кандидат философских наук.
Российская Федерация, 693000,
г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290.
E-mail: kimito@yandex.ru

Аторин Роман Юрьевич,

Российский государственный аграрный
университет им. К. А. Тимирязева, доцент,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 127550, г. Москва,
ул. Тимирязевская, 49.
E-mail: atorin85@yandex.ru.

Кожурин Кирилл Яковлевич,

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, доцент,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 191186,
г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48.
E-mail: kozhurin@list.ru.

Аннотация

В статье описывается актуальность создания научной антологии, посвящённой русскому старообрядчеству в его истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано для современного научного сообщества для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций.

Старообрядчество, выработав за столетия своего параллельного сосуществования с Российской империей собственные противодействия западническому курсу, в наши дни является арсеналом духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-политических реалий. Для полноты изучения старообрядческого феномена в антологию должны быть включены как основные старообрядческие тексты, так и знаковые исследовательские и философские работы, посвящённые староверию. Подбор старообрядческих текстов должен иллюстрировать различные течения старообрядческой мысли в разные эпохи, представляющие древлеправославие как идеологию, как мировоззрение, как ментальность, как образ жизни. Подбор текстов о старообрядчестве должен дать объективную картину места древлеправославия в истории и современности России. Редакторская работа должна строиться на предварительно выработанной методологии, препятствующей восприятию староверия в этнографическом или историко-музейном формате. Староверие должно быть представлено читателю в свете своих нынешних культуротворческих возможностей.

Ключевые понятия:

старообрядчество,
староверие,
древлеправославие,
антология,
старообрядоведение,
«параллельная Россия»,
русская цивилизация,
русская культура.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е – основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошёл к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, мбгущим вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таковых прецедентов весьма немного, но одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество. За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало; учёные-старообрядоведы всё чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов – в области семиотики [28; 62] и аналитической культурологии [10; 46; 55; 57], исследований старообрядческой ментальности [75; 8; 81; 79] и повседневности [31], смелых обобщений: биографических [30; 29; 32], историко-софских [12; 17; 25; 33; 58; 61; 70; 74; 77], кросс-культурных [1; 13], социально-философских [9; 45; 64] и геополитических [5; 19; 34, с. 263–270; 73; 78; 82].

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество – его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990-2000-е годы, чему свидетельством является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия старообрядческих деятелей в общественно-политической деятельности [16], и популярность самих тем древлеправославия и Раскола в современном медийном дискурсе [18, с. 135].

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западничеству и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки старообрядцы планомерно создали свой социально-экономическое фено-

мен [49], всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов [47; 52; 76; 80], российской научно-технической и экономической модернизации [24, с. 61; 60, с. 112], просвещению и демократизации общества [39, с. 45], вдохновляли русскую творческую интеллигенцию [15, с. 45; 20, с. 89–90].

Старообрядчество, возникнув в XVII веке как контрсекулярный проект, противостоящий как светской, государственнической линии, так и линии клерикальной (представляющей собой смягчённый, поверхностно сакрализованный секуляризм), обращалось к древности не как к примерам социальной и духовной устойчивости (в отличие от консерваторов, в особенности «никониан»), но как к собранию прецедентов борьбы Православия против наступления Нового времени. Это породило в староверии несколько полюсов: *охранительный* (воплотившийся в стратегии Бунта, непочинения обмирщённой власти, вплоть до ритуальных самоожжений), *политический* (стратегия Возвращения, обусловившая череду народных восстаний с заметным участием старообрядцев¹) и *традиционалистический* (стратегия Исхода, обосновавшая необходимость создания «островков древнего благочестия» – древлеправославных общин, образа жизни, особого уклада, пропитанного богослужением). Третья стратегия оказалась наиболее живучей, в её русле было создано множество старообрядческих локальных поселений (Выго-Лексинское общезиельство в Речи Посполитой, община Игната Некрасова в Турции, живописанные Мельниковым-Печерским монастыри на Иргизе, австрийские местечки белокриницких староверов, маньчжурские поселения до 1930-х, современные старообрядческие сообщества в США, Канаде, Бразилии), которые в терминологии современных анархистов можно назвать постоянными автономными зонами. Эти поселения на окраинах России и за её пределами осуществили действительную ментальную «контрреволюцию»: при минимальном соприкосновении с «миром сим» расцвела мощная, самобытная и почти самодостаточная «параллельная Россия».

Как реализация стратегии Исхода возникли старообрядческие согласия, в разной степени сознававшие наступление Нового

¹ Эти факты находят отражение в современных конспирологических фантазиях о спонсировании древлеправославными купцами социал-демократических революционеров.

времени и предлагавшие способы предохранения от десакрализации. Во-первых, это *беспоповцы*, провозгласившие наступление «духовного антихриста», начало последнего, апокалиптического, периода мировой истории, замедляемое только повседневным благочестием и ритуалом в останках Третьего Рима – древлеправославных общинах. Беспоповство разделилось на несколько векторов: умеренный в сопротивлении государству и новому порядку вещей (поморцы); радикальный (филипповцы, федосеевцы), отрицавший возможность соприкосновения с «грехопадшей» действительностью во избежание собственной «порчи»; маргинальный (нетовцы, бегуны), рассматривающий существование в апостасийном мире как героическое и спасительное мученичество за Христа.

Во-вторых, это *поповцы*, отрицавшие наступление власти антихриста. Поповцы считали государство и государственную Церковь существенно подпорченными, оскверняющими при погружении в них, но содержащие элементы Божественной благодати, благодаря которым Священное в мире продолжает действовать и к нему можно прикоснуться (например, получив священническое рукоположение). В-третьих, это *единоверцы*, возникшие как либерализация поповского направления: Священное не отъято от мира и «никонианской» Церкви, оно затемнено неполноценным ритуалом. Соответственно, внутри этой Церкви полноценное исполнение древнего ритуала может привести к спасению; кроме того, не будет фактора «расколничества», приводящего к главному антропоцентрическому отходу от Традиции – гордыне. Отдельно, четвёртым блоком, можно выделить *часовенное* согласие – текучее, вынужденно беспоповское, однако допускающего возможность плодотворного контакта с окружающей реальностью.

Соприкосновение с государством, обусловившее само возникновение старообрядчества как версии русского православия – религии сакральной государственности – привнесло в старообрядчество его основную силу и слабость. Сила заключалась в умении получать от «отступнического» государства определённые возможности, социальные и экономические. Кроме того, на универсальном языке Модерна – экономике – старообрядцы весьма деятельно влияли на государственную политику, порой даже напрямую. Слабость заключалась в самой сцепке с государством, духовно дей-

ствующей в одностороннем порядке только при условии сохранения старообрядческого ядра – естественного, общинного, патриархального и ритуализованного уклада. При исчезновении этого центра пространство светскости начинало влиять на старообрядчество, обмирщая его и постепенно переводя на уровень идеологии.

С Раскола XVII века староверы являли себя последовательными традиционалистами – их целью было не только сохранение существующей духовности, но и возврат к «каноничности» Древней Руси и Византии. «Каноничность», к которой обращались староверы, имела мощное цивилизационное основание – она складывалась как система прецедентов, фиксирующих постепенное наступление Нового времени, задвигающего Священное. Эта причина не дала староверам возможности замкнуться в семиотическом сектантском гетто, они были вынуждены постоянно соприкасаться с Современностью, являя себя носителями контрсекулярного проекта, «параллельной России». Вырвавшись из имперской ментальности, старообрядцы осуществили три социально-политических стратегии, условно обозначаемых как *Бунт*, *Возвращение* и *Исход*. Бунт – это героический и эсхатологический отказ принять окружающую реальность; он выражался как в череде инициированных староверами восстаний «Бунташного века» (и далее – вплоть до пугачёвщины), так и в пассивной форме – через вереницу самосожжений, давших русской народной культуре ярчайшие примеры последовательности в неприятии Современности. Возвращение – это более профанные, политизированные попытки реставрации «Старой Веры». «Исход» – основная старообрядческая стратегия – это обособление от окружающей «грехопадшей» реальности через географическое отдаление на окраины империи и через отдаление семиотическое – выстраивание собственного жизненного уклада, богословия, хозяйствования. На основе этой стратегии основная часть староверов создала сплочённые и крепкие общины, замечательно сохранившие элементы русской традиционной культуры, причём в живом и деятельном виде.

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях [41, с. 196], но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды – вплоть до создания своих «островков Святой Руси»

на инокультурной чужбине [4; 3; 43; 54; 59, с. 40–41; 71]. В отличие от иных примеров «параллельной России» – хлыстов, скопцов или субботников, староверы были чужды сковывающего интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру [44, с. 16–17]. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия всё время его существования [63, с. 115], но она всегда с избытком перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества [22, с. 70, 72].

Древлеправославие – духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлексию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни [68, с. 21–26]. Старообрядчество во всём цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самим цивилизационным основаниям России – во многом, сохранение этих оснований является заслугой староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творчества, материального и духовного [36, с. 30–31]. С XIX века старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «русского модерна» во всех его направлениях, от традиционалистского до авангардистского [37, с. 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий – богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты – всегда вдумчиво изучали западнический дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственно-сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [6, с. 239; 66, с. 81], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность [21, с. 88–89]. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин – условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа [67, с. 55–56].

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трёхсотлетнюю

историю [7, с. 71], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самоожоженцы встречали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере, – поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [56, с. 79–80].

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной, национальной демократии. Начала соборности, истари присущие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточным хозяйственными общинами: Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волонтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [79, с. 74–75]. Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуналки и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих согласиях [69, с. 112–113].

История старообрядческой мысли и письменности – кладёзь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д. С. Лихачёва [38, с. 288] и А. И. Солженицына [65, с. 295], в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители [2]. Однако имеются весьма серьёзные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых – музейное представление о староверии, на другом – фантастическое, не подтверждённое реальной жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию Раскола XVII века: его причины, ход, последствия – все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [48]. Для этого состав антологии должен быть лишён ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия – культ образованности и книжности [35, с. 52–54], логоцентризм и сохранность языка [53, с. 100], соборность и здравый патриотизм [14, с. 11], самоорганизация и сетевые коммуникации [42, с. 245], патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований [26, с. 23] – не являлись изначально продуктами некоей старообрядческой идеологии [11, с. 237]. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, проходя конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей своё присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен [23, с. 17; 50, с. 120].

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение по-

литического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Конкретнее, сборник, во-первых, должен содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всём их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Второй блок должен включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственном формате;
- работы либеральных историков, переоткрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX века – времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России [27, с. 277–278; 40, с. 7; 51, с. 28–29; 72, с. 82].

Третий блок должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведённый перечень не является планом антологии; конкретная структура и перечень включённых текстов и отрывков требовали предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящён отдельный очерк.

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиоведческие справки, должны перенести древлеправосла-

вие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители – известные исследователи разных сторон старообрядчества – в ряде вопросов находятся на разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю – в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данных староверия.

Подытожим: антология актуальна не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. Поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема иной статьи.

1. Агеева Е. А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БурятГУ, 2015. С. 20–26.

2. Антонов А. В. Царский путь // Родина. 1998. № 1. С. 18.

3. Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76–93.

4. Аргудяева Ю. В. Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. 2012. № 2. С. 9–20.

5. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку. Владивосток : ДВО РАН, 2013.

6. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Религия и религиозные организации в правовом поле Российского государства // Lex Russica. 2016. 12 (121). С. 237–243.

7. Асонов Н. В. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7. С. 71–74.

8. Аторин Р. Ю. Религиозное мировоззрение протопопы Аввакума и влияние его деятельности на развитие экклесиологии старообрядчества : дис. ... канд. филос. наук. Белгород : БелГУ, 2009.

9. Баев В. Г., Воронова-Оренбургская С. О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 22. № 30. С. 27–31.

10. Баев В. Г., Давыденкова А. Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 220–228.

11. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ. С. 237.

12. Бобков А. И. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 57–62.

13. Бубнов Н. Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4 (56). С. 54–63.

14. Быконя Г. Ф. О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 8–14.

15. Бытко С. С. Новые сведения о восприятии старообрядцев творческой ответственностью во второй половине XIX века // Никоновские чтения : в 2 т. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / ред. М. С. Уколова, А. С. Никитина. Чебоксары : Изд-во ЧувашГПУ, 2016. С. 42–49.

16. Верняев И. И. Старообрядчество и власть в постсоветской России // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 192–208.

17. Глинчикова А. Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? М. : Культурная революция, 2008.

18. Глинчикова А. Г., Синеокая Ю. В., Степанянц М. Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 133–152.

19. Дутчак Е. Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 163–172.

20. Жукоцкий В. Д. Русская интеллигенция и религия: опыт историософской реконструкции смысла // Философия и общество. 2001. № 1 (22). С. 87–114.

21. Заплетина С. Н. Социально-психологические аспекты благотворительности в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 1. С. 87–92.

22. Знатнов А. В. Противление злу ненасилием, или Культура мира в старообрядческой книжности // Румянцевские чтения : материалы науч.-практ. конф. «Книга и культура мира в России» (20–21 апреля 2000 г.). М. : Пашков дом, 2000. С. 69–77.
23. Иоаниди А. Ф., Шелпаков Ю. Ф. Религиозный фактор и военная безопасность Российской Федерации // Наука и военная безопасность. 2016. № 2 (5). С. 15–18.
24. Карнышев А. Д. Взаимодействие религиозных и психолого-экономических установок в традициях и инновация старообрядчества // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 4. С. 59–70.
25. Керов В. В. Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 111–125.
26. Ковригина И. А. Старообрядческая педагогика как пример межпоколенной трансмиссии традиционных ценностей // Образование и культурный капитал : сб. науч. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. / ред. С. В. Пишун. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2016. С. 22–27.
27. Кожурин А. Я., Кожурин К. Я. Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX – начала XX века // Известия СПбГАУ. 2014. № 36. С. 277–284.
28. Кожурин К. Я. Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. С. 69–77.
29. Кожурин К. Я. Боярыня Морозова. М. : Молодая гвардия, 2012.
30. Кожурин К. Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб. : Питер, 2007.
31. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М. : Молодая гвардия, 2014.
32. Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум: жизнь за веру. М. : Молодая гвардия, 2013.
33. Кожурин К. Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ. 2015. № 5. С. 55–58.
34. Коровин В. М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. М. : Язус : Эксмо, 2009.
35. Кузнецова Н. Ю., Ружинская И. Н. Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4 (16). С. 50–61.
36. Куропаткина О. В. Роль религии в нациестроительстве современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1 (33). С. 26–38.
37. Лазаревич М. А. Традиции меценатства в древлеправославии // Актуальные вопросы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ред. С. В. Демидов. Рязань : Созвездие, 2016. С. 42–44.
38. Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси // Д. С. Лихачёв. Избранные работы : в 3 т. Т. 2. Л. : Худож. лит., 1987. С. 280–297.
39. Маджаров А. С. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С. М. Соловьёв, А. П. Щапов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 40–49.
40. Маслова Ю. В. Типология взглядов русских мыслителей на старообрядчество // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 74–90.
41. Матющенко В. С. Проблема религиозной идентичности в контексте понимания особенностей старообрядчества // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2015. Т. 14. С. 194–201.
42. Миняева С. Б. Старообрядцы-странники как первая организация сетевого типа в России // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. : 2 т. / ред. В. Я. Баркалов, А. В. Иванов. Т. 1. Барнаул : Си-пресс, 2012. С. 245–249.
43. Моррис Р. А., Моррис (Юмсунова) Т. Б. Русские староверы на Аляске // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 115–122.
44. Мудрик А. В. Социализация у старообрядцев: подход к проблеме // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 14–18.
45. Муравьёв А. В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. 2010. № 10. С. 35–47.
46. Мурашова Н. С. Персоносфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 71–85.
47. Нимаев Д. Д., Имихелов А. В. Этнокультурные и этнодемографические процессы в Сибири (XVII – начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 50–60.
48. Новиков А. Г. Роль церковного раскола XVII века в формировании российской

цивилизации // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 1. С. 11–18.

49. Носырев И. Стяжательство или неизбежность? // Родина. 2013. № 7. С. 82–85.

50. Осипов И. В., Падалкина В. В., Сажина В. А. Российское старообрядчество в системе государственно-конфессиональных отношений // Государственное управление. 2017. № 63. С. 116–135.

51. Перекрёстов Р. И. Из истории взаимоотношений старообрядцев с кружком А. И. Герцена // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 14 / ред. В. И. Осипов. М. : Музей истории и культуры старообрядчества, 2012. С. 28–34.

52. Пермиловская А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2 (32). С. 155–163.

53. Плотникова А. А. Славянские островные ареалы в этнолингвистическом аспекте // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 99–114.

54. Попова О. В. Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7 (182). С. 173–181.

55. Потехина Е. А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. 2017. Vol. 2. № 1. С. 77–89.

56. Пругавин А. С. Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе // Русская мысль. 1885. № 1. С. 77–155.

57. Пулькин М. В. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 96–103.

58. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М. : Концептуал, 2016.

59. Расков Д.Е. Бегство от мира и земной успех: экономическая культура зарубежных староверов // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 4 (30). С. 37–53.

60. Расков Д. Е. Старообрядческая традиция и Постмодерн // Философия хозяйства. 2004. № 2. С. 111–124.

61. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012.

62. Расков Д. Е. Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. 2012. № 6. С. 82–94.

63. Романова А. П., Канатьева Н. С., Топчиев М. С. Конфессиональный Чужой: вестиментарные маркеры старообрядчества //

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. №. 3 (48). С. 111–117.

64. Романова Е. В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2012.

65. Солженицын А. И. Письмо из Америки // А. И. Солженицын. Публицистика : в 3 т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 293–305.

66. Столбов В. П. К вопросу о симфонии государства и религии (историософский аспект) // Известия вузов. Сер. Экономика, финансы и управление производством. 2017. № 3 (33). С. 80–92.

67. Товбин К. М. «Параллельная Россия»: старообрядческие локусы как возрождение Святой Руси в эпоху Модерна // Вестник Российской нации. 2013. № 3–4. С. 41–63.

68. Товбин К. М. Концепция «Москва – третий Рим» в русском православном старообрядчестве. 2-е изд., испр. СПб. : Археодоксия, 2014.

69. Товбин К. М. Пострелигия и её становление в русском старообрядчестве. М. : Этносоциум, 2014.

70. Товбин К. М. Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1. С. 109–120.

71. Товбин К. М., Семичаевский А. В., Соколов В. В. Старообрядцы Русской Америки как пример современного традиционализма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 156. № 22 (4). С. 227–234.

72. Урушев Д. А. Иван Сергеевич Тургенев и русское старообрядчество // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 82–89.

73. Урушев Д. А. Начало русской драмы // История в подробностях. 2013. № 7 (37). С. 20–25.

74. Урушев Д. А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. М. : Вече, 2013.

75. Урушев Д. А. Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. 2010. № 4. С. 116–123.

76. Фаткуллина Р. Р., Попова О. В. Географический аспект трансформации природопользования старообрядцев в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 6 (181). С. 217–228.

77. Хирьянова Л. В. Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной ста-

рообрядческой культуры // Общество и этнополитика : материалы III науч.-практ. конф СИБАГС / ред. Л. В. Савинов Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2010. С. 209–216.

78. Хисамутдинов А. А. Русская Аляска и православие. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2015.

79. Чистяков Г. С. Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья : тр. Всерос. науч. конф к 40-летию полевых археограф. исслед. МГУ им. М. В. Ломоносова. Ч. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль, 2008. С. 73–75.

80. Чуркин М. К. Сценарии и опыт модернизации империи в условиях освоения окраин // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 1. С. 4–11.

81. Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М. : Изд-во РАГС, 2001.

82. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь : в 2 т. М. : Яск, 2002.

References

1. Ageeva E.A. (2015) Staroobryadtsy v musul'manskom okruzhenii: opyt vzaimodeystviya // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy I MNPK. Ulan-Ude, Izd-vo BuryatGU, pp. 20–26 [in Rus].

2. Antonov A.V. (1998) *Rodina*, no. 1, p. 18 [in Rus].

3. Argudyaeva YU.V. (2014) *Religiovedenie*, no. 1, pp. 76–93 [in Rus].

4. Argudyaeva YU.V. (2012) *Religiovedenie*, no. 2, pp. 9–20 [in Rus].

5. Argudyaeva YU.V., Hisamutdinov A.A. (2013) Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku. Vladivostok, DVO RAN [in Rus].

6. Arefev M.A., Davydenkova A.G. (2016) *Lex Russica*, no. 12 (121), pp. 237–243 [in Rus].

7. Assonov N.V. (2008) *Vlast'*, no. 7, pp. 71–74 [in Rus].

8. Atorin R.YU. (2009) Religioznoe mirovozzrenie protopopa Avvakuma i vliyanie ego deyatel'nosti na razvitie ekklesiologii staroobryadchestva. Abstract of thesis. Belgorod, BelGU [in Rus].

9. Baev V.G., Voronova-Orenburgskaya S.O. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.*

Sotsiologiya. Kul'turologiya, вып. 22, no. 30, pp. 27–31 [in Rus].

10. Baev V.G., Davydenkova A.G. (2012) *Vestnik LenGU im A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 220–228 [in Rus].

11. Bakulov V.D. *Sotsiokul'turnye metamorfozy utopizma*. Rostov on Don, RGU [in Rus].

12. Bobkov A.I. (2017) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, vol. 19, pp. 57–62 [in Rus].

13. Bubnov N.Yu. (2016) *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*, no. 4 (56), pp. 54–63 [in Rus].

14. Bykonya G.F. (2017) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, vol. 21, pp. 8–14 [in Rus].

15. Bytko S.S. (2016) *Novye svedeniya o vospriyatii staroobryadsev tvorcheskoy obshchestvennost'yu vo vtoroy polovine XIX veka // Nikonovskie chteniya: v 2 t. T. 1. Aktual'nye voprosy kul'turologii i iskusstvovedeniya*. Cheboksary, ChuvashGPU, pp. 42–49 [in Rus].

16. Vernyaev I.I. (2017) *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 2 (19), pp. 192–208 [in Rus].

17. Glinchikova A.G. (2008) *Raskol ili sryv "russkoy Reformatsii"?* Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya [in Rus].

18. Glinchikova A.G., Sineokaya YU.V., Stepanyants M.T. (2017) *Filosofskiy zhurnal*, vol. 10, no. 3, pp. 133–152 [in Rus].

19. Dutchak E.E. (2010) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 163–172 [in Rus].

20. Zhukotskiy V.D. (2001) *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1 (22), pp. 87–114 [in Rus].

21. Zapletina S.N. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 17, no. 1, pp. 87–92 [in Rus].

22. Znatnov A.V. (2000) *Protivlenie zlu nenasiliem, ili Kul'tura mira v staroobryadcheskoy knizhnosti // Rumyantsevskie chteniya: Materialy NPK "Kniga i kul'tura mira v Rossii" (20–21 aprelya 2000 g.)*. Moscow, Pashkov dom, pp. 69–77 [in Rus].

23. Ioanidi A.F., Shelpakov YU.F. (2016) *Nauka i voennaya bezopasnost'*, no. 2 (5), pp. 15–18 [in Rus].

24. Karnyshev A.D. (2011) *ZHurnal institutsional'nykh issledovaniy*, vol. 3, no. 4, pp. 59–70 [in Rus].

25. Kerov V.V. (2010) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 111–125 [in Rus].

26. Kovrigina I.A. (2016) *Staroobryadcheskaya pedagogika kak primer mezhpokolennoy transmissii traditsionnykh*

tsennostey // *Obrazovanie i kul'turnyy kapital: sbornik nauchnyh statey II VNPk. Vladivostok, Izd-vo DVFU*, pp. 22–27 [in Rus].

27. Kozhurin A.Ya., Kozhurin K.Ya. (2014) *Izvestiya SPbGAU*, no. 36, pp. 277–284 [in Rus].

28. Kozhurin K.Ya. (2012) *Vestnik LenGU im A.S. Pushkina*, no. 4, pp. 69–77 [in Rus].

29. Kozhurin K.Ya. (2012) Boyarynya Morozova. Moscow, Molodaya gvardiya [in Rus].

30. Kozhurin K.Ya. (2007) *Dukhovnye uchitelya sokrovennoy Rusi*. St. Petersburg, Piter [in Rus].

31. Kozhurin K.Ya. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' staroobryadtsev*. Moscow, Molodaya gvardiya [in Rus].

32. Kozhurin K.Ya. (2013) *Protopop Avvakum: ZHizn' za veru*. Moscow, Molodaya gvardiya [in Rus].

33. Kozhurin K.Ya. (2015) *Izvestiya SPbGAU*, no. 5, pp. 55–58 [in Rus].

34. Korovin V.M. (2009) *Glavnaya voennaya tayna SSHA. Setevye voyny*. Moscow, Yauza, Eksmo [in Rus].

35. Kuznetsova N.YU., Ruzhinskaya I.N. (2016) *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, iss. 4 (16), pp. 50–61 [in Rus].

36. Kuropatkin O.V. (2014) *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, vol. 7, no. 1 (33), pp. 26–38 [in Rus].

37. Lazarevich M.A. (2016) *Traditsii metsenatstva v drevlepravoslavii // Aktual'nye voprosy intellektual'noy istorii i gumanitarnogo znaniya v XXI veke: materialy MNPk. Ryazan', Sozvezdie*, pp. 42–44 [in Rus].

38. Likhachev D.S. (1987) *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi // D.S. Likhachiov Izbrannye raboty: v 3 t. T. 2*. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura, pp. 280–297 [in Rus].

39. Madzharov A.S. (2017) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, vol. 19, pp. 40–49 [in Rus].

40. Maslova Yr.V. (2016) *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no. 3, pp. 74–90 [in Rus].

41. Matyushchenko V.S. (2015) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, vol. 14, pp. 194–201 [in Rus].

42. Minyaeva S.B. (2012) *Staroobryadtsy-stranniki kak pervaya organizatsiya setevogo tipa v Rossii // Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya:*

materialy VI VNPk: v 2 t, t. 1. Barnaul, Si-press, pp. 245–249 [in Rus].

43. Morris R.A., Morris (YUmsunova) T.B. (2009) *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 115–122 [in Rus].

44. Mudrik A.V. (2015) *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no 2, pp. 14–18 [in Rus].

45. Murav'iov A.V. (2010) *Sotsial'naya real'nost'*, no. 10, pp. 35–47 [in Rus].

46. Murashova N.S. (2017) *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 45, pp. 71–85 [in Rus].

47. Nimaev D.D., Imikhelov A.V. (2011) *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, no. 2, pp. 50–60 [in Rus].

48. Novikov A.G. (2011) *Idey i ideally*, vol. 2, no 1, pp. 11–18 [in Rus].

49. Nosyrev I. (2013) *Rodina*, no. 7, pp. 82–85 [in Rus].

50. Osipov I.V., Padalkina V.V., Sazhina V.A. (2017) *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 63, pp. 116–135 [in Rus].

51. Perekriostov R.I. (2012) *Iz istorii vzaimootnosheniy staroobryadtsev s kruzhkom A.I. Gertsena // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*, vol. 14. Moscow, Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva, pp. 28–34 [in Rus].

52. Permilovskaya A.B. (2016) *Kul'tura i iskusstvo*, no. 2 (32), pp. 155–163 [in Rus].

53. Plotnikova A.A. (2016) *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 42, pp. 99–114 [in Rus].

54. Popova O.V. (2015) *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (182), pp. 173–181 [in Rus].

55. Potekhina E.A. (2017) *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 77–89 [in Rus].

56. Prugavin A.S. (1885) *Russkaya Mysl'*, no. 1, pp. 77–155 [in Rus].

57. Pul'kin M.V. (2012) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no. 2, pp. 96–103 [in Rus].

58. Pyzhikov A.V. (2016) *Grani russkogo raskola. Taynaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda*. Moscow, Kontseptual [in Rus].

59. Raskov D.E. (2016) *Idey i ideally*, vol. 1, no. 4 (30), pp. 37–53 [in Rus].

60. Raskov D.E. (2004) *Filosofiya khozyaystva*, no. 2, pp. 111–124 [in Rus].

61. Raskov D.E. (2012) *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva*. St. Petersburg, SPbGU [in Rus].

62. Raskov D.E. (2012) *Hristianskoe chtenie*, no. 6, pp. 82–94 [in Rus].

63. Romanova A.P., Kanat'eva N.S., Topchiev M.S. (2016) *Kaspiyskiy region: politika,*

ekonomika, kul'tura, no. 3 (48), pp. 111–117 [in Rus].

64. Romanova E.V. (2012) Massovye sozhzheniya v staroobryadchestve v Rossii v XVII-XIX vekakh. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta [in Rus].

65. Solzhenitsyn A.I. (1996) Pis'mo iz Ameriki // A.I. Solzhenitsyn. Publitsistika, t. 2: Obshchestvennye zayavleniya, pis'ma, interv'yu. Yaroslavl', Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 293–305 [in Rus].

66. Stolbov V.P. (2017) *Izvestiya vuzov. Seriya Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, no. 3 (33), pp. 80–92 [in Rus].

67. Tovbin K.M. (2013) *Vestnik Rossiyskoy natsii*, no. 3–4, pp. 41–63 [in Rus].

68. Tovbin K.M. (2014) Kontsepsiya "Moskva – tretiy Rim" v russkom pravoslavnom staroobryadchestve. St. Petersburg, Arkheodoksiya [in Rus].

69. Tovbin K.M. (2014) Postreligiya i eio stanovlenie v russkom staroobryadchestve. Moscow, Etnosotsium [in Rus].

70. Tovbin K.M. (2013) *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 1, pp. 109–120 [in Rus].

71. Tovbin K.M., Semichaevskiy A.V., Sokolov V.V. (2016) *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, vol. 156, no. 22 (4), pp. 227–234 [in Rus].

72. Urushev D.A. (2012) *Spasskiy vestnik*, no. 20, pp. 82–89 [in Rus].

73. Urushev D.A. (2013) *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 7 (37), pp. 20–25 [in Rus].

74. Urushev D.A. (2013) *Tayna Svyatoy Rusi: Istoriya staroobryadchestva v sobyitiyakh i litsakh*. Moscow, Veche [in Rus].

75. Urushev D.A. (2010) *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 116–123 [in Rus].

76. Fatkullina R.R., Popova O.V. (2015) *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (181), pp. 217–228 [in Rus].

77. Hir'yanova L.V. (2010) Mirovozzrencheskie predposylki tserkovnogo raskola XVII veka kak otrazhenie tendentsiy sovremennoy staroobryadcheskoy kul'tury // Obshchestvo i etnopolitika: materialy III NPK SibAGS. Novosibirsk, SibAGS, pp. 209–216 [in Rus].

78. Hisamutdinov A.A. (2015) *Russkaya Alyaska i pravoslavie*. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta [in Rus].

79. Chistyakov G.S. (2008) Staroobryadcheskaya sobornost' kak forma konservativnoy demokratii // Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: trudy VNK k 40-letiyu polevykh arkheograficheskikh issledovaniy MGU im. M.V. Lomonosova, pt. 2. Istoriya, nizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva. Yaroslavl', pp. 73–75 [in Rus].

80. Churkin M.K. (2015) *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, no. 1, pp. 4–11 [in Rus].

81. Shakhov M.O. (2001) Staroobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i sotsial'naya pozitsiya. Moscow, RAGS [in Rus].

82. Yukhimenko E.M. (2002) *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'*. Moscow, YAsk [in Rus].

For citing: Tovbin K.M.,
Atorin R. Yu., Kozhurin K. Ya.
Old Believers studies
in the cultural creation perspective //
Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 111–122.

UDK УДК 111-141.2-130.2

OLD BELIEVERS STUDIES IN THE CULTURAL CREATION PERSPECTIVE

Tovbin Kirill Mikhaylovich,
Sakhalin State University,
Associated Professor, Cand.Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 693000,
Yuzhno-Sakhalinsk, Lenina St., 290
E-mail: kimito@yandex.ru

Atorin Roman Yuryevich,
Russian Timiryazev State Agrarian University,
Associate Professor, Cand.Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 127550,
Moscow, Timiryazevskaya St., 49
E-mail: atorin85@yandex.ru.

Kozhurin Kirill Yakovlevich,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Associate Professor, Cand.Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 191186,
Saint Petersburg, Embankment of Moyka River, 48.
E-mail: kozhurin@list.ru.

Annotation

The article describes the urgency of creating a scientific anthology dedicated to the Russian Old Believers. Russian Old Believers is one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia. Attention to the Old Believer intellectual heritage is relevant

for clarifying the course of Russia's development in the world community of civilizations. Over the centuries of coexistence with the Russian Empire, the Old Believers developed their own counteractions to the Western path. Nowadays the Old Believers are an arsenal of spiritual, intellectual and cultural methods of resistance to Westernization, information capitalism and one-dimensional globalization. The Old Believers developed mental mechanisms for sustainable development in the context of multipolar globalization, for the construction of a social state based on sovereign democracy. The anthology should include both basic Old Believer texts and significant research and philosophical works about the Old Believers. A selection of Old Believer texts should illustrate the various trends of Old Believer thought in different epochs, to see the Old Believers as ideology, as a world view, as a mentality, as a way of life. The collection of texts on the Old Believership should give an objective picture of the place of the Ancient Orthodoxy in the history and present time of Russia. Editorial work should be based on a special methodology, so as not to perceive the Old Believers in an ethnographic or historical-museum format. Old Believer should be presented to the reader in the light of his current opportunities for building a new great culture.

Key concepts:

Old Believers;
ancient Orthodoxy;
anthology;
Old Believer studies;
"parallel Russia";
Russian Civilization;
Russian culture.

Для цитирования: Блинова О. А.
Философия как забота о себе
(или рассуждения о Форуме «Мир философии») //
Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 123–130.

УДК 101.1 + 37.013.73

ФИЛОСОФИЯ КАК ЗАБОТА О СЕБЕ (ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ О ФОРУМЕ «МИР ФИЛОСОФИИ»)

Блинова Олеся Александровна,
Уральский государственный
педагогический университет,
доцент, кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620017, г. Екатеринбург,
пр. Космонавтов, д. 26.
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru

Аннотация

В статье дан обзор Форума «Мир философии», прошедшего с 16 по 19 апреля 2018 года в Уральском государственном педагогическом университете (г. Екатеринбург). В ходе обзора утверждается основной тезис Форума о первичности философского знания и его необходимости для будущего развития человечества. Философия представляется фундаментом образования, являющегося, в свою очередь, мостом в будущее. Высказывается необходимость модернизации современного российского образования, опирающейся как на технологические, так и на философские основания, что является залогом гармоничного и целостного развития общества в будущем.

Ключевые понятия:
философия;
образование;
футурология;
форсайт;
экология.

Введение

Каждый апрель на протяжении вот уже 16 лет в Уральском государственном педагогическом университете знаменуется проведением Всероссийской научно-практической конференции «Философия и наука». Возникнув в 2002 году, она была создана как первая научная площадка для молодых ученых аспирантов и соискателей, с одной стороны, позволяющая им сделать первые шаги в науке, а с другой – выступающая этапом подготовки и сдачи кандидатского экзамена по философии.

Философия как наука и как учебная дисциплина обычно вызывает у неподготовленной публики нефилософских специальностей, а именно у студентов, аспирантов и соискателей, состояние «страха и трепета», поэтому главной целью, которую преследовали основатели конференции доктор философских наук, профессор Людмила Александровна Беляева и кандидат философских наук, профессор Людмила Ивановна Забара, заключалась в выявлении актуальности философского знания и связи философии и науки в современном мире, а также в популяризации философских идей среди молодежи. В процессе подготовки материалов к конференции аспиранты и соискатели с определенной долей удивления обнаруживали философский фундамент в своих прикладных исследованиях, выражающийся в исторических корнях развития той или иной науки, в методологии, проводимых ими исследованиях, а также в научном категориально-понятийном аппарате.

Изменения, происходящие в структуре вузовского и послевузовского образования, появление магистратуры, смена аспирантуры факультетом подготовки кадров высшей квалификации, смена структуры преподавания и сдачи кандидатского экзамена теперь уже по истории и философии науки, способствовали изменению состава участников и качества конференции. Постепенно информация о научно-практической конференции «Философия и наука» вышла за пределы вуза, что позволило расширить круг ее участников и приобрести статус всероссийской. В 2013 году сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Философия и наука» обрел официальную уникальность благодаря присвоению ему международного кода ISBN, став с этого момента официальным научным периодическим изданием. А с 2015 года сборник был включен в российскую наукометрическую базу РИНЦ.

Но кто сказал, что философия открывает свои тайны только аспирантам и соискателям? Желание и стремление не просто привить интерес к философии, но и развить навыки критического мышления, рефлексии, логического рассуждения и рационального осмысления проблемных ситуаций побудило организаторов конференции привлечь к участию студентов и школьников. Тем более, что в рамках кафедры философии УрГПУ в начале 2000-х годов была создана научная школа «Философия образования» под руководством профессора Л. А. Беляевой. Данная научная школа на протяжении многих лет связана отношениями научной дружбы и сотрудничества с научно-методологическим центром «Философия детям», возглавляемым доктором философских наук, профессором Ларисой Тимофеевной Ретюнских и ведущим свою научно-образовательную деятельность при философском факультете МГУ им. М. И. Ломоносова. В силу этих причин юным философам было предложено пофилософствовать на различные актуальные темы и представить свои рассуждения в виде эссе – короткого размышления или вопрошания об основных экзистенциалах бытия, любви и ненависти, добре и зле, жизни и смерти, выполненного в полемической дискуссионной манере. Так, в рамках Конференции в 2010 году появился конкурс философских эссе. На сегодняшний день в конкурсе участвуют юные мыслители со всей страны, и он также приобрел статус всероссийского.

Несмотря на такой долгий срок существования конференции «Философия и наука» в стенах Уральского государственного педагогического университета, сказать, что философия в этих же стенах приобрела особую популярность или вызвала горячий интерес представителей нефилософских специальностей, нельзя. Все с готовностью соглашались с важностью философских идей, методологии, критического и логического мышления для развития прикладных наук, с тем, что любая наука имеет философские основания, но дальше этого соглашательства дело не идет. На подобную несправедливость обратила внимание проректор по науке и инновационной деятельности кандидат филологических наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова, с легкой руки которой в 2018 году было решено провести очередную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Философия и наука», а ряд мероприятий, направленных на популяризацию философии, демонстрацию ее многогранности, актуальности и совре-

менности, которые в итоге и вылились в Форум «Мир философии». Целью Форума стало желание показать, что философия – это не только то, что слишком умно, слишком сложно и слишком скучно, но и то, что популярно, эксклюзивно, ярко, интересно и занимательно, что философия объединяет представителей различных научных областей, возрастов, политических и религиозных взглядов.

Раз философия – это то, что ярко и современно, то Форум начался, как и положено значимому научному мероприятию подобного типа, с рекламы, которая должна была обнаружить актуальность, интересность и вечную молодость философии. Яркий позитивный рекламный постер притягивал взгляды студентов, преподавателей и гостей вуза, рождая в их сознании вопрошание, которое и есть основа всякой философии.

Часть 1. Конкурс-выставка

Форум начался с открытия конкурса-выставки «Философия в комиксах и мемах». Идея данного конкурса созрела давно, однако все время вмешивалось какое-то «но», и идея никак не могла соединиться с миром материи и обрести чувственно-воспринимаемую форму. Тем не менее, запрос на такое выражение философских понятий, концептов, современных культурных тенденций существует давно, и в первую очередь среди студентов. Г. Гегель самокритично замечал, что философия трудна для понимания из-за высокого уровня абстракции выражения своих идей. От древних предков человеку в наследство досталась привычка предметно-образного мышления, поэтому восприятие абстрактных категорий неподготовленным человеком – задача крайне сложная, а для студента-первокурсника, три месяца назад вставшего со школьной скамьи, практически невыполнимая. Устав от студенческого «плача Ярославны» на темы «Ну почему по философии нет ни одной картинкой?» или «Вот я все предметы понимаю, а философию нет!», преподаватели кафедры философии и акмеологии подумали: раз студенты хотят философию в картинках, то пусть сами их и нарисуют, и не просто картинку, а современные и модные в молодежной среде комиксы и мемы.

Комикс представляет собой гармоничное сочетание повествования и визуального ряда. Комикс с одной стороны облегчает восприятие философского текста, внося в

него нотку иронии, а с другой – позволяет при помощи картинок предельно ярко и полно обнаружить глубинный смысл философского произведения, порой невыразимого в словах. Мемы представляют собой единицы культурной информации, переходящие из одного сознания в другое, образуя таким образом культурный генофонд, характеризующий современное состояние и направление развития общества и культуры.

Удивительным для нас как для инициаторов-устроителей конкурса стал отклик на него: менее чем за месяц мы получили более ста работ. Не менее удивительной стала для нас и специфика учебных заведений: среди участников оказались представители высших, средне-специальных учебных заведений технической, естественнонаучной, медицинской направленности, а также общеобразовательных школ. Географический размах участников простирался «от Москвы до самых до окраин», точнее, от Дальнего Востока до Беларуси. Неожиданными и приятными стали комментарии, отправляемые участниками вместе с работами: «Спасибо за интересный конкурс», – написали нам участницы из гимназии № 120 г. Екатеринбург; «Давно ждали подобного мероприятия», – обрадовали нас студенты Марийского государственного университета г. Йошкар-Олы.

В самом УрГПУ выставка «Философия в комиксах и мемах» вызвала неподдельный интерес и даже ажиотаж. 14 апреля 2018 года в стенах Университета проходил «Тотальный диктант», участники которого, а их было более трехсот человек, с интересом и некоторым удивлением рассматривали работы, фотографировались на их фоне, голосовали за особо понравившиеся, обсуждая, что философия может быть такой яркой и полифоничной.

Бесспорными лидерами-вдохновителями на создание комиксов и мемов по мотивам их философских идей и высказываний, а также их центральными фигурами стали И. Кант и Р. Декарт.

Большое количество работ было посвящено постулату Р. Декарта «Я мыслю, следовательно существую», в которых изречение французского философа обыгрывалось с различных сторон, интерпретировалось с точки зрения житейских, образовательных и культурных смыслов.

Данный факт еще раз показал современность философии независимо от того, сколько веков прошло с момента создания той или иной философской концепции.

Часть 2. XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Философия и наука» Панельная дискуссия

Философия чужда громких слов, пафоса и патетики, поэтому традиционное для конференций пленарное заседание с важными официальными речами и заявлениями было заменено продуктивной и конструктивной панельной дискуссией. Тема панельной дискуссии «Образование – мост в будущее» была выбрана не случайно, выбор был продиктован и спецификой вуза-организатора, и направлением деятельности кафедры, и существующей на кафедре научной школой, и значимостью реформ современного образования для всех присутствующих. Ведущими спикерами дискуссии выступили доктор философских наук, профессор УрГПУ Людмила Александровна Беляева, доктор педагогических наук, профессор УрФУ Маргарита Николаевна Дудина, доктор социологических наук, профессор УрГПУ Елена Викторовна Прямикова и председатель экспертного совета по финансовой грамотности при Центральном банке РФ Анатолий Григорьевич Гавриленко.

Основным тезисом дискуссии стал тезис об устаревании концепции догоняющей модернизации образования. По словам профессора Дудиной, если мы находимся в рамках данной концепции, то наше образование безнадежно устарело, и мы вместе с ним. С ней согласилась и профессор Прямикова, обозначив необходимость перехода к концепции опережающей модернизации. Современное общество характеризуется Четвертой промышленной революцией, где на первый план выходит самостоятельное формирование студентами «портфеля знаний», необходимых им для будущей профессиональной деятельности, отметил А. Г. Гавриленко.

Участники дискуссии подвергли жесткой критике так называемую «ахроматическую» (бесцветную) модель образования, которая является ведущей в системе современного российского образования, когда учащимся предлагается архаичный способ передачи знаний – из уст в уста, от преподавателя к ученику. Первый глаголит истину, причем в том, что это истина, никто не сомневается, последний внимает эту истину, стараясь максимально точно запомнить формулировку сказанного, даже не задумываясь о необходимости ему этой истины. Кроме того, как отметили и М. Н. Дудина, и Е. В. Прямикова,

современные российские школьники и студенты не любят такую форму отчетности, как экзамен, поскольку у них нет желания показать себя, продемонстрировать свою личностную уникальность. Примерно 5 % российских обучающихся предпочитают сдачу экзамена иным формам отчетности, тогда как среди обучающихся Израиля эта цифра равна 30 % – привела данные социологического исследования Елена Прямикова. Маргарита Дудина сравнила российских студентов и студентов Оксфорда, последние за время обучения решают около 700 кейс-заданий, т. е. заданий проблемного типа, объединяющих в себе теорию и практику. Когда Маргарита Николаевна спросила присутствующих студентов, решают ли кейс-задания они, в ответ поднялось не более пяти рук.

Современное общество – это общество неопределенности, и застывшие образовательные структуры для него неактуальны. Современное образование, говорит М. Н. Дудина, должно использовать креативный подход. Перед образованием во все времена стояли три основных вопроса: зачем, чему и как учить. Сегодня на первый план выходит вопрос «как?», т. е. вопрос образовательных технологий. Ответ на него может дать концепция опережающей модернизации. Данная концепция опирается на асертативное поведение, т. е. поведение, направленное на утверждение себя, на заботу о себе (М. Фуко) и транспрофессионализм, т. е. развитие метакомпетенций и личностно-ориентированное образование. Ведущим критерием профессионального отбора является «талантизм», представляющий собой не количество «мертвых» знаний, а уровень интеллектуальных способностей, профессиональной гибкости и креативности. Опережающее образование связано и обусловлено развитием цифровой эпохи, когда в дополнение к преподавателю, а иногда и вместо него, приходят информационные технологии, гаджеты, которые перетягивают внимание обучающегося на себя. И здесь задача преподавателя не конкурировать с информационными технологиями, но призвать их себе на помощь.

Асертативная модель образования, по утверждению профессора Л. А. Беляевой, есть не что иное, как философия экзистенциализма, утверждающая проективное развитие личности, сопряженное с ее свободой, примененная к системе образования. В философских идеях экзистенциализма и феноменологии заложен способ достижения результативности образовательных технологий, заключающийся в гармоничном со-

единении интенции, т. е. образовательного желания, потенции, т. е. образовательной возможности, и посиденции, т. е. тех образовательных результатов, которых человек достигает. В ходе образовательной деятельности происходит осмысление социокультурной реальности, другими словами, образование – это рождение смыслов. Но, чтобы образование будущего могло осуществиться, необходимо развитие философии, т. к. именно философия – «живая душа культуры» (Л. А. Беляева). Философия определяет будущее развитие культуры, и если гибнет философия, то вместе с ней гибнет и образование, и культура, и все общество.

Таким образом, для того чтобы образование развивалось, чтобы оно могло стать тем мостом, что соединит современное поколение с будущим, необходимо развитие философии, являющейся фундаментом образования. В противном случае образование окажется мостом либо в прошлое, либо в никуда.

Круглый стол

Дискуссия о философских истоках образования как основы будущего развития общества и культуры продолжилась и на круглом столе Конференции, за которым собрались философы из различных вузов Екатеринбурга, а также из Челябинска и Перми. Особое внимание было уделено новой технологии, пришедшей в образование из экономики, форсайту. Форсайт – технология прогнозирования будущего развития системы по выбранной траектории. В основе возникновения форсайта лежит такой способ предвидения и прогнозирования будущего, как футурология. Футурология представляет собой область знаний по определению перспектив будущего развития общества. Но футурология отличается персонафицированной направленностью, поскольку футурологические картины будущего приобретают свою значимость и популярность благодаря таланту их создателя, например С. Лема или Э. Тоффлера. При этом нужно отметить, что футурологические проекты характеризуются как пассивные, поскольку они не опираются на вычислительные алгоритмы, а возникают благодаря экстраполяции качественных признаков и предсказанием их развития и не предполагают возможности корректировки прогнозов человеком, а опираются на два варианта исхода: сценарий либо сбудется, либо нет.

Современное общество, как отметили участники круглого стола, – это общество

наукометричное, поэтому и создание сценариев будущего должно опираться на наукоемкие технологии и основываться на нормативном методе расчетов. В силу этого требования современности происходит эволюционный переход от футурологии к форсайт-технологиям, характеризующимся высокой степенью использования научных технологий и высоким уровнем активного участия человека в формировании, корректировке и осуществлении сценариев будущего.

Завершением круглого стола стал доклад кандидата философских наук, доцента ЮУрГУ А. А. Дыдрова об интеграции методики форсайта в контекст высшего образования. Форсайт является одним из наиболее популярных сегодня прогностических методов и предполагает экспертную оценку стратегических направлений социально-экономического, политического и культурного развития регионов и государств. Учебная модель форсайта пока не имеет большой научной ценности и служит исключительно дидактическим и воспитательным целям. Во время учебного форсайта коллектив студентов различных специальностей, выступающих в роли экспертов, формулирует тренды в пределах заданной тематики (например, о потенциале электронного образования в России), обсуждает возможные угрозы со стороны трендов и угрозы трендам, появляющиеся возможности, институциональные трансформации, появление новых социальных институтов, а также потенциальные изменения в образе жизни, поведении, психологии человека.

Часть 3. Мастер-классы преподавателей ЮУрГУ

Специальными гостями Форума стали представители кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), с которыми у кафедры философии и акмеологии УрГПУ сложились дружеские отношения.

Екатерина Миляева. Первый мастер-класс «Человек-бренд: целостность в современном мире» проводила старший преподаватель кафедры философии ЮУрГУ Екатерина Галимулловна Миляева. Основной тезис мастер-класса перекликался с тезисом панельной дискуссии, главная цель человека – забота о себе, утверждение себя. В условиях рыночной экономики утверждение себя выражается в утверждении себя как человека-бренда, т. е. человека – со-

здателя какого-либо социально значимого продукта, который, с одной стороны, сделает имя создателя бессмертным, а с другой – принесет автору доход как при жизни, так и после смерти. «Сущность человека-бренда, – утверждает Е. Миляева, – заключается в том, что он олицетворяет собой идеал, мечту, ценность, не теряя при этом своей уникальности».

Человек-бренд есть тот, кто своей жизнью создает персональный нарратив. Но этот персональный нарратив не является исповедью, поскольку рыночно-капиталистическое устройство современного мира в исповеди не нуждается, создаваемый персональный нарратив является мифом, который можно будет продать и заработать на нем состояние. Поэтому в качестве основных характеристик человека-бренда руководитель мастер-класса назвала мифологию, трансцендентность, креативность и открытость. Через эти качества человек утверждает свою «друговость», уникальность, над которой не властны ни стереотипы, ни социальные обстоятельства.

Регина Пеннер. Следующим выступлением стал workshop «Экологическая ответственность» от кандидата философских наук, доцента ЮУрГУ Регины Владимировны Пеннер. Актуальность вопроса о формировании экологического сознания и развития экологической ответственности для жителей уральского региона несомненна, т. к. экологическая обстановка на нашей малой родине оставляет желать лучшего. Поэтому не удивительно, что среди желающих участвовать в workshop Регины Владимировны оказались не только студенты, обучающиеся по специальностям, связанным с экологией, но и студенты, и преподаватели иных профилей.

В основу диалога была положена статья «Экогуманистика» из «Проектного словаря» М. Н. Эпштейна. В философской «мастерской» студенты практиковались в искусстве интерпретации [1, с. 114] и составили так называемую «концептуальную карту» – перечень «узловых» взаимосвязанных понятий, позволяющих обобщить и переосмыслить информацию текста. Ведущий выяснял то, как текст отозвался в умах участников и то, что они могут сказать на злободневную тему [2, с. 132]. В ходе мероприятия возникла дискуссия об эффективности учебно-воспитательных занятий как средства формирования экологической ответственности. Сторонники мероприятий такого рода утверждали, что семинары позволяют расширить горизонты мысли и дают повод

к размышлению о смысложизненных проблемах, о месте и роли человека в мире. Противники выражали сомнения в целесообразности гуманистического подхода к воспитанию человека и выступали за радикальные меры в преобразовании общества: например, за ужесточение законодательных норм.

Артур Дыдров. Заключительной мастерской стал киносеминар «Диалоги об экологии», проведенный кандидатом философских наук, доцентом ЮУрГУ Артуром Александровичем Дыдровым.

На семинаре обсуждался фрагмент «постапокалиптической» киноленты «Письма мертвого человека» режиссера К. С. Лопушанского. Органичным дополнением к просмотру фильма было обсуждение фрагмента работы «Что такое метафизика?» М. Хайдеггера, посвященного экзистенциальному ужасу и отличию этой настроенности от боязни и страха, привычных для повседневного существования. Киносеминар по экологической проблематике был вписан в рамки стратегии футуризации образования и по существу является методикой реализации обозначенной образовательной стратегии на практике. В общем смысле футуризацию можно определить как комплекс учебно-воспитательных мероприятий, направленных на размышление о будущем, о проблемах и перспективах развития индивида, социального целого, государства и мирового сообщества. Идеиные истоки футуризации можно увидеть еще в работах Р. Юнга и Э. Тоффлера – сторонников формирования прогностических групп в образовательных учреждениях [3, с. 99]. К сожалению, в рамках как школьного, так и вузовского образования практически отсутствуют курсы, направленные на изучение «технических и технологических мегатрендов» [4, с. 61], отсутствуют дисциплины, связанные с будущим, в рамках которых школьникам и студентам могло бы быть предложено порассуждать о проблемах экологии, потребительского отношения к природе, влияния новых технологий на современное состояние человека и его будущее развитие. Такие рассуждения, основанные на интерпретации философских и не только текстов, могли бы помочь молодому поколению проанализировать возможные позитивные и негативные последствия влияния технологий на развитие общества, а также смоделировать возможные футурологические сценарии своего поведения и определить возможность управления ими.

Часть 4.

Киноклуб «Заглядывая в будущее»

Размышлениям об утверждении себя, заботе о себе, о сценариях будущего был посвящен философский киноклуб, вдохновителем и ведущим которого стала кандидат философских наук, профессор УрГПУ Людмила Ивановна Забара.

Основой работы киноклуба «Заглядывая в будущее» стала лекция выдающегося экономиста Дж. Ривкина «Третья техническая революция». Основой общества будущего станет цифровая экономика. Общество будущего, как отмечалось практически на всех мероприятиях Форума, общество наукометричное, т. е. опирающееся на взаимодействие научных знаний, исследований и инноваций, на повышение качества образования, на поддержку инновационных технологий и на увеличении доступа к информации и технологиям общения.

В продолжение темы лекции Дж. Ривкина студенты привели стратегию развития Европы «Европа 2020»¹. Согласно Стратегии цель развития стран Евросоюза до 2020 года – развитие экономики, основанное на знаниях и инновациях, целесообразном использовании природных ресурсов, улучшении экологической обстановки и конкурентоспособности в экономике. Экономика такого качества должна способствовать достижению социального и территориального согласия. Источником достижения целей Стратегии является молодежь, поэтому одним из приоритетных направлений деятельности является повышение привлекательности европейского высшего образования, повышение его качества и улучшение в сфере занятости молодых специалистов. Для этого предполагается проводить модернизацию высшего образования, а также поддерживать неформальное образование.

В ходе обсуждения лекции Дж. Ривкина и стратегии «Европа 2020» состоялась бурная дискуссия, в результате которой мнения студентов диаметрально разделились. Одни заняли позицию необходимости развития цифровой экономики, повсеместного использования наукоемких технологий как основы развития общества будущего и гаранта его благополучия. Другие же высказали опасения по поводу исчезновения из социально-экономического развития общества гуманитарной составляющей и уничтожения сущности человека, что приведет к

¹ Новая европейская стратегия «Европа 2020». URL: <http://eulaw.ru/content/307>.

замене его андроидом или роботом, лишенным человеческой природы. А как возможно будущее человечества без человека?

Часть 5. VIII Всероссийский конкурс философских эссе

Завершающим мероприятием Форума, лейтмотивом которого стала мысль о философских основаниях образования, являющегося соединительной нитью между прошлым и будущим, стал VIII Всероссийский конкурс философских эссе. С каждым годом количество участников конкурса увеличивается, география расширяется, а возраст снижается, что говорит о неподдельном интересе к теме философских рассуждений о проблемных явлениях современности и перспективных тенденциях развития будущего. В 2018 году на конкурс поступило более 200 работ от студентов вузов, ССУЗов и учащихся общеобразовательных школ г. Екатеринбурга и области и около 100 работ из других регионов.

Юным мыслителям для философского осмысления были предложены следующие темы (где первые две темы стали безусловными лидерами по количеству откликов):

1. Образование – мост в будущее.
2. Я через 10 лет.
3. Спор с философом.
4. Вандализм: разрушение прошлого или создание будущего?
5. Гражданин, россиянин, горожанин: что может молодежь?

Выступая с очными презентациями своих работ, ребята подтвердили основной тезис Форума о значимости образования и необходимости его модернизации. Самая юная участница Конкурса, девятиклассница школы № 3 г. Ревда Свердловской области, участница проектных смен образовательного центра «Сириус» (г. Сочи) и образовательного центра «Золотое сечение» (г. Екатеринбург) Даша Белоглазова с грустью отметила отсталость современного российского школьного образования от запросов современного мира и тенденций будущего, с чего, собственно, и начался Форум. Приведу небольшой отрывок из ее эссе:

«Что изучаем мы в школе: заучиваем разряды местоимений и химических формул, полгода моделируем выкройку, а потом шьем по ней никому не нужный фартук, изучаем язык программирования Pascal ABC. На столе меня ждет монография по мозгу, а я трачу время на зубрежку стихотворения Некрасова. Уставшие от бумажных отчетов

учителя, десятилетней давности компьютеры, до сих пор бумажные учебники. Но это не самое главное, самое главное, что школа не готовит нас жить в XXI веке. Мы (я имею в виду среднестатистического школьника) не имеем возможности осваивать азы предпринимательской деятельности, плохо знаем английский, не имеем возможностей социализации (ни один мой одноклассник не смог себе найти летом работу), мы не способны проектировать свою деятельность, а тупо движемся, попав в колею, – вот закончу школу, сдам ЕГЭ, поступлю в вуз... А что дальше? Обучение становится скучным, потому что превратилось в натаскивание к ВПР, к ОГЭ, ЕГЭ. Что делать? Как быстро реформировать эту систему?»

Не об этом ли говорили уважаемые профессоры на панельной дискуссии? С Дашей согласно большинство участников Конкурса, государству необходимо провести конструктивную реформу образования, чтобы оно перестало быть недееспособным атавизмом общества и чтобы в России наступило-таки светлое будущее. Для построения своего и государственного будущего современная молодежь нуждается в качественном жизненноориентированном образовании, где используются информационные технологии, в образованных преподавателях, не загнанных отчетами, ФГОСами, ФОСами, РПД и пр. грудой ненужных бумаг, а идущими в ногу со временем, находящимися в курсе актуальных мировых образовательных, экономических, политических и философских тенденций, в преподавателях, которые научат жить, проявлять заботу о себе, утверждать себя, свое будущее, свою ответственность.

Заключение

Наше будущее зависит от нашего образования в настоящем. Наше образование ждет серьезных перемен в содержательном, техническом, технологическом, информационном и иных планах. Наше образование сегодня должно стать мостом в наше будущее. Каким бы это будущее ни оказалось, цифровым, информационным, инновационным, технологичным, хочется верить, что, главным его ресурсом останется человек, человек свободный, интеллектуально развитый, самодостаточный, самостоятельный, образованный, человек, обладающий критическим и логическим мышлением, человек креативный, гибкий, творческий. Основой этого человека будет его гуманитарная сущность, развитие которой определяется

философией, охватывающей и пронизывающей и технологии, и инновации, и модернизации, поскольку философия есть жизнь и душа культуры.

1. Дыдров А. А., Пеннер Р. В., Резвушкин К. Е. Заметки о философской практике О. Бренифье // Социум и власть. 2016 № 6. С. 112–115.

2. Пеннер Р. В. Философское партнерство: motus философа-садовника в философу-практику // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 132–135.

3. Дыдров А. А. Синергия гуманитаризации и футуризации как условие функционирование интерпретационной машины // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 96–100.

4. Дыдров А. А. Консонанс гуманитаризации и футуризации как условие оптимальной работы интерпретационной машины // Философия и наука : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27 апр. 2017 г. Екатеринбург : Вектор-Плюс, 2017. 257 с.

References

1. Dydrov A.A., Penner R.V., Rezvushkin K.E. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 112–115 [in Rus].

2. Penner R.V. (2017) *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (79), pp. 132–135 [in Rus].

3. Dydrov A.A. (2017) *Socium i vlast'*, no. 2 (64), pp. 96–100 [in Rus].

4. Dydrov A.A. (2017) *Konsonans gumanitarizacii i futurizacii kak uslovie optimal'noj raboty interpretacionnoj mashiny // Filosofiya i nauka: materialy XV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Ekaterinburg, 27 aprelya 2017 goda. Ekaterinburg, Vektor-Plyus, 257 p. [in Rus].

For citing: Blinova O.A. hilosophy as care of the self (or reasoning about the forum) // *Socium i vlast.* 2018. № 2 (70). P. 123–130.

UDC 101.1 + 37.013.73

PHILOSOPHY AS CARE OF THE SELF (OR REASONING ABOUT THE FORUM)

Blinova Olesya Alexandrovna,
Ural State Pedagogical University,
Associate professor, Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620017,
Ekaterinburg, Cosmonauts Avenue, 26.
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru

Annotation

The article provides an overview of the Forum "World of philosophy", held from 16 to 19 april at the Ural state pedagogical university (Ekaterinburg). The review argues the main thesis of the Forum on the primacy of philosophical knowledge and its necessity for the future development of mankind. Philosophy is the foundation of education, which, in turn, is a bridge to the future. The necessity of modernization of modern Russian education, based on both technological and philosophical grounds, is expressed, which is the key to harmonious and holistic development of society in the future.

Key concepts:

philosophy;
education;
futurology;
forysythe;
ecology.

Для цитирования: Борисов С. В. Мексика приглашает: предварительная программа 15-й Международной конференции по философской практике // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 131–135.

УДК 101.9

МЕКСИКА ПРИГЛАШАЕТ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА 15-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ¹

Борисов Сергей Валентинович,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой анонс предварительной программы 15-й Международной конференции по философской практике «Философская практика как создание гуманистических отношений и дружественной среды», которая состоится в Мехико (Мексика) в июне 2018 года. Российская делегация представит на этой конференции словарь «Язык философской практики».

Ключевые понятия:

философская практика, философское консультирование, философия для детей, преподавание философии.

В период с 25 по 29 июня 2018 года в столице Мексики Мехико будет проходить очередная 15-я Международная конференция по философской практике «Философская практика как создание гуманистических отношений и дружественной среды». Конференция пройдет в стенах Национального автономного университета Мексики (*UNAM*) – крупнейшего в Латинской Америке, входящего в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Участниками конференции станут философы, преподаватели университетов и школ, психологи, предприниматели, юристы, врачи, представители общественности. Такое разнообразие профессий и сфер деятельности участников конференции не удивительно, поскольку за годы своего существования философская практика из направления современной философии превратилась в широкое общественное движение. Об этом свидетельствуют тематические разделы, представленные на конференции: «История философии, ее связь с философской практикой», «Эпистемология философской практики (понимание дисциплинарных особенностей и этических основ философской практики)», «Философское консультирование», «Прикладные аспекты философской практики для особых групп населения», «Философия для детей», «Философская практика в организациях», «Новые направления философской практики», «Философская практика в образовании», «Философская практика как общественное движение».

В 1994 году в Ванкувере (Канада) была проведена первая Международная конференция по философской практике. С тех пор с периодичностью примерно раз в два года конференции проходят в различных регионах мира. Местами проведения конференций были: Испания, Германия, Нидерланды, США, Великобритания, Дания, Южная Корея, Греция, Сербия, Швейцария, Италия. Автору статьи довелось участвовать в двух конференциях – в Сербии и Швейцарии [2]. Можно заметить, что в этом внушительном списке стран нет России. Пока на карте распространения движения философской практики Россия находится в области *terra incognita*. Однако официальное начало сотрудничеству было положено в 2014 году, и, возможно, в ближайшем будущем в списке стран-организаторов последующих конференций появится Россия. В 2018 году чести принять у себя философов-практиков со всего мира удостоена Мексика. Это первая конференция по философской практике, которая состоится в Латинской Америке.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

По замыслу организаторов конференции, философская практика – это направление современной философии, которое взяло на себя смелость найти решение такой фундаментальной проблемы как удовлетворение духовных запросов широких слоев населения с помощью философии и философствования. Если воспользоваться парадоксальным утверждением Г. Ахенбаха, то философ-практик – это «специалист в не-специальном», он относится к своему посетителю всерьез: он понимается не при помощи теорий, т. е. схематически, не как «пример, подтверждающий правило», но как то уникальное человеческое существо, которым он является. О нем не судят в соответствии с некоторой «мерой» (например, «здоровья»). Вопрос состоит, скорее, в том, живет ли он в согласии с самим собой [1]. Таким образом, начиная с 70-х и 80-х годов прошлого века, теоретики и практики этого нового философского направления решили, что главным делом современной философии является спуститься с «абстрактных небес» и приблизиться к служению простым людям. Для этого надо научиться работать с их конкретными и частными проблемами философскими методами, т. е. поднимая их на уровень философской рефлексии. На этом поле деятельности возникло много интересных методов, теорий, накопился огромный опытный материал. Все это можно считать хорошим заделом для решения той фундаментальной проблемы, о которой говорилось выше. Появились реальные пути применения громадного философского потенциала для качественного решения конкретных задач в области образования, коммуникации, прикладных научных исследований и многих других проблем повседневности.

Главными докладчиками на конференции будут «отцы-основатели» этого философского направления Герд Ахенбах (*Gerd Achenbach*) (Германия) и Лу Маринофф (*Lou Marinoff*) (США). Герд Ахенбах первым из философов вводит в научный оборот само понятие «философская практика», кроме того он является наиболее авторитетным представителем такого направления философской практики, как «философское консультирование». Его прорывные идеи обобщены во множестве книг и статей по данной проблематике [6]. Ахенбах – основатель «Международного общества философской практики» (IGPP), член Научного консультативного совета «Общества изучения и продвижения прикладной философии» (Германия), а также основатель и бессменный руководитель

целого кластера университетских курсов по философской практике в Венском университете (Австрия).

Еще одним лидером движения философской практики является Лу Маринофф – писатель, профессор философии, декан философского факультета Городского колледжа Нью-Йорка (США). Он является основателем Американской ассоциации философов-практиков (APPA). Во многом именно благодаря Лу Мариноффу движение философской практики стало популярным. Огромную роль в этом сыграли его книги-бестселлеры *Plato, not prozac! Applying philosophy to everyday problems* (1999), *Philosophical practice* (2001), *The Inner Philosopher: Conversations on the Transformative Power of Philosophy* (2012), переведенные на многие языки мира [8–10]. Он является одним из самых узнаваемых и читаемых авторов в мире. Благодаря его усилиям, а также усилиям еще одного философа-практика из США Рана Лахава (*Ran Lahav*), в 1994 году прошла первая международная конференция по философской практике [5].

Следует отметить также других интересных докладчиков, выступления которых прозвучат на конференции. Это канадский философ-практик Питер Раабе (*Peter Raabe*), который получил международное признание как один из ведущих экспертов в области использования философии в профилактике и лечении многих психических заболеваний. Он также талантливый журналист, провел множество семинаров по философскому консультированию во многих странах мира. Известность в среде философов-консультантов ему принесла книга *Women in Philosophical Counselling: The Anima of Thought in Action* (2015) [12]. Также следует отметить докладчика из Испании Феликса Гарсию Мориона (*Félix García Moriyón*), чья деятельность в области философской практики неразрывно связана с темой «Философия для детей». Он является президентом многих международных организаций, координирующих работу по философствованию с детьми: Центра философии для детей (Испания), Международного совета философских исследований с детьми (ICPIC), Европейского фонда содействия развитию философии с детьми. Он также является научным редактором таких авторитетных международных журналов, как *Thinking, The Journal of Philosophy for Children, Diálogo Filosófico, Childhood & Philosophy*. Философ-практик из Южной Кореи Янг Ри (*Young Rhee*) известен своими нестандартными методиками использования философской практики в

работе с военнослужащими, социально неблагополучными категориями населения, заключенными. Он автор телеолого-нарративной модели философской практики, оказывающей терапевтический эффект лицам, испытывающим физические или душевные страдания. Данной методике посвящена его книга *Bayesianism from Rationality to Objectivity* (2015) (на корейском языке). Следует также отметить еще одного философа-практика из Испании Хосе Барриентоса Растроджо (*José Barrientos Rastrojo*), предметом научного интереса которого являются проблемы прикладной философии. Он написал первую книгу об истории философской практики на испанском языке, благодаря чему это движение завоевало популярность не только в Испании, но и в странах Латинской Америки.

Организаторы конференции в Мексике предложат участникам нестандартные формы проведения заседаний, одной из которых являются «Философские прогулки». Ведущими этих заседаний будут также известные философы-практики. Бразильский философ Вальтер Кохан (*Walter Kohan*), автор книги *Philosophy and Childhood. Critical Perspectives and Affirmative Practices* (2014) [7], более известный российскому читателю по статье «Философствовать с мальчиками и девочками в Латинской Америке» [4], выступит с презентацией авторского проекта «Энциклопедия Детства». Французский философ-практик Оскар Бренифье (*Oscar Brenifier*), активно путешествующий, являющийся одним из главных пропагандистов идей философской практики, поделится своими теоретическими и практическими работами в этой области [3]. Он известен также как автор коллекции философских книг для детей (*PhiloZenfants-collection*), переведенных более чем на 25 языков мира, включая русский язык. Еще одним лидером направления «Философия для детей» или «Философствования с детьми» является аргентинский философ Дэвид Сумайкер де Анджело (*David Sumiacher D'Angelo*), который помимо того, что является руководителем Мексиканской федерации философии для детей, также возглавляет оргкомитет нынешней международной конференции по философской практике в Мексике. В своей последней книге *Ethics* (2014) он представляет различные методики философской практики в контексте известных произведений писателей и философов Латинской Америки.

В ходе работы конференции планируется проведение нескольких панельных дискуссий на темы: «Этика философской практики и философского консультирования»,

«Методы и перспективы развития философии для детей», «Методы и перспективы философского консультирования», «Философская практика и ее применение в социальной сфере», «Соотношение философской практики и университетской философии», «Экспериментальные исследования в философской практике», «Философское консультирование и психотерапия: общее и особенное».

Кроме того, авторы недавно вышедшей книги *New Frontiers in Philosophical Practice* (Cambridge Scholar Publishing, 2017) Лидия Амир (*Lydia Amir*) (редактор), Лу Маринофф (*Lou Marinoff*), Рэн Лахав (*Ran Lahav*) и др. проведут презентацию этого издания [11]. В этой книге интернациональная группа философов-практиков в своих статьях выносит на обсуждение широкой публики новые методы, цели и проблемы, которые являются наиболее актуальными для данного движения. В каждой из двенадцати глав этой книги показано, как философы могут реализовывать свою ответственность не только по отношению к близкому им сообществу, но и по отношению ко всей современной цивилизации в целом. Эта антология будет ценна не только философам (теоретикам или практикам), но также культурологам, социологам и психологам.

Следует отметить, что среди многочисленных мастер-классов и презентаций, заявленных на конференцию, есть и выступления российских философов-практиков: *Практика сократического диалога в управлении проектами* (Ольга Иванова), *Футуризация образования: от теории к практике* (Артур Дыдров), *Философская практика в университете: возможности и пределы ее применения* (Регина Пеннер), *Что такое «духовные упражнения» и как их использовать?* (Сергей Борисов), *Философская практика в формировании нового типа субъекта образования* (Кирилл Резвушкин).

Российские участники намерены презентовать на конференции словарь «Язык философской практики». Издание будет выполнено на двух языках (русском и английском). Данный словарь является скромным вкладом российских ученых, плодотворно сотрудничающих с зарубежными коллегами в области философской практики, в это международное движение. Хотя философская практика постепенно становится признанной профессией, во многих странах созданы ассоциации представителей этой профессии, увеличивается количество клиентов, пользующихся услугами практикующих философов, актуальным для нашего словаря является

не институциональный аспект этой темы, а сущностный и категориальный аспекты, собственно то, что представляет собой философская практика как направление современной философии. Каков понятийный аппарат философской практики? Что составляет инвариантную (базовую) составляющую этого аппарата, а что характеризует его вариативные особенности в зависимости от области применения и ареала распространения? Как в свете философской практики «трансформируются», видоизменяются базовые понятия философии, психологии и педагогики? Ответом на эти и многие другие вопросы является данный словарь.

Словарь дает возможность читателю не просто разобраться с основными понятиями, которые получили наибольшее распространение в философской практике, но и наметить для себя область собственных интересов в этой сфере. Большинство статей словаря написаны в проективном стиле, они вовлекают читателя в обсуждение открытых проблем, а не навязывают директивно одну единственную точку зрения. Тем самым любой читатель может стать соавтором каждой статьи за счет своих собственных размышлений, профессионального и жизненного опыта. Так и должно быть, ведь самым главным философом для человека является он сам.

В словаре кратко, но в то же время основательно раскрываются наиболее распространенные базовые понятия философской практики со ссылкой на зарубежные источники, которые пока малоизвестны российскому читателю. Словарь дает представление о многообразии вариантов реализации философской практики на стыке различных научных дисциплин и областей знания, о возможности использования понятийного аппарата философской практики в научно-исследовательской и образовательной сфере, а также для индивидуального самообразования и духовного развития каждого интеллигентного человека.

1. Ахенбах Г. Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 99–106.

2. Борисов С. В. Философия понимания и партнерства: заметки о XIV Международной конференции по философской практике (4–8 августа 2016 г., Берн, Швейцария) // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 134–139.

3. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80–87.

4. Кохан В. О. Философствовать с мальчиками и девочками в Латинской Америке: один пример, источник вдохновения, познания и смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 1. С. 51–62.

5. Лахав Р. Философская практика – Quo Vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7–14.

6. Achenbach G.B. Zur Einführung der Philosophischen Praxis: Vorträge, Aufsätze, Gespräche und Essays, mit denen sich die Philosophische Praxis in den Jahren 1981 bis 2009 vorstellte. Eine Dokumentation. Köln : Dinter, 2010.

7. Kohan W.O. Philosophy and Childhood. Critical Perspectives and Affirmative Practices. New York : Palgrave Macmillan, 2014.

8. Marinoff L. Philosophical practice. San Diego : Academic Press, 2002.

9. Marinoff L. Plato, not prozac! Applying philosophy to everyday problems. New York : Harper Collins, 1999.

10. Marinoff L. The Inner Philosopher: Conversations on the Transformative Power of Philosophy. New York : Dialogue Path Press, 2012.

11. New Frontiers in Philosophical Practice, ed. by L. Amir. London : Cambridge Scholar Publishing, 2017.

12. Raabe P. Women in Philosophical Counselling: The Anima of Thought in Action. New York : Rowman & Littlefield, 2015.

References

1. Ahenbah G.B. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 99–106 [in Rus].

2. Borisov S.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 5 (61), pp. 134–139 [in Rus].

3. Brenif'e O. (2018) *Socium i vlast'*, no. 1 (69), pp. 80–87 [in Eng].

4. Kohan V.O. (2015) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 17: Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie*, iss. 1, pp. 51–62 [in Rus].

5. Lahav R. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57), pp. 7–14 [in Rus].

6. Achenbach G.B. (2010) *Zur Einführung der Philosophischen Praxis: Vorträge, Aufsätze, Gespräche und Essays, mit denen sich die Philosophische Praxis in den Jahren 1981 bis 2009 vorstellte. Eine Dokumentation. Köln, Dinter* [in Germ].

7. Kohan W.O. (2014) *Philosophy and Childhood. Critical Perspectives and Affirmative Practices*. New York, Palgrave Macmillan [in Eng].

8. Marinoff L. (2002) Philosophical practice. San Diego, Academic Press [in Eng].

9. Marinoff L. (1999) Plato, not prozac! Applying philosophy to everyday problems. New York, Harper Collins [in Eng].

10. Marinoff L. The Inner Philosopher: Conversations on the Transformative Power of Philosophy. New York, Dialogue Path Press, 2012 [in Eng].

11. Amir L. (2017) New Frontiers in Philosophical Practice. London, Cambridge Scholar Publishing [in Eng].

12. Raabe P. (2015) Women in Philosophical Counselling: The Anima of Thought in Action. New York, Rowman & Littlefield [in Eng].

For citing: Borisov S.V. Mexico welcomes: preliminary program of 15th International conference on philosophic practice // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 131–135.

UDC 101.9

MEXICO WELCOMES: PRELIMINARY PROGRAM OF 15th INTERNATIONAL CONFERENCE ON PHILOSOPHIC PRACTICE

Borisov Sergey Valentinovich,

South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, Lenina S., 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The article is the announcement of preliminary program of 15th International conference on philosophic practice "Philosophic practice as a means of creating humanistic relations and friendly atmosphere", which is to be held in Mexico City, Mexico in June 2018. The Russian delegation is presenting the dictionary "The language of philosophic practice" at the conference.

Key concepts:

philosophic practice,
philosophic consulting,
philosophy for children,
teaching philosophy.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
 2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
 3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
 4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
 5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
 6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
 7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не менее 20. Самоцитирование – не более 2-х источников.
 8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
 9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
 10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.
 11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
 12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.
- Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
- Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
- В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
- Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
- Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
- Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.
- Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
- Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
- Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
 2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
 3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
 4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
 5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
 6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
 7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
 8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
 9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
 10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
 11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
 12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.
- The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
- The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
- The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
- Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
- No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
- The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
- The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
- Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru